

НАУКА И РЕЛИГИЯ

6

1989

ISSN 0130-7045

Читайте
в следующих
номерах:

Государство
и церковь:
на этапе
перестройки

Свобода
совести: уроки
и перспективы

Буддизм:
глазами науки

Наставник
Далай-ламы

Х. Кокс
В поисках
советского
Христа

Э. Мандалян
Ясновидящая

...многонациональность
в условиях нашей страны —
могучий источник развития
и взаимного обогащения
народов.

Из резолюции XIX Всесоюзной
конференции КПСС

Осетины (Цойпеда СО АССР)

Мохевка (этническая группа грузинского
народа)

Курдки (Армянская ССР)

Фото Г. Анохина

Уйгурка (Киргизская ССР)

Бывает и так. Жених — полутатарин-полуказах,
невеста — полутурчанка-полунемка

НАУКА И РЕЛИГИЯ

В номере 6

июнь '89

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРДЕНА ЛЕНИНА
ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
«ЗНАНИЕ»

Издается с сентября 1959 года

- 2 НАВСТРЕЧУ ПЛЕНУМУ ЦК КПСС
Э. Тенишев
К возрождению малых народов
- 4 Перестройка и национальный вопрос
-
- 4 ПЕРЕСТРОЙКА: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ
Е. Латышева
«И старым бредит новизна»?
- 19 Что и как переосмысливать?
-
- НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МНЕНИЙ
- 6 Архиепископ Кирилл
Законы и убеждения
- 8 Г. Лялина
«Одно из несомненных прав человека»
-
- ПРАВДА, СОКРЫТАЯ ПЛАЩАНИЦЕЙ
- 11 Л. Регельсон
К научному спору о Туринской плащанице
- 12 В. Гольдманский
Наука свое слово сказала
- 13 Л. Верховский
Иисус пережил Голгофу?
-
- ЗА РУБЕЖОМ
- 15 К. Преображенский
Закат живого солнца
-
- 190 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. ПУШКИНА
- 43 Я. Левкович
Тринадцать писем Пушкина
-
- НАШИ ИНТЕРВЬЮ
- 20 Л. Немира
Знакомьтесь: Норберт Кухинке
-
- ФИЛОСОФСКИЕ ДИАЛОГИ
- 23 Д. Бом
Математика — волшебное зеркало ученого
- 25 П. Гуревич
Расподобление или диалог?
-
- ОБЫЧАЙ И СУДЬБА
- 28 Н. Расул-заде
Зеркало
- 31 Ю. Кузьмина
В чужой монастырь
-
- УРОКИ ИСТОРИИ
- 34 М. Одинцов
Жребий пастыря
-
- МИФОЛОГИЯ. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ
- 40 Е. Лазарев
Египет и Русь: солнечная связь
-
- ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО
- 44 М. Эрлих
Секта
- 51 В. Никитин
Правду проповедует праведный
- 52 Л. Фоменко, М. Хетагури
Илья
-
- НАШИ ПУБЛИКАЦИИ
- 56 В. Панова, Ю. Вахтин
Жизнь Мухаммеда
-
- КРАСНАЯ КНИГА ФАНТАЗИИ
- 62 В. Задорожный
Кем обернется оборотень?
-
- 64 Содержание на английском языке

На первой странице
обложки работа
художника
А. Буркатовского
и фотохудожника
В. Германа.

Главный редактор
В. Ф. Правоторов.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. Ш. Алискеров,
А. В. Белов,
В. И. Гараджа,
И. И. Жерневская
(ответственный секретарь),
А. С. Иванов,
Н. А. Ковальский,
Э. И. Лисавцев,
Б. М. Марьянов,
В. П. Маслин,
К. А. Мелик-Симонян
(зам. главного редактора),
М. П. Новиков,
И. К. Пантин,
В. Е. Рожнов.

РЕДАКЦИЯ:

О. Т. Брушлинская,
Э. В. Геворкян,
И. Н. Гольдманская,
Г. В. Дремова,
Г. В. Иванова,
М. А. Ковальчук,
Ю. М. Кузьмина,
В. К. Лобачев,
Е. С. Лазарев,
Л. М. Минц,
Л. А. Немира,
В. П. Пазилова,
М. И. Пискунова,
А. А. Романов,
О. М. Степовая,
О. Ю. Тверитина,
В. Л. Харазов.

Художественный редактор
С. И. Мартемьянова.
Технический редактор
Ю. А. Викулова.
Корректор
Г. В. Зотова
Зав. редакцией
А. Л. Шумский.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

© Журнал
«Наука и религия»,
1989.

Адрес редакции:
109004, Москва,
Ульяновская, 43,
корп. 4.

Телефоны:
297-02-51, 297-10-89.

Сдано в набор
22.03.89.
Подписано
к печати 26.04.89.
А 10100.
Формат 60×90/8.
Бумага
офсетная № 2.
Офсетная
печать.
Усл. печ. л. 8.
Усл. кр.-отт. 9,75.
Уч.-изд. л. 11,97.
Тираж
530 000 экз.
Заказ 01048.
Цена 40 к.

Ордена Ленина
комбинат печати
издательства
«Радянська
Україна»,
252047, Киев,
проспект
Победы, 50.

Текст набран
с применением
отечественного
фотонаборного
комплекса
«Каскад».

Журнал уже опубликовал ряд материалов по проблеме малых народов. Интервью нашего корреспондента Г. Дремовой с председателем научно-общественного совета по сохранению и развитию культур малых народов СССР при Советском фонде культуры, членом-корреспондентом АН СССР ТЕНИШЕВЫМ Эдхямом Рахимовичем подводит своего рода итог этой теме. Хотя не исключено, что к ней мы будем возвращаться и далее.

К возрождению малых народов

— Ныне проблемы развития наций и народностей обрели особое звучание и остроту, широко обсуждаются политиками и публицистами, деятелями науки и культуры. Вероятно, есть немало больших проблем и у малых народов?

— Да, у малых народов проблемы действительно большие, прежде всего проблемы сбережения национального языка и культуры. Пока есть язык, народ существует. Язык не только средство общения людей, он связывает их историей, я бы сказал, с цивилизацией, с культурой. Исследователи отмечают крайне тревожную тенденцию — бурно развивающаяся урбанизация, миграционные потоки размывают грани веками сложившихся национальных культур. Появилась реальная угроза исчезновения отдельных национальных образований. Вот почему в рамках нашего фонда создана по инициативе Д. С. Лихачева программа экологии культуры и научно-общественный совет по сохранению и развитию культур малых народов СССР.

Судя по всему, проблема эта глобальная. Человечество стремится сохранить все свое этническое многообразие. Мы предполагаем установить контакты с ЮНЕСКО, где создано подразделение, занимающееся проблемами малых народов. Будем накапливать собственный опыт и использовать опыт других государств, рекомендации авторитетных международных организаций.

По нашим данным, в стране проживает сейчас около 400 народов, включая «осколки» больших народов в пределах других республик и представителей зарубежных народов. Из всей этой многонациональной среды особо выделяем народы по трем признакам: малочисленности состава, отсутствию территориально-национальной автономии и выраженным чертам тетрадации традиционной культуры.

Само понятие «малый народ», конечно, условно. По сравнению с китайцами, народом. Численность которых около миллиарда, остальные на-

роды — малые. Месхетинских турок сегодня примерно 350 тысяч, это не так и мало, но мы будем ими заниматься.

— Недавно была перепись населения. Насколько я знаю, вокруг вопроса о количестве существующих у нас национальностей не раз вспыхивали споры. Наша демографическая статистика буквально «пляшет». Перепись 1926 года зарегистрировала 194 национальности, 1939 — 99, 1959 — 109, 1970 — 106, 1979 года — 101 национальность. В чем тут дело?

— Думаю, надо иметь в виду два аспекта. Один из них связан с известным теоретическим положением о сближении и слиянии наций как позитивном процессе в межнациональных отношениях. Установка эта шла от Сталина и долгое время воспроизводилась в нашей теории и пропаганде. Под нее подчас подгонялась и демографическая статистика. Но поскольку жизнь не укладывалась в жесткое ложе надуманной схемы, цифры, как вы говорите, «плясали». И сегодня, думаю, мы не имеем достоверной картины этнического многообразия нашей страны.

Другой аспект проблемы связан с методикой определения национальностей. Наш Совет считает, что перепись населения необходимо проводить с открытым списком, предоставляя возможность указать ту национальность, к которой причисляет себя гражданин, то есть записывать самоназвание. Пока же в последней переписи национальность фиксировалась по предложенному списку.

Вопрос этот далеко не формальный. Ведь что получается? Если не зафиксирована, не зарегистрирована та или иная национальность, то, согласно годами установившемуся у нас канцелярскому мышлению, ее как бы и не существует. И проблемы, связанные с ней, тоже как бы сами собой снимаются. Понятно, что страдают от такого подхода в первую очередь малые народы. Страдает и человечество, так как создается опасность обеднения его этнического многообразия. Я считаю, что если будут двое,

называющих себя ливами, надо и записывать двоих. Мы будем знать, что на земле от большого народа с большим историческим прошлым остались двое, владеющих своим языком. Значит, им нужно помочь. Или вот другой пример. Из кавказской народности убыхов остался всего один человек, живущий в Стамбуле и владеющий своим национальным языком. И сейчас делается все возможное, чтобы сохранить этот язык для человечества.

— Вы говорили о глубинных процессах, какими являются урбанизация, миграция, индустриализация. А как же влияет на развитие малых народов осуществляемая у нас национальная политика?

— То, что наше государство за минувшие семь десятилетий достигло внушительных успехов в экономике и культуре, что все народы поднялись на качественно новые рубежи — в этом я вижу главный итог ленинской национальной политики. Однако успехи не должны заслонять остроту ситуации. Ее истоки коренятся в деформации социализма, в отступлении от ленинских принципов в годы культа личности, в недооценке национального фактора в социальном, экономическом прогрессе, в попытке искусственно форсировать некоторые этнические процессы. Несомненно, сыграло свою негативную роль и то обстоятельство, что развитие национального самосознания народов — процесс для нашей страны естественный, породил немало новых проблем и противоречий, решение которых в годы застоя постоянно откладывалось. Принимались вроде бы и правильные решения, например по малым народам Севера, но на деле они не осуществлялись. Сейчас, когда идет возвращение к ленинским принципам организации советского общества, думаю, оно неизбежно затронет и сферу национальной политики. Она, безусловно, должна быть взвешенной, продуманной, без искусственных подделываний, но, одновременно, и активной, чутко реагирующей на все возникающие в этой сфере проблемы. Когда-то, в 30-е годы, существовал Госкомнац, который занимался и проблемами малых народов. Может, есть резон поставить вопрос о воссоздании этого правительственного органа. Считаю ошибкой ликвидацию национальных районов, национальных сельских советов. Большие беды и боль принесли сталинские репрессии, депортации целых народов. Ныне историческая правда восстановлена, но многие проблемы остаются нерешенными.

— Если судить по прессе, проблемы сохранения и развития национальной культуры, национального языка получили сегодня особую остроту. Но вот такой факт: перепись 1979 года называет 101 национальность, а литературу издают на 50 языках. Почему?

— Литературных языков намного

меньше, чем народных. Например, сейчас те же вепсы, месхетинские турки не имеют литературного языка. На языке ливов в Латвии говорят всего несколько человек. А вот шорцы, их около 18 тысяч, до 1942 года имели свою письменность. Потом с упразднением их национальной автономии она постепенно исчезла. Чтобы возродить язык, сохранить национальную культуру, шорцы организовали свои клубы. Сейчас их пока три.

— Еще одна острая проблема — алфавит. Когда в 30-е годы предпринималась попытка создания национального литературного языка для народов, не имевших своей письменности, разгорелась, насколько я знаю, острая дискуссия по поводу того, на какой основе — латинской алфавитной или кириллице, решать эту проблему. Как судить, какой алфавит ближе и понятнее народу? И сейчас, по-моему, эта дискуссия продолжается.

— Сейчас она идет вовсю. В ней, правда, появились и новые моменты. Раньше преобладала тенденция сближать все алфавиты с русской, славянской письменностью. Всегда ли это было оправдано? Ведь такой переход — это прерванная связь, обрыв в цепи развития, преемственности культуры. Немало литературных памятников, созданных на базе латиницы или арабского алфавита, для народов, сменивших свою алфавитную основу, оказались как бы зашифрованными, искусственно отторгнутыми. Особенно остро это ощущает нынешнее поколение, которое стремится глубже познать историю своего народа.

Я знаю, есть свои доводы и у людей, занимающих противоположную позицию. Сложность арабского алфавита, считают они, затрудняет освоение языка, осложняет доступ широких масс к образованию и культуре. Но, может быть, в такой ситуации следует создать более широкие возможности для изучения арабского алфавита представителями национальной интеллигенции, скажем, на факультативной основе в вузах. А может быть, поступить так, как это, скажем, сделано в Японии — дать жизнь двум алфавитам. В Молдавии широко обсуждается вопрос о том, чтобы перевести на латиницу национальный романский группы — язык. Думаю, проблема эта будет решена положительно.

— В последнее время публикуется много материалов о жизни народов Севера, авторы которых пишут теперь не только об этнографических фольклорных ансамблях и строительстве современных домов, заменяющих чумы, но также и о тех бедах, которые несет с собой этим народам индустриальная цивилизация. Не слишком ли опрометчиво мы перенесли на Север современную цивилизацию, новую культуру, не соотнеся ее с традиционной, существовавшей ранее?

— Я знаю, есть зарубежный опыт,

позволяющий малым народам соединять современные формы быта с возможностью жить, когда «душа гостует», по традиционным канонам. Такой опыт надо изучать. Приобщая к новой культуре, нельзя безоглядно разрушать старую.

У человека, шагнувшего сквозь столетия в наш стремительный и беспокойный век, вероятно, должно родиться естественное чувство хотя бы на время вернуться к прежней жизни, я бы сказал, укрыться в нише традиционной культуры. Эта потребность, наверное, возникает и у народов Севера, и у народов Юга.

— Очевидно, в возникновении кризисных для этноса ситуаций немалую роль играет и экологическая проблема. Мы гордимся тем, что индустрия шагнула в Заполярье. Но не секрет ведь, что ее могучая поступь рушит естественный ландшафт, загрязняет реки. Известно, что по традиционным поверьям народов Севера заповедные места, нерестилища объявлялись святыми. Людей отпугивали от них злыми духами, небесной карой и таким образом сохраняли необходимую гармонию между человеком и природой. Мы не призываем к возрождению традиционных табу. Думаю, они сегодня оказались бы бессмысленными. Но, может быть, их могла бы заменить сила советского закона? Как вы думаете, нельзя ли разработать такое законодательство, которое бы обязывало возмещать коренному населению нанесенный ущерб, зализывать экологические раны?

Вы нащупали очень тонкую сферу. Конечно, пока мы не добьемся должного порядка, все будет на уровне разговоров. Причем наши слова, думаю, будут уступать по силе воздействия заклинаниям шаманов.

Так вот и получается, что экология культуры, языка ныне самым теснейшим образом сплетается с заботой о сбережении природы, естественной среды обитания малых народов. Мы хотели бы при нашем Совете иметь опытных юристов различного профиля, специализирующихся на вопросах культуры, экономики и административного права. Пока эта сторона нашей работы — слабая. Но раз есть понимание остроты ситуации и важности проблем, то будут и предложения, и рекомендации соответствующим директивным органам. Мы понимаем, что государство не может сразу решить все наиболее важные вопросы, хотя его участие здесь крайне необходимо. Но и общественность должна не только бить в экологический колокол, будоражить народное мнение, но и помогать материально в решении острых проблем. Можно, к примеру, опереться на пожертвования. Сейчас у нас есть такая возможность. Было бы хорошо объявить в печати номера счетов в Госбанке для организаций, отдельных граждан, которые хотели бы

помочь благородному делу возрождения малых народов. Туда же можно перечислять средства от благотворительных концертов.

Резервов здесь немало. Можно, к примеру, создать кооператив, который бы занимался организацией, производством и сбытом изделий мастеров прикладного искусства малых народов. Тут могут быть и кубачинские мастера, и резчики по кости из районов Севера. Да мало ли еще какие диковинные вещи может создать талант пусть маленького, но великого своей творческой силой народа! С такой продукцией не стыдно выходить не только на внутренний, но и на мировой рынок. Правда, для этого требуются квалифицированные экономисты и коммерсанты.

Как добиться того, чтобы голос малых народов звучал с «Большой трибуны»?

Может быть, путь к этому лежит через создание Ассоциации малых народов? Такая идея высказывалась не раз. Но почему-то не находила должной поддержки. Более активно надо использовать трибуну Фонда культуры. Через такую авторитетную общественную организацию легче пробиться с наиболее важными проблемами и в государственные, и в партийные органы.

— В нашей стране существуют народы, «распыленные» по большим территориям, так называемые дисперсные народы — евреи, цыгане... У них существуют свои культурные, религиозные, языковые потребности. Какая форма выражения и защиты их интересов была бы наиболее целесообразна?

Путь, по-моему, нащупан. Вот, например, в Москве еврейская община создала даже два своих общества. Сейчас дискутируется вопрос: нужно ли два, может быть, достаточно одного центра? Сходная ситуация у поволжских татар. Тут нужна уже не национально-территориальная, а национально-культурная автономия. Сейчас создается довольно разветвленная сеть отделений нашего совета при Фонде культуры, охватывающих всю территорию страны. Когда она войдет в силу, тогда Совет может стать своего рода научно-методическим пунктом. Будем изучать, как реализуются рекомендации ученых, деятелей культуры, советовать, контролировать. Но это в перспективе. А пока мы сами вроде малой народности — незаметная, микроскопическая частичка. Но вот начали работать — и нас заметили. Пришли вы, придут другие.

— А теперь несколько слов об отношении к нашему журналу. Вы поддерживаете идею сотрудничества?

Конечно. И хорошо, если бы журнал чаще рассказывал о проблемах малых народов. Хотелось бы, чтобы эта тема звучала и в союзном эфире.

Перестройка и национальный вопрос

Три встречи за «круглым столом», проведенные правлением Всесоюзного общества «Знание»

Национальный вопрос — тема для пропагандистов не новая. Сколько высоких слов, авторитетных цитат и обстоятельной статистики было пущено в ход, чтобы раскрыть «диалектику расцвета и сближения наций». Эйфория самогипноза так заворочила иных пропагандистов, что они оказались в состоянии, близком к шоковому, когда разразились драматические события в Алма-Ате, Нагорном Карабахе, в республиках Прибалтики. И тут же в ответ стали раздаваться знакомые призывы: «одернуть», «поставить на место, навести порядок!»

Партия пошла, однако, иным путем. Впервые за последние 65 лет на Всесоюзном форуме коммунистов (XIX партконференции) была принята специальная резолюция «О межнациональных отношениях» и решение посвятить этому вопросу один из ближайших Пленумов ЦК.

В стране развернулся широкий, откровенный разговор о прошлом, настоящем и будущем советских наций, о наболевших вопросах национально-государственного строительства, развития экономики и культуры советских республик. Остро дискутировались эти проблемы за «круглым столом» в Обществе «Знание».

Ученые, партийные и советские работники, пропагандисты — все сходились в том, что за годы Советской власти народы и нации нашей страны вышли на новые качественные рубежи, объединившись в Союзе Социалистических Республик. И вне этого Союза дальнейший прогресс их немислим. Однако немислим он и без проведения давно назревших радикальных изменений, в отношениях между центром федерации и союзными республиками, между самими республиками и нациями, в межнациональных отношениях на уровне личностного общения. Национальное возрождение должно стать одной из составных частей перестройки и вести к упрочению братского союза советских народов, а не к самоизоляции.

Чтобы выработать национальную политику, отвечающую новому облику социализма, современным реальностям жизни, надо глубоко и честно проанализировать весь наш прошлый опыт, наши достижения и ошибки, очистить ленинские принципы взаимоотношений между народами от деформаций периода культа личности, волюнтаризма и застоя. С горечью отмечалось, что репрессии и гонения обрушивались на целые народы, под флагом борьбы с национализмом подвергались преследованию лучшие представители национальной интеллигенции. Огромный ущерб межнациональным отношениям нанесла административно-бюрократическая система централизованного управления, зачастую попирающая права союзных и автономных республик. В своем стремлении к унификации, к созданию общесоюзного монолита она нередко игнорировала национальное многообразие, специфику культурных, этнических процессов. Особенно пострадали малые народы, лишившиеся своих национально-территориальных образований. Над некоторыми из них нависла

ПЕРЕСТРОЙКА: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ

Е. ЛАТЫШЕВА

«И старым бредит новизна»?

«И устарела старина, и старым бредит новизна» — воистину это и про наше время. Еще вчера атеизм и религия были четко разведены на крайние полюса. Религии вменялись в вину уже сам факт ее существования, а ее служителей полагалось представлять не иначе, как в негативном свете. Сейчас, когда наметился явный отход от абстрактных идеологизированных схем, когда свобода совести стала не только провозглашаться, но и все более становится повседневной нормой, духовная жизнь общества обогатилась новыми красками. Нет, мировоззренческая противоположность науки и религии осталась, но в отношениях между атеистами и верующими, государством и церковью все очевиднее поворот к сотрудничеству во имя общих социальных, политических и нравственных целей. Наконец, под влиянием гласности мы как будто заново открываем для себя многие страницы отечественной истории и культуры, и потому, естественно, все пристальнее наш интерес к религиозной духовной традиции. Жизнь меняется, более медленно, зачастую болезненно, меняются наши представления, установки, сложившиеся стереотипы. Потому, как в водовороте, начинают сталкиваться противоположные мнения, неясные толки и бурные эмоциональные реакции. Судить об этом позволяет и нынешняя почта, богатая и разноречивая как никогда. В читатель-

ских письмах и одобрение происходящих перемен, и острое их неприятие, и даже растерянность. И вопросы, вопросы...

«Где же правда: там, в прошлом, или здесь, сегодня? А если это конъюнктурно, сиюминутно, если это попытка подогнать взгляд на религию под общий ранжир сегодняшнего переосмысления?» спрашивает Г. Н. Зуев из Смоленска. Еще тревожнее сомнение А. Г. Байды (г. Нежин Черниговской обл.): «Не наступит ли в нашем обществе что-то вроде средневековья?» Его поддерживает читательница Л. И. Лабышева из Таганрога: «Не пойму, почему уцепились за религию, что случилось, неужели вновь нам начнут ее навязывать, чтобы Советская страна покрылась опять религиозным мраком?»

Навязывать, конечно, никто не будет, но почему же все слышнее голоса в ее защиту, почему многие, очень многие склонны видеть в религии чуть ли не панацею от нравственных недугов общества? Вопрос этот и не встал бы сейчас со всей очевидностью, ведь не чья-то прихоть и не дань моде, если бы не отразилась в нем насущная общественная потребность. Значит, что-то неблагополучно в нашем моральном климате, и не что-то, не будем лукавить, а то, с чем мы сталкиваемся чуть ли не каждодневно — равнодушие, зависть, нечестность, как угодно продолжите этот ряд. Где истоки нравственных сдвигов?

«Мы напрочь отказались от религии и всего того, что вырабатывалось столетиями и прививалось народу», — пишет офицер запаса из Воркуты М. И. Крыжановский. — Возьмите хотя бы десять заповедей. Мы отказались от них, вырабатывали свои, коммунистические, но они не прижились. В новую Программу КПСС, принятую на XXVII съезде, уже не был включен моральный Кодекс строителя коммунизма. Мы, получается, остались без морали?» Ах если бы проблема нравственного здоровья общества решалась так просто! Внесли в текст новой Программы определенные декларации и «сезам, откройся» — мораль «заработала». Увы, и в печально памятные годы застоя Кодекс был запечатлен в нашей Программе, а что творилось в жизни? Тогда остается религия? Так, к примеру, думают читательницы С. Шабунина и С. Пеперова из Махачкалы уверенные, что только с введением преподавания Закона божьего в школах и вузах «можно воскресить в людях гуманность, доброту, милосердие, сострадание, терпение».

Не одни они ищут спасительные ответы на новые проблемы общества в «золотом веке» прошлого. Да, бредит старым новизна. Было ведь уже — и Закон божий преподавался до революции повсеместно, и храмы и монастыри не были закрыты, как сейчас, а вот не миновали Россию ни Цусима, ни Кровавое воскресенье, ни братоубийственная гражданская война. Да что, самому «помазаннику божию», главе государства Российского, давал духовные наставления не кто иной, как чудовищный Распутин! Так что не в «идеальной» сфере корни нравственных изъянов. И падение веры — в бога ли, в идею, в человека — не от «упразднения» религии или Кодекса

угроза исчезновения, растворения в котле урбанизации и в миграционных потоках. Нанесен огромный ущерб природной среде малых этносов. Курс на форсированное сближение и слияние наций привел к существенному сокращению письменных языков малых народов, резко сузилась зона функционирования национального языка в ряде союзных республик.

Само содержание национального вопроса в СССР трактовалось упрощенно. В политике и пропаганде акцент делался на завоеваниях и успехах, а возникающие в процессе естественного развития наций противоречия и проблемы десятилетиями не решались, постоянно откладывались, замалчивались.

Все это и привело к всплескам противоречий и конфликтов на национальной почве. Их решение видится только в русле общего процесса перестройки экономической, политической системы общества, демократизации и гласности.

Назрела потребность гармонизации отношения между центром и республиками. Республиканские выборные органы должны получить более широкие возможности суверенно решать вопросы государственной и общественной жизни, соблюдая конституционные обязанности перед Союзом.

Тупики экстенсивного развития экономики, бездумного хозяйственного рвения центральных ведомств вызвали немало острой и справедливой критики во многих республиках. В одних регионах образовался солидный резерв рабочей силы, в других — ощущается ее острый недостаток. Медленно развивалась социальная сфера, ухудшилась экологическая обстановка. Законно стремление народов каждой республики быстрее навести порядок в собственном доме, справедливо — в соответствии с количеством и качеством труда — распределять материальные и духовные блага. Как отмечал М. С. Горбачев: «Главное здесь — перевод всех предпрятий и объединений независимо от ведомственной подчиненности на полный хозрасчет, самофинансирование и самоокупаемость, установление экономически обоснованных отношений их с республиканскими и местными

бюджетами». Нужна продуманная концепция самоуправления и самофинансирования республик. Эффективно работающие, сильные экономические комплексы республик возможны только при наличии сильного центра.

Межнациональные отношения не исчерпываются отношениями между республиками. Более того, было бы ошибкой представлять те или иные конфликтные ситуации между республиками и центральными органами власти как межнациональные конфликты. Ведь в каждой из республик ныне проживает не одна и не две нации. В городах, селах, в трудовых коллективах бок о бок живут и работают люди различных национальностей, и их специфические национальные запросы в области языка, культуры должны удовлетворяться всюду. Это тем более важно, когда речь идет о жизни людей тех или иных национальностей, не имеющих собственной автономии. Интересы личности, проживающей в инонациональной среде, ее гражданский статус должны иметь надежную правовую защиту.

Ныне все сходится в том, что в системе государственной власти, научных и культурных учреждений должны быть органы, постоянно анализирующие, изучающие процессы развития наций и межнациональных отношений. Особая роль здесь принадлежит Совету национальностей Верховного Совета СССР.

В осуществлении национальной политики немало зависит и от пропаганды, интернационального воспитания трудящихся, принципиальной критики идеологии национализма, формирования культуры межнационального общения. Надо показывать жизнь такой, как она есть — с ее трудностями и противоречиями, с взлетами и падениями, успехами и неудачами. Ныне в социальное творчество активно включились миллионы людей, сбросивших оковы политической апатии, инертности и безразличия. В такой ситуации пропагандисты должны не только просвещать, воспитывать массы, но и уметь слушать и слышать их, зорко подмечать все новое, постоянно рождаемое созидательным процессом национального возрождения.

строителя коммунизма. Причина — в тяжких деформациях, прежде всего в социально-экономической сфере. И потому именно в этой области начали мы сейчас наводить порядок, стараясь вернуть обществу здравый смысл и нормальное человеческое лицо.

Много писем, авторы которых с удовлетворением отмечают, что наконец-то мы открыто говорим о важной миротворческой деятельности церкви, признаем ее участие в делах перестройки. Но и на сей счет есть иные мнения. «До чего доходит дело, — сетует, например, И. И. Холодков из Пензы, — политработники сидят в президиуме вместе со священниками и, видимо, думают этим ускорить строительство социализма».

Что же, ситуация действительно для нас до сих пор непривычная, но значит ли это, что она противоестественна для общества, переживающего процесс радикальной демократизации? Читая подобные строки, невольно приходят на память слова поэта: «Я не рожден, чтоб три раза посмотреть на разному в глаза». Можно и должно понять человека, отстаивающего свои убеждения. Ну, а если они оказались ошибочными, «разошлись» со временем? Что, упорствовать, демонстрируя «стойкость» духа?

Люди стремятся сохранить и восстановить культуру своего Отечества, вернуть к жизни разрушающиеся храмы, но и это не по душе И. И. Холодкову: «Зачем нам заниматься реставрацией церквей этих культовых сооружений? Что, у нас других дел нет? Нам надо в первую очередь решить жилищную проблему. А если уж речь идет о сохранности исторических памятников, то давайте построим новые памятники революционной, боевой и трудовой славы, а церкви могут подождать». Не могут уважаемый наш читатель, к сожалению, не могут... Неумолимая река времени унесла

и одно творение гения народного из-за нерасторопности нашей, равнодушия, да и сами к тому руку крепко приложили. А жилье оно, конечно, надо.

Неоднозначно оценивают наши читатели и выступления духовенства, верующих в прессе, в частности, в нашем журнале, публикацию религиозных текстов. Кто-то склонен усмотреть в этом недобрый знак, возможность интервенции «чуждых» идей и сдачу атеистических рубежей. Так, например, В. Синявин из Белгорода уверен, что «народу правда священнослужителей не нужна». А преподаватель научного атеизма из Киева В. Н. Арестов полагает, что таким образом «церковь получает право на ничем не ограниченную миссионерскую деятельность. В обществе, где основная часть населения никакой религии не исповедует, такая постановка вопроса есть посягательство на права неверующих. В стране достаточно храмов, молитвенных домов. И при всех справедливых и несправедливых упреках в адрес атеистической практики никто не может сказать, что лекторы-атеисты читают свои лекции в молитвенных домах, устраивают там дискуссии».

Вроде бы ясно. А вот другое письмо, Р. В. Тютия из г. Борислава Львовской области. В нем тоже есть своя логика: «В связи с тем, что атеизм все 70 лет узурпировал в государственных руках возможность пропаганды только своих идей, оттеснив в этом отношении верующих и церковь, во имя справедливости и для полной компенсации ущерба, установить: 70 последующих лет верующие пользуются для пропаганды своего учения всеми техническими средствами государства (как до сих пор атеисты), а атеизм поставить точно в такие рамки, в какие была поставлена

религия». Очевидно, действительно назрела потребность вернуться к формулировке, закрепленной в ленинской конституции: «свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами».

Мы стремимся выйти на новые рубежи в осмыслении нашей жизни, в журналистской работе. И для нас очень ценно, что эти наши усилия не остаются незамеченными читателями. В этом нас убеждает, в частности, мнение группы студентов из Алма-Аты, откликнувшихся на публикацию в журнале католического священника Ч. Кавалаяускаса: «Наконец-то мы получаем возможность судить о религии, что называется из первых рук. Надоело жить чуждой головой. Надоело что кто-то все время грызет за нас «гранит наук» и пичкает, как неразумных птенцов, уже безвкусной кашей. Мы и сами сможем разобраться, что к чему».

Доброе слово и нам приятно. Но мы привели эти строки не для того, чтобы полить бальзам на душу. Они радуют нас как еще одно свидетельство «взросления», возвышения духа, стремления к самостоятельности суждения. Мы согласны с А. А. Борщовым из Ворошиловграда, в письме которого говорится

«Нельзя ограничивать горизонт мышления. Как часто я встречал доморощенные научные рассуждения с критикой тех или иных религий. Я считаю, что наука должна быть абсолютно компетентна в таких вопросах, мы должны спокойно судить о логических построениях религий и верований, зная их на уровне самих приверженцев, ведь не боятся же богословы изучать работы Маркса и Ленина. В последнее время редакция «Науки и религии» много делает для этого, хорошо, что у нас вообще начинаются диалоги»

ЗАКОНЫ И УБЕЖДЕНИЯ

Архиепископ
Смоленский и Вяземский
КИРИЛЛ

Участие во внешней деятельности Русской Православной Церкви на протяжении десятилетий ставило наших представителей в весьма нелегкое положение: приходилось выслушивать очень критические замечания в адрес нашей государственно-церковной политики и реагировать на них. Нередко это были голоса явных или скрытых недоброжелателей, которых менее всего волновали церковные проблемы. Однако были среди вопрошающих и люди, искренне озабоченные реальным положением Церкви. Их вопросы порождались отнюдь не «злыми измышлениями» буржуазной пропаганды, а теми проблемами, которые действительно имели место и которые мы сегодня открыто признаем и обсуждаем. Одним из наиболее сложных вопросов был и пока еще остается вопрос о природе нашего государства. Казалось бы, все очень просто: церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви; религия не запрещена, значит, государство — конституционно-секулярное, а не атеистическое. Однако существовавшая у нас в течение долгих лет практика давала повод утверждать обратное. Ведь не секрет, что еще недавно верующий человек повседневно наталкивался на множество хотя и неофициальных, но реально осязаемых ограничений. Возьмите преподавательскую деятельность в вузах или такую массовую, распространенную профессию, как учитель. Разве мало случалось здесь конфликтных ситуаций из-за религиозных убеждений?

Знаю много примеров того, как люди, достигшие заметного общественного положения, имеющие при этом религиозные убеждения, не рискуют посещать церковь. Ну, скажем, еще в Москве, Ленинграде, Киеве или Одессе — можно рискнуть. Город большой, авось не узнают. А вот в небольшом областном, а тем более районном городе не пойдут, побоятся.

И эти опасения не беспочвенны. В бытность мою ректором Ленинградских духовных академии и семинарии приходилось сталкиваться с многочисленными случаями грубого администрирования в отношении религиозной молодежи. Вот один довольно типичный пример. Поступает в семинарию юноша с Западной Украины и рассказывает о препятствиях со стороны местных властей: перед самыми вступительными экзаменами через военкомат забрали его на сборы. Пришлось отложить поступление на год. На следующий год прибегли к иному способу: взяли да

В конце прошлого года в Академии общественных наук при ЦК КПСС прошло обсуждение проблем свободы совести. За «круглым столом» собрались ученые — обществоведы, правоведа; религиозные деятели — православные, католики, представители реформаторских церквей.

Выступавшие сходились в главном: последовательное соблюдение свободы совести — неотъемлемая грань процесса демократизации. Это важное условие упрочения единства советского общества, атеистов и верующих. Но по некоторым вопросам разгорелись жаркие споры: отношение к научному атеизму, к религиозной пропаганде, трактовка самих понятий «наука» и «религия». На наш взгляд, обсуждение показало, что, пожалуй, искусству диалога всем еще предстоит учиться.

В № 1 за этот год мы напечатали расширенный текст выступления за «круглым столом» директора Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС В. И. Гараджи. Продолжая публикацию материалов этого обсуждения, публикуем выступление архиепископа Смоленского и Вяземского КИРИЛЛА, временного члена Священного Синода Русской Православной Церкви, доктора богословия, а также краткое сообщение сотрудника Института научного атеизма, кандидата философских наук Г. С. ЛЯЛИНОЙ.

и посадили на 15 суток. А когда настойчивый молодой человек в третий раз не оставил своего намерения, то был вызван в райисполком, где местное начальство сообщило ему, что выписан и снят с воинского учета он не будет, ибо поступить в семинарию — это все равно что убежать за границу! Поступление в духовную семинарию было приравнено к эмиграции. Для такого деятеля районного масштаба верующий человек — это как бы человек из другого общества, некий пережиток прошлого, историческое недоразумение, досадное, а может быть, и опасное. Не потому ли миллионы верующих чувствовали себя в своем Отечестве, как на чужбине, что подобные представления были присущи отнюдь не отдельным руководящим деятелям. И люди вынуждены были скрывать свои религиозные убеждения, ибо знали, что представления эти сплошь и рядом реализовывались в конкретные деяния. Почему в богослужении до недавнего времени принимали участие, как правило, в основном люди пожилого возраста? Атеисты утверждали: у пожилых — низкий уровень общественного сознания, у них больше пережитков прошлого. А я скажу другое: им терять было нечего. Ничто не угрожало их карьере, и они не боялись открыто проявлять свою религиозность.

Сейчас много говорится о несовершенстве действующего законодательства о культах. Конечно же оно несовершенно. Но основные трудности возникали не столько на почве законодательства, сколько тогда, когда закон подменялся определенной идеологической установкой, предполагавшей общественную пользу от любой инициативы, ограничивающей религиозную деятельность.

Истоки этой идеологической установки, выражающей негативное отношение к религии и церкви, на мой взгляд, коренятся еще в предреволюционной нашей истории. Уже тогда в марксистских кругах возникло представление о том, что религиозные убеждения не являются лучшими для строителей нового мира. Эта мировоззренческая позиция усугубилась в контексте классовой и идеологической борьбы. Фактором, повлиявшим на ужесточение этой позиции, явилось неприятие частью духовенства происшедшей в стране революции. Все это порождало ориентацию на то, чтобы «снять» религиозные убеждения, постепенно вытеснить их из общественного сознания.

Хорошо известно, как «вытесняли» их в определенные периоды нашей истории. Но помимо административно-репрессивных методов использовались и иные пути, иные способы. Один из них — отнесение церкви и верующих на периферию общественной жизни. Главную роль сыграл здесь все тот же утвердившийся идеологический стереотип, согласно которому религия воспринималась как отступление от социалистической «нормы», рудимент буржуазного общества. Заклейменная в качестве пережитка прошлого, она была поставлена в один ряд с теми отклонениями от общественной морали, которые считались противоестественными для социализма. О каком же участии церкви в общественной жизни можно было говорить! Зачем выслушивать голос, факт существования которого вызывает раздражение? А потому впредь «до полной и окончательной победы» над религией ее сделали безгласной и неслышной. Даже в той области общественной жизни, где допускалось ограниченное участие церкви — в борьбе за мир — этот голос ориентировался вовне, народу же нашему и тут слушать его не полагалось. У всех на памяти телевизионные репортажи, в которых мелькали безмолвные представители духовенства, присутствовавшие на собраниях общественности.

Если сегодня мы преодолеем сложившийся стереотип и не на словах, а на деле признаем, что человек, разделяющий религиозные убеждения, не второстепенное существо, а полноправный член социалистического общества, тогда, думаю, мы сделаем решающий шаг на пути осуществления подлинной свободы совести.

В свое время атеистическая пропаганда, в том числе и журнал «Наука и религия», немало потрудились, чтобы создать негативное, предвзятое отношение к церкви и верующим. Сегодня она может многое сделать, чтобы разрушить его. Такого слова ждуть, и, уверен, оно будет услышано. А это означает, что будет сделан важный шаг навстречу друг другу. Священнослужители и верующие Русской Православной Церкви делом доказали преданность Родине, и сегодня они не менее своих нерелигиозных сограждан болеют за судьбу перестройки и трудом создают будущее Отечества. Думаю, что судьба этого будущего во многом будет зависеть от единства нашего народа, не в последнюю очередь определяемого отношениями между верующими и неверующими. Именно поэтому так важно сегодня разрушить идеологический стереотип церкви и верующего, который на протяжении десятилетий разделял наш народ.

В этой связи мне бы хотелось очень кратко коснуться вопроса о характере религиозного мировоззрения. Понимаю, что по существу обсуждать его нужно основательно и двумя словами здесь не ограничусь. Поэтому, не касаясь сути, скажу нечто, относящееся опять-таки к проблеме стереотипов. Принято противопоставлять научное и религиозное мировоззрение. Думаю, это тоже один из

штампов, который довольно глубоко вошел в сознание. Убежден, что такое противопоставление по существу своему неправильно. Мировоззрение формируется не только на основании науки. Конечно, достижения науки, равно как и научный метод познания мира, являются одним из существенных факторов, определяющих мировоззрение современного человека, но далеко не единственным. Разве исторический опыт, искусство, совесть, наконец, не оказывают своего воздействия на становление системы взглядов человека, на его убеждения? А если наряду с этими факторами присутствует и религия? Да, да, именно наряду, а не вместо. Как охарактеризовать мировоззрение современного верующего человека, сочетающего научное представление о физическом мире и религиозные убеждения? А если этот человек занимается наукой, да притом успешно? Можно ли утверждать, что верующий ученый имеет «ненаучное» мировоззрение, а его коллега атеист — «научное»? Здесь мы имеем дело с идеологизированием такого понятия, как наука. Это идеологизирование опасно. Ведь что выходит? Научное мировоззрение — правильно и достоверно, значит, обладая им, человек может успешно строить новое общество. А религиозное мировоззрение с этой точки зрения ошибочно, иллюзорно, с ним правильных целей не достигнешь. И вообще, не известно, как поведет себя в обществе человек с таким мировоззрением. А если так, то следует ли доверять ему особо ответственные посты в государстве, в той же науке, в производстве или в народном образовании. Иначе говоря, противопоставление атеистического и религиозного мировоззрений как научного и ненаучного содержит в себе потенциальную опасность деления общества на людей первого и второго сорта со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В обществе может быть только один критерий оценки его члена: приносимая этим членом польза. С библейских времен хорошо известна мудрость: «по делам их узнаете их». Общество должно оценивать человека не по тому, что он говорит, но по тому, что делает. Думаю, малым утешением для нашего народа было наличие у капитанов административно-командной системы, приведшей страну в предкризисное состояние, так называемого научного мировоззрения. От этого факта ни молока, ни мяса, ни справедливости больше не стало. Только оценивая людей по их конкретным делам и помня при этом, что никто не может претендовать на монополию в обладании истиной, сможем мы создать то справедливое общество, к которому стремимся.

Теперь о законах. Как правило, они отражают уровень общественного сознания, господствующие в обществе идеологические и политические установки. В значительной мере таким был и закон 1929 года. Сегодня он безнадежно устарел, и его следует как можно скорее заменить новым законом, соответствующим нынешнему уровню общественного развития в нашей стране. Однако важно не только иметь

хороший закон, но и выполнять его. Тем, кто все наши беды сегодня сваливает на закон 1929 года, я бы хотел сказать, что никогда мы по этому закону не жили: ни во времена культа, ни во времена волюнтаризма и застоя. Начиная же с самого трудного для религиозных людей послевоенного 1961 года, года массовых закрытий храмов и монастырей, наиболее оскорбительной атеистической пропаганды и грубого администрирования в отношении верующих, церковь управлялась не законом 1929 года, а особой инструкцией Совета по делам религий. Инструкцию эту никто из нас в глаза не видел, но последствия ее применения чувствовал каждый приход вплоть до юбилейного 1988 года. Велико было значение и субъективных факторов, таких, например, как степень идеологической терпимости местного уполномоченного Совета по делам религий. Ведь кем были мы тогда в глазах многих уполномоченных? Носителями противоположных классовых убеждений. От того, насколько тверд был в своих взглядах тот или иной чиновник, нередко зависела и судьба закона, и даже судьба инструкций. Еще раз хочу подчеркнуть: нужны изменения не только в законе, но и в отношении к закону, как это и должно быть в социалистическом правовом государстве.

Сегодня впервые за долгие годы мы открыто обсуждаем такие вопросы, как новое законодательство о свободе совести, место религии и церкви в социалистическом обществе, проблемы церковно-государственных отношений в прошлом и настоящем — все это стало возможным благодаря перестройке. Идет процесс обновления общественного сознания, пересмотр взглядов, ставших привычными. Давайте и мы постараемся посмотреть иными глазами на примелькавшиеся понятия.

В декрете Совета Народных Комиссаров, принятом в 1918 году, говорится, что религиозное обучение может осуществляться «частным образом». Что это означает? Только одно: без помощи и поддержки государства. Советская власть, провозглашая отделение церкви от государства и школы от церкви, заявила о праве каждого гражданина на свободу совести, то есть на свободу выбора между религией и атеизмом. Невмешательство государства в вопросы веры должно было гарантировать эту свободу. К сожалению, на практике имело место нечто иное. Формулировка «частным образом» получила столь произвольное толкование, что это привело практически к полной ликвидации всякого организованного изучения религии. Изучение же атеизма, как и атеистическая пропаганда, получили мощную организационную и финансовую поддержку государства. Более того, атеизм стал обязательным предметом в государственных учебных заведениях. Принцип свободы совести реальной политикой в области образования подкреплен не был. Понятно, когда секулярное демократическое государство не оказывает материальной и организационной поддержки церкви. Но

в таком случае эта поддержка не должна оказываться и атеистической пропаганде. Иначе государство фактически становится не секулярным, а атеистическим, и свобода совести подвергается опасности. Сегодня в процессе перестройки нашей общественной жизни у многих возникает вопрос: правомерно ли преподавать атеизм в общесоюзном масштабе за счет государства. Ведь в производстве национального дохода участвуют как неверующие, так и верующие, и налоги платят все граждане, вне зависимости от отношения к религии. Почему же из этих средств финансируется атеистическая пропаганда? Иное дело партийная учеба. Партия — это политическая организация, которая официально разделяет атеистические убеждения. И атеистическая пропаганда в контексте партийной учебы — дело законное.

Некоторое время назад мне пришлось участвовать в брифинге, который проводил председатель Совета по делам религий при Совете Министров СССР К. М. Харчев: шла беседа с главами дипломатических представительств. Среди многих вопросов был один, который особенно

волновал аудиторию: почему иностранные студенты, обучающиеся в советских вузах, должны изучать научный атеизм? Думаю, так же можно поставить вопрос и о преподавании атеизма нашим студентам. Почему его должны в обязательном порядке изучать студенты-верующие?

Несколько слов о религиозном образовании. Религиозные взгляды отнюдь не всегда возникают на уровне рационального мышления. По крайней мере не на этом уровне происходит то, что мы называем возрастанием в вере. Рациональное мышление лишь подкрепляет религиозность. Поэтому распространение религиозных убеждений возможно и без организованного изучения религии. Это показал наш семидесятилетний опыт. Даже бабушки и дедушки, молящиеся сегодня в церкви, в год Октября еще не ходили в школу и закона Божия не изучали. Сейчас в церковь пришло новое поколение, которое стремится иметь религиозные знания, и в большинстве своем оно это стремление удовлетворяет. Но как? С помощью «радиоголосов» и привозимой из-за границы религиозной литературы.

Вот и возникает вопрос: неужели гражданин СССР не может удовлетворить свой законный интерес к религии без заграничной помощи? Думается, что на основании Декрета 1918 года в нашей стране без всякой поддержки государства «частным образом» на средства верующих могло бы быть организовано религиозное образование. Добровольный и равный доступ молодежи как к религиозным, так и к атеистическим знаниям был бы ярким свидетельством уважения к провозглашенному Октябрем принципу свободы совести.

Много вопросов накопилось в области церковно-государственных отношений. Для их осмысления, для взаимопонимания сторон и выработки верных решений большое значение может иметь диалог церкви и самой широкой общественности. Перестройка создала благоприятные условия для такого диалога. Убежден, что как верующие, так и неверующие, обеспокоенные судьбой нашего Отечества, его будущим, не упустят исторической возможности сделать совместный шаг по пути обновления общественной жизни.

«Одно из несомненных прав человека»

Г. ЛЯЛИНА,
кандидат философских наук

В связи с обсуждаемыми проблемами свободы совести и отделения церкви от государства хотелось бы несколько слов сказать о том, как классики марксизма рассматривали эту проблему.

К. Маркс во многих своих работах связывает этот вопрос с проблемой политической эмансипации и становлением политического государства.

По Марксу, государство, которое допускает существование господствующей церкви или преимущества одной религии перед другой даже в интересах большинства верующих, — такое государство еще нельзя назвать политическим, оно теологическое. Политическое государство предполагает, по словам К. Маркса, эмансипацию государства «от религии вообще», «когда оно эмансипируется от государственной религии», «когда государство как государство не отстаивает никакой религии», даже тогда, «когда преобладающее большинство (населения. — Г. Л.) еще остается религиозным». При отделении церкви от государства право быть религиозным переходит в сферу гражданского общества, в сферу прав человека. Человек в таком случае не освобождается от религии, он получает свободу религии.

Наиболее последовательно, пишет К. Маркс, это право может осуще-

ствить «атеистическое (в смысле — отделившее себя от всех религий — теологических проблем. — Г. Л.) государство, демократическое государство, которое отводит религии место лишь среди других элементов гражданского общества». Однако, отмечает К. Маркс, «человек даже тогда, когда он при посредстве государства объявляет себя атеистом, то есть когда он объявляет государство атеистом, все еще остается религиозно ограниченным», он прибегает к государству как посреднику, в которого «вкладывает всю свою небожественность, всю свою человеческую свободу» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 1. С. 386—405).

Таким образом, марксизм переносит религиозный вопрос (в религиозном и антирелигиозном его аспектах) в сферу гражданскую, в сферу «частного дела» каждого гражданина. Религиозный вопрос должен перестать быть помехой на пути политического объединения трудящихся за свои права. Напротив, свобода религии становится в ряд тех политических свобод, с которыми выступают трудящиеся в борьбе за освобождение от всех видов экономического и духовного гнета.

Принцип единства трудящихся в борьбе за освобождение был сформулирован К. Марксом в «Уставе

Международного Товарищества Рабочих»: «Международное Товарищество и все вступившие в него общества и отдельные лица будут признавать истину, справедливость и нравственность основой в своих отношениях друг к другу и ко всем людям, независимо от их кожи, их верований или национальности» (т. 16, с. 13).

Именно исходя из этого принципа, Генеральный Совет отказал в приеме в Международное Товарищество одной из секций основанного М. А. Бакуниним Альянса, которая назвала себя Секцией атеистов-социалистов, так же как и отказал в приеме Союзу христианской молодежи, заявив, «что он не признает никаких теологических секций» (т. 19, с. 152—154).

В. И. Ленин на всех этапах революции в России отстаивал принцип единства верующих и неверующих в борьбе за социализм, доказывая, что нельзя выдвигать в революционной борьбе и в процессе социалистического строительства религиозный вопрос на первое место, отнюдь ему не принадлежащее. Особые трудности решения этого вопроса в условиях российской действительности были связаны с тем, что Россия подошла к революции как государство, по определению К. Маркса, «теологическое», в котором не только не была отделена религия от государства и не стала частным делом

граждан, но и не было свободы вероисповеданий и существовала еще господствующая церковь — православная. Функционирование церкви как политического организма самодержавия вызывало особое негодование по отношению не только к ней, но и к религии вообще, что породило немало экстремистов от атеизма, с одной стороны, и экстремистов от религии — с другой. Это накаляло политическую атмосферу, и В. И. Ленину приходилось преодолевать огромное сопротивление, отстаивая марксистские принципы.

В марте 1917 года после победы Февральской революции В. Д. Бонч-Бруевич выступил в газете «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» (№ 13, 22 марта 1917 г.) со статьей «Отделение церкви от государства», в которой в соответствии с ленинскими положениями формулировались основные требования большевиков по этому вопросу. Свобода совести провозглашалась в этой статье как «одно из несомненных прав человека»: «Помимо того, что закон должен вполне обеспечить каждому свободу веры, мы все должны быть свободны и в неверии. Религия должна быть частным делом людей. В эту область человеческой жизни закон не должен вторгаться ни при каких обстоятельствах. Никакая церковь, никакое вероисповедание, никакой культ не должен быть соединен с государством, с властью, не должен быть ею поддерживаем или порицаем. Свободное проявление убеждений своей совести влечет за собой столь же свободное объединение людей одинаково верующих (или неверующих) в группы, общества, церкви, общины» (В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. 1. М., 1959. С. 244).

Основные положения этой статьи с некоторыми коррективами вошли впоследствии в ленинский декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (1918 г.) и в Конституцию. Коррективы были связаны с враждебной позицией руководства церковью по отношению к Советской власти. Ограничивалась политическая деятельность духовенства, оно лишалось избирательных прав, а религиозные организации не получили права юридического лица. Эти меры в тот период рассматривались как временные. Направлены они были против священнослужителей и духовных организаций, а не рядовых верующих.

Что же касается последующего практического воплощения в жизнь установлений ленинского законодательства, то и на них отразилась историческая трагедия нашего общества. Судьбы религии и атеизма, судьбы верующих и неверующих оказались в руках людей, поправших ленинизм и его демократическую суть.

Зарубежная мозаика

НАУКА КОЛДОВАТЬ

В Ла-Корунье (Испания) собрались на очередную конференцию волшебники, колдуны, знахари, предсказатели будущего... Цель ее состояла в изучении оккультных наук и в объединении усилий для общения с потусторонним миром. Почти двести участников встречи провели для этого ряд теоретических собеседований и практических занятий.

Особое внимание было уделено разным видам магии, притом не только двум основным: белой, приносящей здоровье и богатство, и черной, навещающей порчу, но и менее известным — зеленой и красной. Первая из них помогает внушать и сохранять любовь, специализация второй — поиски философского камня.

Однако за три дня работы конференции хватило времени и на обсуждение таких проблем, как гадание на картах, обряды, стимулирующие плодородие, вопрос о потусторонних силах и, наконец, возможность контакта с внеземными цивилизациями.

Был сделан доклад и о летающих тарелках. Из него явствовало, что недалеко от места проведения конференции, под водой, находится база летающих тарелок; правда, координаты ее еще не определены.

ВЕТХИЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ

В США создана первая электронная Библия карманного формата. Владелец ее может сразу найти любое место Ветхого или Нового завета. Вес электронной Библии не превышает 170 граммов.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ

Объявление в лондонской газете «Дейли телеграф»: «Семья атеистов приглашает жильцов; религиозная принадлежность безразлична».

ПРИДЕТСЯ ВВОЗИТЬ

Неуклонно снижается уже четыре года численность желающих стать католическими священниками в США. За 1988 г. она уменьшилась еще на 5,2%. Если дело пойдет таким образом и дальше, пишет газета «Крисчен сайенс монитор», католикам придется подумать об импорте своих духовных пастырей.

ГДЕ ИСКАТЬ ЛЮТЕРАН?

За последний год численность лютеран во всем мире снизилась не менее чем на 700 тыс. человек. По данным Всемирного Лютеранского Союза, в 1987 г. она составляла 59,7 млн человек, а в 1988 г. уже только 59 млн.

ИСКАТЕЛЬ ЗЕРНА ИСТИНЫ

В Бразилии вышла двухтомная «Энциклопедия лекарственных растений, используемых неграми в Африке и Америке». Ее автор — этнограф Пьер Верже — француз, почти полвека живущий в Бразилии. Из 83 лет своей жизни тридцать пять он посвятил изучению истории и культуры негров Африки и Латинской Америки. Данные о 3260 растениях, изложенные на 700 страницах своего труда, Верже собрал во время путешествий по Африке, на которые ушло в общей сложности семнадцать лет. Много материала почерпнул он и в результате изучения кандобле — полутайного культа негров Бразилии. Его удостоили дважды звания «бабалао» — «отца тайн» — самого высокого в кандобле. (Имеются в виду тайны верований африканцев, сохранившиеся среди ввезенных в Бразилию потомков чернокожих рабов.)

Исследование Верже выполнено под эгидой Всемирной организации здравоохранения и бразильского Национального банка экономического и социального развития.

ПРАМАТЕРЬ ЖЕНЩИН

В Вене объявлено о сенсационной находке австрийских археологов. Близ местечка Гальгенберг, что около города Кремса, обнаружена женская статуэтка, возраст которой примерно 30 000 лет. Это самое древнее из обнаруженных до настоящего времени скульптурных изображений женщины.

Рисунки В. Шарковой.

Правда, сокрытая плащаницей

Точка зрения

РЕЗУЛЬТАТОВ научной экспертизы, проведенной специалистами Оксфордского университета, Университета штата Аризона и Федерального технологического института в Цюрихе, с нетерпением ожидали не только коллеги-ученые. Можно даже сказать, что не их профессиональное любопытство стояло за экспериментами, а незримое давление значительных масс народа, для которых результаты исследований значили нечто большее, чем просто ответ на вопрос, поставленный наукой. Это был вопрос их веры.

Объектом исследований была одна из важных священных реликвий католической церкви — Туринская плащаница. Сегодня, когда многие средства массовой информации рассказали о результатах ее исследований летом-осенью 1988 года, мы можем напомнить, что в советской прессе первый обстоятельный материал о Туринской плащанице опубликован в «Науке и религии» (№ 9, 1984). Его тут же перепечатали журнал «Наука и жизнь», и с тех пор не прекращается поток писем читателей, интересующихся судьбой этой загадочной реликвии.

Публикация журнала о плащанице (и годом спустя обзор гипотез и идей читателей) завершалась sacramентальным вопросом: датировка? Результаты радиоуглеродного анализа — единственного на сегодняшний день достаточно надежного метода датировки, имеющегося в распоряжении ученых, тогда еще не было, и, честно говоря, авторам публикации, как и многим читателям, не верилось, что Ватикан даст разрешение на эксперимент. И вопрос повис в воздухе.

Действительно ли возраст ткани

порядка двух тысячелетий, или это более поздний артефакт? Многих так заинтриговал именно этот вопрос, что они, похоже, упустили из виду высказанную на страницах журнала точку зрения науки: даже точное знание возраста плащаницы ничего не докажет и не опровергнет в ведущихся поныне спорах об историчности Христа.

Отрицательный результат (плащаница изготовлена позднее евангельских дат жизни Иисуса Христа) лишь поставит в деликатное положение римско-католическую церковь, но никак не христианскую веру. Но и положительный результат (дата изготовления ткани примерно I век н. э.), как представлялось ученым, к Христу мог не иметь никакого отношения. Если в указанные времена ткань действительно покрывала тело казненного на кресте, пусть даже распятого на территории современной Палестины, мало ли кого казнили тогда подобным способом!..

Правда, одна тайна ученых интриговала наравне с верующими — метод изготовления странного рисунка на ткани. Изготовления или естественного происхождения? Читатель, которому не составит труда отыскать в библиотеке подшивки нашего журнала за 1984 и 1985 годы, в обоих сентябрьских номерах обнаружит множество необычных и даже экстравагантных гипотез на сей счет... Но то уже тайны науки и к теологическим спорам они, в общем, отношения не имеют.

Сегодня многие вопросы, кроме этого последнего — как появился рисунок на ткани? — уже позади. Пресса сообщала о результатах анализа, проведенного учеными указанных научных центров (контроль за проведением экспериментов осуществлял Британский музей). Напомним главное.

Первое. Решение римско-католической церкви все-таки отдать кусочек ткани для исследований радиоуглеродным методом не может не вызвать, на наш взгляд, чувства уважения к принявшим это решение.

Второе. Во многом способствовал разрешению «тяжбы» между любопытными учеными и защищающими святыню деятелями церкви, как ни парадоксально, прогресс науки! Прогрессировал, в частности, разви-

радиоуглеродный метод датировки и просьба выделить в распоряжение ученых весьма значительный кусок ткани (и только его и было тогда достаточно, чтобы после сжигания исследовать золу) была, наконец, заменена более приемлемой. Для нынешних экспериментов ткани гробуется гораздо меньше — и церковь дала согласие.

И третье (которое могло бы оказаться последним). Поначалу, как сообщает журнал «Сайнтифик Америкэн» в ноябрьском номере за 1988 год, архиепископ Туринский, по просьбе которого ученые исследовали плащаницу, не спешил обнародовать результаты анализа, однако информация просочилась в прессу уже в сентябре 1988 года. А вскоре и по церковным каналам поступило признание, что полученные результаты не дают оснований усомниться в выводах ученых.

Итак, все-таки XIV век. Время никак не Христа, а скорее того самого французского вельможи Жоффруа де Шарни, который первым и оповестил мир о сенсационной находке «покрывала Христа». Объявил — в 1356 году...

И можно было бы поставить на сем точку, если б... Если бы не оставшаяся до сих пор неразгаданной загадка науки, касающаяся Туринской плащаницы. Как все-таки появилось изображение? И почему «негативное»? И еще немало всяких «почему, не позволяющих пока однозначно отложить историю с Туринской плащаницей в архив.

Сегодня мы вновь возвращаемся к читательской почте. Л. ВЕРХОВСКИЙ по-своему интерпретирует возможные обстоятельства казни на Голгофе, а Л. Л. РЕГЕЛЬСОН предлагает еще одну «версию», примиряющую, по его мнению, последние научные результаты с, казалось бы, отвергнутой точкой зрения церкви! Позиция читателя-верующего, к тому же получившего естественнонаучное образование, безусловно, любопытна и расширяет, на наш взгляд, спектр споров о плащанице в несколько неожиданную сторону. Прокомментируем публикацию Л. Л. Регельсона мы попросили известного советского ученого, академика В. И. ГОЛЬДАНСКОГО.

Итак, сначала позиция верующего.

К научному спору о Туринской плащанице

Л. Л. РЕГЕЛЬСОН

ромагнитное излучение в оптическом диапазоне, согласно нынешнему пониманию процесса зрительного восприятия. В то же время оно преодолевает силу тяготения и свободно поднимается вверх («вознесение») и без труда проходит сквозь стену.

В каком же смысле речь в статье шла о подлинности Туринской плащаницы? Разумеется, не в том, что научно подтверждался факт воскресения. Советские ученые (если быть точным, то статья представляла собой скорее обзор зарубежной печати, нежели изложение собственных взглядов авторов. — Ред.) делали вывод, что плащаница действительно была использована для погребения человека, умершего в то же время и при тех же обстоятельствах, которые указаны в христианском предании.

И вот новое сенсационное сообщение, облетевшее мир: Туринская плащаница не подлинна. Радиоактивный анализ установил время изготовления ткани — приблизительно XIII век (по уточненным данным — XIV в. — Ред.). С этим выводом науки согласился даже Туринский архиепископ.

Как верующего, меня этот вывод не травмирует. В конце концов для веры не имеет такого уж большого значения, подлинна или неподлинна Туринская плащаница — проблема волнует меня как верующего физика. Понимая, что ход мыслей и некоторые выражения могут несколько покоробить как верующих, так и физиков, я заранее прошу прощения у тех и других, но все-таки рискну

вместе с читателями порассуждать и подвергнуть сомнению очередную, «окончательный» вывод науки.

Итак, плащаница либо настоящая, либо поддельная (предполагаемая подделка не могла быть сделана позднее XIV века, так как история и местонахождение плащаницы с этого времени достоверно известны). Рассмотрим аргументы «за» и «против».

Плащаница — подлинная

1. Изображение тела на плащанице является негативным. До изобретения фотографии идея негативного изображения была неизвестна. Автор подделки в XIII веке сделал бы изображение позитивным, что и для верующих было бы убедительнее. Если даже он как-то догадался об идее негатива, неужели он ставил целью запутать потомков?

2. При микроскопическом исследовании не обнаружено признаков, характерных для нарисованных изображений, а именно скачкообразного изменения интенсивности окраски между соседними волокнами ткани. Такое изображение могло возникнуть лишь как результат какого-то естественного физического или химического процесса. Смоделировать такой процесс мы не в состоянии даже сейчас, тем более это было невозможно 700 лет назад.

3. В ткани обнаружены микроскопические следы пыльцы растений, дей-

ствительно произрастающих в Палестине. Вряд ли автору могло прийти в голову, что такой метод криминалистики когда-нибудь возникнет.

4. Если бы мастер, делавший подделку (а если он был, то он был великим мастером) хотел смоделировать изображение как отпечаток тела, то он должен был учесть возникающие при этом искажения пропорций и яркости окраски — эти искажения ему было бы нетрудно ввести. Однако изображение необычайно правильно, никаких искажений нет, что подтверждено компьютерным моделированием.

Я лично могу объяснить это лишь в том случае, если изображение возникло как результат какого-то излучения с поверхности тела — излучения, распространяющегося прямолинейно и взаимодействующего с тканью. Сторонники подлинности плащаницы высказывают гипотезу, что такое изображение могло образоваться как результат взаимодействия паров ароматических веществ, которыми умащивалось тело, с другими веществами, которыми пропитывалась ткань. Мне кажется, что в этом случае изображение не было бы столь правильным и четким. Но главное — оно было бы позитивным, так как концентрация паров и соответствующая реакция имела бы место в углублениях тела. Именно в этих местах цвет ткани отличался бы от общего фона. На самом деле общий фон ткани светлый, и в углублениях тела — также светлые пятна, темные же — на выпуклостях. Я не вижу возможности объяснить эти факты иначе, как с помощью гипотезы излучения.

Приводятся и другие аргументы в пользу того, что плащаница подлинна, но ограничимся этими и

ЕСКОЛЬКО

лет тому назад журнал «Наука и религия» поместил статью двух советских ученых, которые приводили убедительные аргументы в пользу подлинности Туринской плащаницы. Напомню: плащаница, хранящаяся как святыня в Туринском соборе, представляет собой кусок ткани с отпечатком человеческого тела, в которую, по церковному преданию, было облачено тело Иисуса Христа, умершего на кресте. Как сообщают евангелия, на третий день произошло воскресение, т. е. душа умершего Иисуса воссоединилась с его телом. При этом описываются свойства воскресшего тела, которые нашему сознанию представляются противоречивыми. Иисус ест и пьет, то есть у его тела есть внутренние органы; позволяет себя потрогать, то есть тело его обладает плотностью, его можно осязать; наконец, оно видимо обычными глазами, то есть отражает и испускает элек-

рассмотрим другое допущение.

Плещаница — подделка

Аргумент в пользу этого предположения единственный, но с точки зрения современной науки абсолютный: радиоактивный метод определяет время изготовления ткани — XIII век!

Думаю, не все читатели знакомы с сутью метода изотопной хронологии, и его стоит пояснить. В атмосфере под действием космических лучей происходит ядерная реакция — превращение ядер азота ^{14}N в ядра радиоактивного изотопа углерода («радионуклида») ^{14}C . В результате в атмосферном воздухе содержится радионуклид ^{14}C в определенной и постоянной концентрации. У растений происходит обмен веществ с атмосферой, поэтому радионуклид содержится в клетках живых растений также в определенной и постоянной концентрации. Когда растение умирает, обмен с атмосферой прекращается, и концентрация радионуклида начинает падать. Сравнивая концентрацию ^{14}C в изучаемой ткани с исходной концентрацией, можно установить возраст ткани, точнее время, когда было сорвано растение, из которого эта ткань изготовлена (или убито животное, если это шерсть).

Подобным образом и было установлено, что ткань Туринской плащаницы изготовлена около 700 лет назад. Метод неоднократно проверялся и доказал свою надежность.

Так что же — приговор окончательный и обжалованию не подлежит?

Да, если... Иисус был обычным человеком.

Мне могут возразить: если привлечь «гипотезу чудотворца», тогда обсуждение теряет смысл, ибо для чудотворца все возможно!

Отвечаю: не все — даже если считать Иисуса чудотворцем. Исхожу из описаний чудес, как они даны в евангелиях (Ин. 6:9). Согласно евангелиям, хотя чудеса Иисуса и нарушают известные

нам законы природы, но каким-то другим законам (или хотя бы ограничениям) они подчинены — полного произвола тут нет.

Вернемся к плащанице. Для того чтобы аргумент изотопной хронологии был снят, достаточно сделать одно предположение, а именно: во время контакта с плащаницей тело Иисуса Христа в какой-то момент испустило излучение, которое повысило концентрацию ^{14}C в ткани выше нормы, то есть оказало то же действие, что космические лучи. В этом случае ясно, что наблюдаемая сегодня концентрация радионуклида может в действительности соответствовать большему возрасту ткани. Скажем, не 700 лет, а 1950 лет, что соответствовало бы церковной версии.

То, что человеческое тело может испускать какие-то излучения, еще не известные физике, сегодня не звучит такой уж ересью, как и то, что в экстремальной ситуации интенсивность этих излучений может резко возрастать. Конечно, предположение, что такое излучение может вызвать хотя и слабую, но все же ядерную, а не только химическую реакцию, сегодня кажется фантастичным.

Гипотеза, как говорят физики, достаточно «безумна». Но мне представляется, что без достаточно «безумной» гипотезы к загадке Туринской плащаницы не подступиться. Ведь остаются аргументы против подделки. Чтобы их снять, надо предположить, что автор подделки предвидел современные методы микроскопического анализа, предугадал идею негативного изображения, изобрел какой-то метод нанесения этого изображения на ткань, неизвестный ни в XIII веке, ни в XX, и многое другое. Короче, мы должны предположить, что он был мудрецом, пророком и чудотворцем, почти не уступающим самому Христу, и при этом оставшимся неизвестным истории...

Наука свое слово сказала

Мнение
ученого

СПОМИНАЮ,

как когда-то, лет тридцать назад, мы спорили. Ландау, задумавший и даже немного грустный, молчал. И лишь когда все аргументы обеих сторон были «выложены на стол», подвел итог: «Как был бы я рад, если бы снежный человек вправду существовал, до того нам не хватает в жизни чудес! Но — увы — его все-таки нет».

То же самое можно сегодня сказать о знаменитой Туринской плащанице. Как обрадовался я в 1978 году потоку сообщений в самых авторитетных научных журналах об удивительных, необъяснимых свойствах этой реликвии, с каким интересом прочел несколькими годами позднее книгу Джона Хеллера «Туринская плащаница». Зная о моем интересе к плащанице, коллега из Брукхейвенской лаборатории Гармон Харботтл систематически писал мне о подготовке экспериментов по радиоуглеродной датировке ее возраста, о трудностях с получением всех необходимых

разрешений от служителей церкви.

И наконец, разочаровывающий четкий отрицательный результат: ткань плащаницы датирована XIII веком. Жаль, очень жаль, ведь нам так не хватает в жизни чудес!

Но принять «объяснение» Л. Л. Регельсона никак не могу — да он и сам чувствует его полную физическую несостоятельность. Действительно, пока остаются без ответа многие вопросы о поразительном мастерстве неведомого искусника XIII века, создавшего плащаницу. На эти вопросы и следовало бы искать ответы, используя весь арсенал методов XX века, законы физики и химии, накопленный этими науками

Спас Нерукотворный.
XVII век.

опыт. Думаю, однако, что после того, как дата рождения плащаницы приблизилась к нашим дням на 13 столетий, найти искусствоведов и криминалистов, желающих разобраться в истории ее создания, будет нелегко.

В. ГОЛЬДАНСКИЙ,
академик

Постскриптум
от редакции

Уже после того, как основная волна публикаций по Туринской плащанице улеглась, и внимание читателей переключилось на более захватывающие сюжеты, в ноябрьском номере журнала «Сайнтифик Америкэн» (за 1988 год) появилось краткое сообщение о результатах, полученных американским экспертом Уолтером Маккроуном.

Специалист в области микроскопии, Уолтер Маккроун, занимается в основном экспертизой произведений искусства. Он сообщил, что получил подтверждение («с оттенком печали») о правильности проведенной датировки от католических официальных лиц из Турина и не удивился Почти десятилетие Маккроун самостоятель-

но исследовал крошечный кусочек плащаницы в своей лаборатории в Чикаго и п е р в ы м датировал ткань XIV веком, причем не прибегая к методу радиоуглеродного анализа!

Вместе с другими специалистами в конце 70-х годов Маккроун был допущен к исследованию образцов ткани, предоставленных в распоряжение ученых Туринским собором. Он анализировал волокна с поверхности ткани. Те, что покрывали область «тела Христова», содержали бледное желатинообразное вещество с микроскопическими добавками красноватой охры. Волокна, снятые с темных областей ткани («ран Христовых»), были окрашены не кровью, а красителем — пурпуром.

Итак, ткань была раскрашена — но когда? Красная охра делается из натурального окисла железа, содержащегося в земле. Этот краситель использовался многие тысячи лет, как и пурпур. Однако пурпур из ткани плащаницы был «синтетическим», такой изготавливали в средние века. Более того, практика прорисовки линий темперой на желатиновой основе берет начало в XIII столетии и становится общеупотребительной в следующем веке.

В результате Маккроун только подтвердил то, что первым заявил епископ Труа, причем сразу после появления сенсационной находки: изо-

бражение на плащанице нарисовано неизвестным художником, вероятно, в том же 1356 году!

«Мои результаты, разумеется, никто не хотел принимать во внимание», — заявил американский ученый. Церковные авторитеты предпочли широко и разгласить результаты других групп исследователей, пришедших к выводу, что «образ Христа» скорее всего вызван каким-то интенсивным излучением, а на местах предполагаемых ран присутствуют следы крови...

Удовлетворен ли ученый теперь, когда его результаты столь блестяще подтвердились? Увы, только наполовину — насладиться триумфом, по его словам, ему мешает «симпатия к тем, кто верил в плащаницу. Мне бы тоже хотелось, чтобы она оказалась подлинной...».

Так что, принимая во внимание некоторые аргументы Л. Л. Регельсона в пользу подлинности плащаницы (но вряд ли соглашаясь с ним в его варианте «объяснения»), следует резюмировать: вместо одной тайны налицо другая? Тайна загадочного, может быть, даже гениального художника, чье имя поглотили без следа прошедшие столетия? А техника которого ставит в тупик современных экспертов...

Тайна умерла — да здравствует тайна!

Мнение
читателя

Л. ВЕРХОВСКИЙ

Если исходить из того, что изображение на плащанице — это не подделка, не тонкая работа неизвестного мастера, а «естественно образовавшийся отпечаток мертвого тела человека, распятого на кресте», то остается невыясненным вопрос: как же получилась эта детальная картина израненного бичеванием и распятием мужского тела, причем в виде негатива?

Установлено, что появление на светлой материи коричневатых пятен связано с дегидратацией волокон целлюлозы, которое могло усиливаться нагреванием, облучением, химической обработкой. Неустановленным остается пока тот конкретный физико-химический фактор, который привел к формированию изображения. Он-то и является предметом дискус-

Иисус пережил Голгофу?

сий. В журнале (см.: Наука и религия. 1985. № 9) приведены некоторые гипотезы читателей-специалистов в разных областях, предложивших свои решения проблемы: тут и действие радиоактивного излучения, и участие молнии, и редкая болезнь распятого, при которой выделяются пигменты-порфирины, и работа особых бактерий...

А что если попытаться изменить саму постановку задачи? Кажется, все особенности изображения можно объяснить, если в приведенном выше выводе о его природе заменить лишь одно слово: «это естественно образовавшийся отпечаток не мертвого, а живого тела человека, распятого на кресте». Живого в обычном, медицинском смысле слова...

В этом случае полученный на ткани «негатив» — это результат многочасовой экспозиции горячего, воспаленного после пыток тела. Места

ранений, имевшие более высокую температуру, должны были вызвать большее потемнение (что и наблюдается). Становятся понятными поразительная подробность, фотографичность картины (ведь она, в сущности, и есть тепловое фото), а также ее стереоскопичность — на каждую точку покрывала действовало излучение сразу от многих мест тела. Непосредственного контакта между кожей и тканью не требовалось.

Остается, правда, решить, а мог ли в принципе человек, подвергнутый процедуре распятия, остаться после этого в живых?

Как сказано в статье Арутюнова и Жуковской (Наука и религия. 1984. № 9), «распятие мучились на кресте сутки и более...». Это зависело от тяжести предварительного избиения (использовался хлыст с металлическим шариком или кусочком кости на конце), общего состояния организма и других факторов. Значит, если казнимого снять с креста через достаточно короткое время, он может быть еще живым. Для ускорения смерти жертве перебивали голени: чтобы дышать на кресте, необходимо приподниматься на ногах. На плащанице следов перебитых голени нет (хотя

Губерт Ван Эйк. «Распятие» (Створка триптиха XV в.).

виден след от удара копьем в бок).

Кем же был тот несчастный? Можно предположить, что одним из тех фанатично верующих последователей Христа, которые добровольно повторяли его путь. Правда, нужно еще объяснить происхождение положенных на глаза монет — они были отеканены в начале нашей эры, а сама плащаница, как утверждается, есть продукт позднего средневековья...

Здесь, вероятно, можно было бы остановиться и подождать, пока кто-нибудь сможет подтвердить или

опровергнуть предложенную версию. С другой стороны, трудно удержаться и не посмотреть под этим углом зрения на новозаветное описание казни Иисуса из Галилеи.

Из канонических евангелий можно узнать, что Иисус находился на кресте относительно недолго. По Марку, «был час третий, и распяли Его» (15:25). А в девятом часу у Пилата уже просили разрешения снять тела (Иисуса и двух распятых вместе с ним разбойников). Иоанн же пишет, что в шестом часу еще продолжался суд над ним

(19:14), а в этом случае казнь началась позже.

Согласно религиозному предписанию иудеев, с которым считались римляне, тела казненных должны быть захоронены до захода солнца. Поэтому иудеи обратились к Пилату с просьбой перебить голени всем распятым и снять их с креста. «Итак пришли воины, и у первого перебили голени, и у другого, распятого с Ним. Но, придя к Иисусу, как увидели Его уже умершим, не перебили у Него голени» (Иоанн, 19:31—33). Когда прокуратору доложили, что

галилеянин уже мертв, он выразил удивление (Марк, 15:44).

Итак, Христос страдал на кресте несколько часов, и ног ему не перебивали. Правда, его ранили копьем — «один из воинов копьем пронзил Ему ребра» (Иоанн, 19:34), но можно думать, что этот удар не был смертельным. Так что к моменту снятия с креста Иисус вполне мог оставаться живым. Интересно, что случилось бы, если бы это на самом деле было так? Но здесь уже совсем другая тема...

И еще один постскрипtum

Частицы красной окраски — желатинообразной среде, покрывающей Туринскую плащаницу, хорошо видны в микроскоп (фото из журнала «Сайентифик Америкэн»)

Нет, похоже, никак «не желает» Туринская плащаница расстаться со своим таинственным ореолом. Многовековая загадка упрямо сопротивляется всем попыткам дать точное и однозначное ее истолкование... В чем мы убедились, раскрыв один из номеров американского научно-популярного еженедельника «Сайнс Ньюс» за 1988 год с опубликованными в нем письмами читателей. Ряд аргументов, высказанных их авторами (обратите внимание на титул одного из них), похоже, отодвигают в неопределенное будущее вынесение «научного приговора» по делу о Туринской плащанице.

С интересом прочитал Вашу публикацию «Туринская плащаница — подделка, утверждают официальные лица» («Сайнс Ньюс», 10 ноября 1988 г.). Думаю, однако, что еще рано делать такое заключение.

Датировка, которая получена в результате трех упомянутых лабораторных экспериментов, основана на изучении одного образца материи, разрезанного на три части. Взяв образец с уголка лицевой части плащаницы, как раз вблизи той области, что получила название «боковая полоса» (sidestrip). Для вывода о том, что плащаница была изготовлена в XIV веке, необходимо предположить, что исследованный образец может «представлять» всю ткань плащаницы. Но мы фактически этого в точности не знаем. Никаких других контрольных образцов взято не было.

Есть вполне конкретные причины нашего недоверия к результатам датировки. Во-первых, на протяжении многих лет оспаривалась принадлежность указанного фрагмента к первоначальной ткани, это могла быть более поздняя добавка. Во-вторых, во время пожара 1532 года плащаница была подвергнута «эффекту кастрюли-скороварки», когда вода испарялась на сверхнагретой серебряной поверхности футляра, в котором тогда хранилась реликвия. Так как плащаницу никто специально не изучал с помощью технологии, разработанной в 1977 году (исследования, при которых возраст ткани определяется

с помощью бомбардировки образца пучком высокоэнергетичных протонов из ускорителя), то можно задаться вопросом: какие еще потребуются эксперименты, чтобы поставить под сомнение полученные результаты датировки?

По крайней мере вопрос заслуживает серьезного рассмотрения, так как указанный уголок ткани был, очевидно, сильно засорен органическими примесями, побывав в нескончаемом количестве рук во время многочисленных публичных демонстраций реликвии. Это так называемое «правило ногтя», хорошо известное специалистам по радиоуглеродному методу: грубо говоря, и 10% современных углеродных наплывов достаточны, чтобы датировка исследуемого образца «отодвинулась» бы на 1000 лет.

Я также считаю своим долгом особо отметить, что даже подтвержденный возраст ткани ничего не имеет общего с объяснением происхождения «рисунка». Действительно, если предположить, что ткань изготовлена в XIV веке, то относительно изображения на ней скорее всего можно заключить, что оно каким-то образом нарисовано. Но вот каким — остается загадкой. Поэтому я и призываю продолжить исследования.

Пол С. МЭЛНИ,
Генеральный директор Ассоциации
«Интернационал ученых-исследователей
Туринской плащаницы». Квекертаун
(Пенсильвания)

Если доказано, что это искусный рисунок XIV века, то мы оказываемся перед лицом загадки более жгучей, чем была до сих пор, когда многие верили, что ткань из I века. Как смог человек 631 год назад создать «компьютерно-точный» образ, используя лишь знания и технологию того времени? Я имею в виду наблюдения специалистов, считающих, что спинно-брюшная симметрия выдержана с точностью до ангстрема. А плотность «краски» абсолютно пропорциональна тем частям тела, которые должны были отпечататься на ней, если бы в ткань действительно был кто-то завернут...

Барри Е. ТАФФ,
Лос-Анджелес (Калифорния)

ЗАКАТ

К. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

Седьмого января 1989 года, в шесть часов тридцать три минуты старший дворцовый врач Акира Такаги, день и ночь дежуривший у постели смертельно больного императора, поднялся со стула и молитвенно склонил голову.

Сидевшие поодаль члены императорской семьи тоже встали и тихо вышли в коридор, оставив в палате лишь престарелую императрицу Нагако, чтобы она могла наедине проститься с супругом.

Убранство палаты было скромным, как и все в этом обширном дворце, и сквозь зашторенные окна угадывались в утреннем свете очертания древних сосен.

Газеты, вышедшие в этот день, отмечали, что им, конечно, было за года известно, что император Хирохито болен раком двенадцатиперстной кишки, но они умалчивали об этом лишь потому, что сам император не был осведомлен об этом.

Император Хирохито прожил 88 лет, побив все рекорды и по долголетию, и по пребыванию на троне как в родной истории, так и почти в целом мире, уступив, пожалуй, лишь французскому королю Людовику XIV, который находился на троне 72 года, и передав пальму первенства ныне здравствующему восьмидесятилетнему норвежскому королю Улафу V.

С этого дня никто не сможет официально называть японского императора его мирским именем Хирохито. Отныне он будет именоваться по девизу годов своего правления, императором Сёва, а перед похоронами получит от своего наследника еще одно, посмертное имя. В этом дворцовом обычае ощущаются следы древней магии: имя божества нельзя произносить вслух.

В десять часов утра церемониймейстер двора ввел в тронный зал группу мужчин, молодых и старых, одинаково одетых в костюм для внутреннего приема: серые брюки и фрак, на лацкане — шелковая траурная розетка.

Это были члены императорской

семьи, где до сих пор не в ходу шитые золотом придворные мундиры. Быт императорского двора пронизывает аскетизм синтоизма — языческой религии, пришедшей из родоплеменного строя.

В парке императорского храма Мэйдзи есть небольшой бетонный теремок, торжественно именуемый Хранилищем священных реликвий. В нем выставлены личные вещи императора Мэйдзи, которому буржуазная революция 1868 года возвратила полноту государственной власти. Скончавшемуся Хирохито он приходится дедом.

Главные экспонаты музея — письменный стол и карета грозного императора. Когда глядишь на коротенький столик, чуть тронутый резьбой, представляешь за ним разве что сельскую учительницу. А тесная дощатая карета, если убрать с нее золоченые изображения хризантемы, была бы, кажется, под стать небогатому священнику той поры...

Тронный зал тоже удивляет побольничному пустыми стенами без украшений и картин, а знаменитый трон Хризантемы — это деревянное кресло с высокой спинкой.

Молодой император остановился у трона. Рядом молчаливой шеренгой выстроились трое: его старший сын, младший брат и кузен — три возможных наследника. Перед троном три невысоких столика из свежеструганного кипариса — временные, как сама жизнь. Такие можно встретить и в синтоистском храме, и в домашней божнице.

Два церемониймейстера, низко кланяясь и блестя в лучах прожекторов напыщенными волосами, возложили на них регалии императорского двора — зеркало, меч и ожерелье, которые, по преданию, вручила около трех тысяч лет назад богиня солнца Аматэрасу своему внуку Ниниги, ставшему властелином этой страны.

Впервые в многовековой истории императорского двора его священные

ЖИВОГО СОЛНЦА

реликвии были вручены лично императору, правда так и не прикоснувшегося к ним руками. И так же впервые на эту церемонию допущены были корреспонденты. Прошедшая в полной тишине, она заняла всего четыре минуты.

Император и трое наследников стояли не шелохнувшись, соблюдая дворцовый этикет, и смотрели поверх черных голов церемониймейстеров, словно происходящее вокруг их не касалось.

Но отводили они взор и еще по одной причине — на реликвии нельзя смотреть, ибо на них священный отблеск солнца, божества всех земледельческих народов. Недаром и на самого японского императора до 1946 года, пока он не объявил о снятии с себя божественного ореола, тоже нельзя было поднимать глаза. Детям говорили так: «Взглянешь на императора — ослепнешь». Министры, докладывая Хирохито о государственных делах, смотрели в пол. Иногда и сам император, чтобы не подвергать опасности зрение своих приближенных, отгораживался от них тонкой шелковой занавеской...

Внутренность императорского замка и сейчас увидеть непросто, хотя окружают его множество высотных зданий. Окна домов ложные — за ними расположены или глухие коридоры, или темные запасные лестницы. Так велит и традиция, и закон, негласно действующий и поныне.

Именно поэтому сами реликвии, приносимые императору, тоже скрыты от людских глаз и упрятаны в ларцы, обернутые красновато-желтым узорчатым шелком. Но и в ларцах лишь копии священных предметов, а сами они хранятся в алтаре древнейшего синтоистского храма — его нельзя ни созерцать, ни даже фотографировать. Святилище Исэ можно только рисовать на бумаге. На десятиионовых монетах изображен только главный вход в него — храм скрыт в глубине соснового леса.

Члены императорской семьи изредка навещаются в храм, чтобы сообщить душам своих предков о каком-нибудь важном решении — от объявления войны до собственной женитьбы.

Облаченные в одеяния синтоистских жрецов, они неторопливо идут по гравийной дорожке среди мачтовых сосен, возглавляя длинную колонну жрецов в белых одеждах. Одеяние это восходит к придворным халатам эпохи Нара VIII века и, наверное, уходит еще дальше, в глубь веков. Особенно эффектно принцессы в белых кофтах и длинных красных юбках, именно так, сообщают летописи, была одета мифическая царица Химико, первая повелительница этой страны...

Хранящиеся в святилище Исэ реликвии не видел никто, и можно лишь вообразить, как примерно они выглядят. С мечом это несложно, ибо все мечи в общих чертах одинаковы. С зеркалом тоже: из преданий известно, что оно железное и имеет овальную форму.

Но вот с драгоценным ожерельем этого не сделаешь, ибо изощренность в ювелирном деле безгранична. Из иероглифов названия ожерелья можно лишь уяснить, что камни у него восьмигранные, изогнутые и являют собой то ли изумруд, то ли яшму.

После посвящения в сан императорская чета отбыла в свой дворец Тогу, который по традиции занимает семья наследного принца.

Лицо императрицы Митико, прикрытое траурной вуалеткой, выражало грусть, приличествующую царской жене в день национального траура. На лице же ее супруга, воспитанного в традиционных канонах, нельзя было разобрать никаких чувств. Видя направленные на него объективы, он отгородился от них забралом непроницаемой маски, — так же, как всегда был отъединен императорский двор от простолюдинов, а столетие назад — и сама Япония от остального мира...

Какое же место занимает император в религии синто? Может быть, главы церкви, как английские монархи или русские императоры после Петра Первого? Но в родоплеменном строе не было церкви, и потому она не возникла и поныне. Может быть, он главное божество? Нет, это богиня солнца Аматэрасу, родоначальница династии, а отец нынешнего императора отрекся от божественной сущности. Пожалуй, правильнее считать, что император — основной субъект синтоизма, Живое Солнце...

В этот день закончилась эра Сёва, самая бурная в истории этой страны, как, впрочем, и всего человечества в XX веке. И потому на долю императора Сёва (бывшего при жизни Хирохито), пришлось больше, чем у всех его предшественников, драматических потрясений и испытаний. Тишину императорского дворца не раз нарушали

Memories Of Emperor Showa

Девиз нового правления демонстрирует министр двора. Только что его подписал новый император.

Со дня смерти императора никто — ни в речи, ни в печати — не смеет называть его прижизненным именем Хирохито. Отныне он — император Сёва, по названию эры правления.

и гул демонстрации, и грохот артиллерийских снарядов...

Хирохито родился 29 апреля 1901 года, и в двадцатилетнем возрасте был назначен регентом отца из-за его болезни — прогрессирующего слабоумия. Самая древняя в мире царская семья вырождалась. В течение многих веков сыновья брали в жены принцесс только своего рода и очень редко — дочерей из пяти наиболее знатных аристократических семейств, «сэккэ», которые и до того не раз успели породниться с императорским домом. Нынешний император впервые в истории женился на девушке из простой семьи, Митико Сёда.

Воспитанный так, как было заведено веками, Хирохито почти никогда не покидал стен дворца, возведенного в XVI веке португальскими инженерами для сёгунов из рода Токугава. В молодости он имел весьма смутное представление о том, что происходит вовне. Но еще до восшествия на престол он совершил поездку по Европе, став первым японским императором, покидавшим пределы родной страны.

После разгрома Японии во второй мировой войне, когда Хирохито волею неволей начал общаться с иностранцами, многие из них отмечали, что он испытывал трудности в диалоге.

Еще бы! С рождения он не приучен был вести разговор на равных. Если он спрашивал, ему почтительно отвечали, если говорил сам, вокруг благоговейно склоняли головы. Жизнь японского императора была более аскетичной, однообразной и скудной, чем у европейских монархов, и больше напоминала монастырскую.

Ни разу не воспользовался Хирохито услугами иностранного переводчика — на все случаи жизни у него имелся свой. Кто еще, кроме глубоко образованного японца, способен изложить чужую речь тем стилем японского языка, который допустим в общении только с одним человеком в мире императором!

В быту он пользовался, разумеется, общепринятой речью, и в тех редких случаях, когда обращался к народу через микрофон, в его отрывистых кратких фразах можно было услышать старинные слова, звучащие сейчас порой неучтиво.

Таким было обращение «минна» — «все». Полтысячи лет назад это слово, сказанное князем своим вассалам, казалось вполне уместным, но в наши дни оно звучит как: «Эй, вы!» Недаром его сын Акихито впервые в истории обратился к подданным: «Минна-сан» — «господа».

Хирохито официально вззошел на престол в 1926 году, когда в стране начали набирать мощь милитаристы. На старых кинолентах мы видим его в генеральском мундире, галифе, мчащимся на белом коне. Вот он объезжа-

ет войска, отправлявшиеся в завоевательные походы...

Он часто руководил массовыми синтоистскими церемониями, укреплявшими боевой дух и порой имевшими вполне современное обличье, — как, например, состоявшийся в 1941 году военный парад по случаю 2600-летия мифического императора Дзимму, потомка богини Аматэрасу. Должно быть, тяжело было ему вынести через четыре года торжествующие звуки американского военного оркестра, возвестившие за стеной его дворца о начале парада победителей...

Синтоизм очень древен, и этическое начало в нем не успело оформиться. Главным духовным содержанием его является обожествление родной страны, а уже то, какую форму ему придать, решают правители.

На рубеже веков, когда Япония вступила на путь захватнических войн, в Токио, недалеко от дворца, было выстроено синтоистское святилище с обширным парком Ясукуни, «Храм Счастливой страны». Он знаменит своими голубями. Их белые стайки, вспархивая с лужаек, прихотливо рассаживаются на резных деревянных крышах, и всякий раз их сочетание оказывается неожиданно новым.

Здесь посажено много сакур, и в день цветения храмовый парк бывает устлан белым мерцающим ковром от летевших лепестков.

В праздник сакуры все вокруг заполняет толпа прихожан. Многие, расстелив газеты, усаживаются кружком на траву, ставят в центр высокую бутылку саке и шумно пируют, как велит старей обычай.

Здесь и в будний день немало посетителей, в основном кряжистых пожилых людей с бритыми затылками, бывших участников японской агрессии. Вот целая колонна их, возглавляемая жрецом в белом одеянии, шагает в запретную глубину храма.

Навстречу им движется другой строй пожилых людей в серых рабочих куртках и брюках. В основном это женщины, и лишь замыкают колонну несколько тихих стариков. Это — «Добровольный отряд по уборке императорского парка», приносящий свой труд в качестве священной жертвы. Первые такие отряды возникли после войны, когда расходы императорского двора были резко сокращены. Отряд привели в храм Ясукуни для того, чтобы почтить память погибших японских воинов.

Здесь тоже имеется Хранилище священных реликвий, у входа в него стоят минометы и пушки. На стенах залов висят портреты генералов, предсмертные письма летчиков-камикадзе. Жутковато заглядывать внутрь прожравшей торпеды и видеть в ее гемной глубине кожаное креслице и руль, сознавая, что некогда здесь сидел молодой моряк-смертник, бесстрашно нацеливший торпеду в борт

американского линкора.

Да и сакура растет здесь не случайно: ведь она — символ смерти. Ее лепестки, опадающие в день цветения, воспринимаются в Японии как образ мимолетности жизни. В годы войны он обрел дополнительный смысл — смерть на полях сражений «Погибнуть за императора, словно отлежавший лепесток сакуры», эта метафора была широко распространена.

В 1941 году, в тиши дворцового кабинета уточнялся срок нападения на Перл-Харбор, Хирохито удивил собравшихся тем, что неожиданно громко прочитал нараспев стихотворение своего деда, императора Мэйдзи: «Почему на земле, которую объемлет единое море, ветры никак не придут к гармонии?» Окружавшие его генералы благоговейно склонили головы, но поступили, конечно, по-своему, и вскоре на тихий океанский залив обрушился шквал артиллерийского огня.

В 1975 году, когда Хирохито впервые в жизни посетит США, в своем тосте, обращенном к президенту Форду, он принесет официальные извинения за предательское нападение на Перл-Харбор...

Во время войны императору пришлось самому пострадать немало: отправив сыновей в эвакуацию в Никко, он оставался во дворце, и во время одной из мощных американских бомбардировок был контужен; обгоревшее здание дворца стало непригодно для жилья, и в течение нескольких лет Хирохито ютился в домике бывшей императорской библиотеки.

Но главное было в том, что его собственная судьба оказалась на волоске. Американцы, оккупировавшие страну, довольно долго решали, сохранять ли в ней императорскую систему и предавать ли Хирохито суду военного трибунала как одного из главных виновников японской агрессии, стоившей миллионы человеческих жизней и самой Японии, и народам захваченных ею стран.

К счастью для Хирохито, все обошлось благополучно. Было решено отвести его от суда, чтобы не вызывать волну неповиновения оккупационным властям в японском народе и предотвратить вспышку ритуальных самоубийств, и так уже немало их произошло у стен дворца, где бывшие воины «смывали» позор военного поражения.

После атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки японский император впервые в истории устно обратился к народу, призывая его сдаться победителям, и отрешенный голос Хирохито, записанный на пластинку, дрожал.

Затем он направил послание своему двенадцатилетнему сыну, где писал, что милитаристы переоценили духовно-идеологический фактор в войне, не придав должного значения недостатку материальных ресурсов в Японии.

Вскоре Хирохито сложил с себя

божественный сан, и правительство конфисковало большую часть его 250-миллионного состояния.

Но уклад замкнутой дворцовой жизни не изменился, и народ по-прежнему воспринимал императора как бога. В тот год он написал короткое стихотворение, хайку, посвященное сосне, символу императорского дома: «Зимой сосновые ветви сгибаются под тяжестью снега, но не ломаются никогда».

Когда Хирохито обезджал все префектуры страны, кроме Окинавы, отошедшей под юрисдикцию США, в Хиросиме с ним произошла мелкая неприятность, вполне объяснимая в разоренной войной стране: изношенный автомобиль, который вез его к зданию мэрии, сломался, и монарху пришлось пройти триста метров пешком.

Только и всего, но шофер, чьей вины здесь не было никакой, уже собрался кончать жизнь самоубийством: ведь причинить затруднение императору — то же самое, что нарушить ход планет в Солнечной системе. Зная это, Хирохито прислал к нему мэра, который передал шоферу слова прощения. Услышав их, тот забился в рыданиях...

Война кончилась. Победители сохранили императора в стране, в частности, еще и потому, что хотели использовать его для сплочения нации. Нужно сказать, что национально-психологический аспект японского чуда еще не изучен, хотя само оно налицо.

На закате лет Хирохито написал еще одно стихотворение, в котором жизненные образы проступают явно, без метафор: «Год за годом наша страна оправилась от войны. Драгоценное дерево стало выше».

А сам император? Он превратился в тихого биолога, избравшего объектом своей научной деятельности медуз, поскольку их изучают очень мало ученых, что избавляет его от необходимости вступать с кем-либо из них в дискуссию, роняя свое императорское достоинство. Японский император ни с кем не спорит, так же, как ни от кого не принимает подарков: глупо приносить дары солнцу, которое разливает свой свет независимо от людских желаний.

Иногда Хирохито доверительно сообщал кому-нибудь из иностранцев, что любит смотреть национальную борьбу тяжеловесов сумо, но не болеет ни за кого из соперников. Еще бы! Ведь это придало бы его любимцу решающую прибавку в весе, недостающую для победы...

Хирохито никогда ничего не комментировал и на все, что бы ему ни говорили, отвечал одинаково: «Ах, вот как...» Он исправно выполнял протокольные функции — принимал глав государств и послов, вручал ордена первого класса и ставил в год ровно 1200 подписей, которые секретарь скреплял государственной печатью из

литого золота, с трудом приподнимая ее обеими руками.

Любая японская церемония, проведенная при дворе, неизбежно приобретает синтоистский характер. Даже иностранные ритуалы, привнесенные сюда европейским этикетом, оказываются проникнутыми его духом.

Наследному принцу Акихито в годы войны тоже довелось хлебнуть горя. Находясь в эвакуации, он питался так же, как его одноклассники, получая 300 граммов риса в день. Чтобы набить желудок, он и его приятели лазали по горам в поисках орехов, ягод, груш.

Воспитательницей юного принца стала американка Элизабет Вайнинг, которую он впоследствии упоминал в числе людей, оказавших решающее влияние на формирование его духа.

Акихито стал биологом, как отец. Его специальность — ихтиология. Но впервые в истории императорского двора он не передал детей воспитателям, как велит обычай, а оставил их в семье, чтобы воспитывать самому вместе с Митико.

Старший сын Акихито, нынешний наследник престола Хиро, избрал своей специальностью историю Японии. Он обучался в Оксфорде, в Мёртонском колледже как гость английского королевского двора.

Всех членов семьи Акихито объединяет музыка. По вечерам здесь звучат произведения Моцарта, Бетховена, Гайдна, исполняемые семейным ансамблем: отец ведет партию виолончели, Хиро играет на скрипке, его брат Ая — на гитаре, а младшая принцесса Нори — на фортепьяно.

Императрица Митико известна как покровительница традиционной японской придворной музыки «гагаку», объединяющей в себе и игру на старинных музыкальных инструментах, и пение, и танец: в дали веков, когда зарождалась гагаку, эти виды искусств еще не успели разделиться.

Артисты гагаку, одетые в древние костюмы и львиные маски, бьют в барабан и играют на флейте, поют высокими надтреснутыми голосами, танцуют, не отрывая подошв от пола, но делают все это невероятно медленно, как, наверное, могло быть только тогда, когда время не измеряли на деньгах...

Стараниями Митико в дворцовом парке был сооружен голубой павильон для представлений гагаку. Он выстроен на самом краю парка и виден с улицы Ясукуни, если встать на подножку автомобиля и приподняться на цыпочки.

Акихито родился в 1933 году, 23 декабря, и теперь этот день станет национальным праздником Японии. А как быть с днем рождения Хирохито, который, примыкая к дню Международной солидарности трудящихся 1 мая и еще нескольким официальным праздничным дням, образует «Золотую неделю отдыха», когда тысячи

японских туристов разлетаются во все уголки мира? Неужто блаженная неделя будет разбита?

Нет, 29 апреля решено оставить выходным, дав ему другое название, — День зелени. Таким образом, с восшествием на престол нового императора у японцев прибавится еще один день отдыха, на сей раз накануне их Нового года.

В конце 1988 года, когда газеты бесконечно обсуждали болезнь Хирохито, журнал «Фар Истерн экономик ревью» в разделе «Почта наших читателей» опубликовал письмо, подписанное словами «Рассерженный японец». «Почему, — говорилось в нем, — предстоящая кончина императора используется средствами массовой информации для разжигания монархических настроений? Ведь сейчас критиковать императора и его строй становится невозможным».

Коммунистическая и Социалистическая партии Японии заявили, что финансирование правительством религиозных по сути своей церемоний престолонаследия противоречит принципу отделения религии от государства.

Как отмечают многие юристы, выяснение окончательной точки зрения по этому вопросу затруднено из-за несовершенства японской конституции, составленной американцами после войны: в декабре 1945 синтоистскую религию отделили от государства, но ведь император-то не отделен, а он, по традиции, совершал наиболее важные обряды синтоистской религии.

Многие объединения ученых, представителей творческой интеллигенции выступили с заявлениями, в которых выразили озабоченность тем, что воспевание императора и его семьи в связи с кончиной императора несет опасность для послевоенных демократических завоеваний. Мэр города Нагасаки Хитоси Мотосима, выступая перед сотрудниками мэрии, сказал: «Без свободы говорить правду об императоре не может быть свободы в Японии. До тех пор, пока мы не определим свое отношение к ответственности императора за преступления в войне, мы не получим доверия международного сообщества».

Лидеры ультралевых группировок и самой крупной из них, «Красной Армии», прислали из эмиграции воззвание с призывом к вооруженной борьбе против императорской системы, являющейся, по их словам, основой для возрождения фашизма. Это заставило полицию усилить бдительность.

И тем не менее в первый день Нового года тысячи людей собираются вокруг императорского дворца для того, чтобы помахать монарху, вышедшему на балкон, белым флажком с красным кругом Восходящего Солнца. Такова историческая реальность, и не считаться с нею нельзя.

Что и как переосмысливать?

Образование у меня среднее, возраст 50, почти неверующая, сомневающаяся. Позвольте и мне кое-что высказать, как умею... Конец статьи гласит: «вступить на путь решительной перестройки атеистической деятельности». Слово «решительной» пугает. Если религия отомрет при коммунизме, если радикально изменится и обновится общество, зачем за 100 лет до коммунизма так неистово с нею бороться, так трудно и безрезультатно? И почему именно социализму вредна религия? В развитых процветающих странах люди молятся, строят церкви, но имеют интенсивное сельское хозяйство, добротные товары, вдоволь продукции, на высоте образование и медицинское обслуживание.

Где-то сказано, что вера в бога уводит человека в мир иллюзий, от борьбы, от реальности. А обещающее нам светлое будущее — не есть ли оно тоже иллюзия?

В статье сказано, что религия и церковь еще длительное время будут идти рядом с нами. Очень хорошо сказано. Нужно вместе с церковью трудиться на ниве нравственного оздоровления нашего общества. Пусть крестьян детей — только не было бы колоний для малолетних преступников. Пусть венчаются, да живут по-человечески, чтобы не лишать их потом родительских прав, не было брошенных детей. Вот тут нужны решительные действия. А борьба с религией может подождать еще добрых 50 или 100 лет. В настоящий момент верующих переубеждать тяжело. Посыпается сотня вопросов, на которые не знаешь, что и отвечать: и мыло, и сахар, и водка, и права человека, и хлопковые процессы, и сталинские концлагеря, и Аральское море... Это мне знакомо. Тут надо быть и экономистом, и юристом, и историком, и экологом, и политиком. А убедить едва ли удастся.

Е. И. АВДЕЕВА

Пятихатский р-н
Днепропетровской области

Не могу согласиться с утверждением автора статьи, да и вообще с распространенным мнением о том, что религия (хотя бы православие) является чуть ли не средоточием и главным хранителем нравственности. Непонятно, откуда это берется. Библия — не единственный памятник, дошедший до нас от древности. В мифах, былинах, сказках и другом наследии старины не меньше мудрости, золотых жизненных правил... Столетиями лучшие умы человечества (и из среды духовенства) разоблачали проповедь морали и нравственности церковью как ханжество.

Сегодня, может быть, не стоит отвечать категорически на вопрос, полезна или вредна церковь. Да, она сегодня помогает в решении многих социальных вопросов. Но вот что говорил митрополит Филарет на юбилейном Поместном соборе: «Православие не отрицает огромного значения совместного социального служения для достижения христианского единства... Социальный вопрос является очень важным в христианском самосознании... Однако христианство не является социальной религией. Оно имеет не социальную и моральную основу, а мистическую и духовную». Можно ли обходить стороной это одно из главных противоречий православия?

А как понимать такое высказывание В. Гараджи: «В идейной борьбе (религии и атеизма) ни одна из сторон не должна априори претендовать на монопольное об-

Читатели о статье В. И. Гараджи «Переосмысление» (№ 1, 1989)

Статья, остро поставившая вопросы о месте и роли религии в условиях обновления всех сфер жизни общества, о состоянии атеистического воспитания, уровне науки, занимающейся этими проблемами, вызвала большую читательскую почту. Откликнулись люди самых разных профессий, работающие и пенсионеры, верующие и атеисты, колеблющиеся между религиозной верой и отрицанием религии... Естественно, как и всегда, когда речь идет о важном, насущном, о пересмотре устоявшегося, мнения высказываются самые разные, оценки неоднозначные. Публикуем некоторые из них.

ладание истинной? Моя истина есть та, с которой я выхожу на идейную борьбу, сопоставлять ее с истиной противной стороны я буду, но не для того, чтобы перед ней склонить голову, а чтобы добиться победы моей истины. Или такое. Я коммунист, и вижу, как молодой человек (пусть и не очень молодой) втягивается в религию (будь то православие, секта или иное). Каков в этом случае мой долг? Пусть идет, спасает душу, перестройка это вреда не принесет? Но как тогда понимать ленинское положение о двух идеологиях? Эти вопросы возникают при чтении статьи В. Гараджи.

Несмотря ни на какие самые великие блага, приносимые религией нашему обществу, для нас, марксистов-ленинцев, очень важно, что делает человек ради мира, ради перестройки — молится за них, по призыву отцов духовных или вместе с большинством трудится, проявляет инициативу в борьбе за наши социалистические идеалы.

Б. А. НИКИТИН, лектор
краевого Общества «Знание»,
бывший политработник ВМФ
г. Владивосток

По-моему, у нас наступил период правого уклона в отношении к религии. Главный атеист страны утверждает, что у нашего общества и церкви «цели едины»! Не знаю, как понимать и слова В. Гараджи: «...мы, атеисты, проигрываем, отказываясь от помощи и поддержки духовенства разных конфессий в нравственном воспитании». Может ли помочь церковь в вопросах нравственного воспитания, проблема которого в последние годы так обострилась? Мне кажется, для оздоровления духовной жизни общества нужны не религиозные горчичники, а капитальное и долгосрочное лечение всего организма. Статья В. Гараджи может лишь подогреть ошибочные рассуждения многих граждан, что, мол, причину падения нравов нужно искать в снижении уровня религиозности общества в целом и что без религиозной веры не может быть нравственности. Почему же тогда в весьма религиозной стране — США — такой высокий уровень преступности, наркомании, самоубийств?

Что касается сравнения атеизма с кораблем, то я согласен с ним, только с поправкой: не в девятибалльный шторм попал тот корабль, а в штиль, в застойный штиль.

А. Г. БАЙДА, конструктор
на заводе «Нежинсельмаш»
г. Нежин Черниговской области

С большим вниманием прочел статью В. Гараджи. В целом согласен с автором: в современных условиях надо менять отношение к религии. То, что мы сегодня наблюдаем, как некоторые, ранее затанцевавшие, ринулись в церкви, принимают обряд крещения в 50 лет, не зная ни одной молитвы, говорит о «пирровых победах» нашего атеизма. Это — оценка и форм, и методов не только атеистической, но и всей нашей идеологической работы. Но не впадем ли мы в другую крайность — не сойдем ли с принципиальных мировоззренческих позиций? Конечно, нужно больше такта, больше научности, гибкости. Но если религия не есть зло, как утверждает В. Гараджа, то зачем тогда атеистический журнал, зачем Институт научного атеизма? По меньшей мере странным кажется мне заявление автора статьи о единстве целей атеистов и верующих. Каких целей — вот что неясно. Конечных? То есть коммунистическое общество и «царство божие на земле» — одно и то же?

А. А. АПОЛИМОВ,
пенсионер МВД
г. Алма-Ата

В статье В. Гараджи одни обвинения в адрес атеистов, как за прошлое, так и за настоящее. Может, и верно, что религия и атеизм должны быть вместе при социализме (если я правильно понял), но сами знаете, какие у нас глубокие противоречия. Почему-то во времена Брежнева автор не позволил себе написать подобную статью, ваш журнал — опубликовать такое. А теперь молодым придется ждать: когда наступит коммунизм, тогда и отпадет религия. Тогда, может быть, передать вашу типографию священнослужителям? Но я уверен, что атеизм — это гуманное учение, и он даст о себе знать через 10—15 лет.

И. Н. ИВАНОВ
г. Сухиничи
Калужской области

Рассматриваю статью В. Гараджи (также и его выступление в журнале «Людина і світ») как безуспешную попытку вывести пропагандистов атеизма из больших затруднений в их практической работе. Автор намечает пути перестройки атеистического воспитания. Это очень необходимая работа, которую следует поддерживать. Но все же очень важно, что мы станем пересматривать и отбрасывать. Если взять краеугольное марксистское положение, определяющее религию как «опиум народа», то она таковой и остается. А вот рассматривать ее как сплошной обман — совершенно неграмотно; как «фактор, растлевающий сознание», — просто вредно. Вообще все эти словечки — «затемняет», «растлевает», «отравляет» — выражают совершенно бессмысленные претензии к религии.

Невозможно не согласиться с автором, когда он пишет: «В реальной жизни у верующих и атеистов так много общих дел, общих целей и задач, что раздвигать силы не только бессмысленно, но и вредно». Восстанавливая фундаментальные основы социализма в их ленинской сущности, мы должны осудить и отбросить такую догму, как нетерпимость. Единственно плодотворный путь — диалексика, спор с полным уважением к точке зрения, не совпадающей с нашей.

Т. И. ЖУРМАН,
пропагандист
г. Кривой Рог

Чем сегодня удивить журналиста? Трудно вообразить. И все-таки когда на пресс-конференции президент Академии художеств СССР Б. С. Угаров представил инициатора и одного из организаторов выставки, посвященной 1000-летию крещения Руси, присутствующие заметно оживились. Дело в том, что «героем дня» оказался не кто иной, как западно-германский журналист Норберт Кухинке, известный советскому зрителю по роли незадачливого датского профессора, попавшего в «трезвиватель», в фильме «Осенний марафон». Вот так-так... Кто же он — журналист, актер, деятель культуры? И главное — что за человек?

Трудно было удержаться от того, чтобы здесь же не попросить у него интервью. Но один нюанс все-таки заставил меня пройти мимо Кухинке с вежливой улыбкой: я не знала, как отнесется наш читатель к высказываниям журналиста, представляющего крупнейшие в ФРГ буржуазные журналы: сначала «Шпигель», потом «Штерн», теперь «Арт». Нетрудно было предположить, что не со всеми оценками и взглядами этого человека мы согласимся, а значит, посыпятся гневные письма... «Да, семь раз отмерь...» думала я. Но с другой стороны, ведь что-то влечет его к России, если он взялся и сумел до победного конца довести такое дело — впервые одна выставка представляет русское искусство на протяжении 10 веков! И потом, надо же когда-то читателю, так сказать, из первоисточника, а не из пересказа международников узнать то, что думает о нас западная пресса. Кроме того, читатель наш вырос и возмужал и вполне сможет отделить зерна от плевел. Пока я размышляла и советовалась, Норберт Кухинке исчез, и застать его дома удалось только полгода спустя. Не то, чтобы он редко бывал в Москве, просто не сидел дома. Кстати, почему «дома» в Москве? Еще один вопрос. Что ж, предоставим, наконец, слово самому Кухинке.

Он начал с названия нашего журнала.

Знакомьтесь:

Норберт Кухинке

— Наука и религия? Я думаю, не «и», а «или». Если наука, то уже не религия. Или веришь, или не веришь. Впрочем, слава богу, что есть вещи недоказуемые. Помоему, это поддерживает интерес к жизни. В природе, в жизни, к счастью, столько всего, что не исследуешь до конца, поэтому всегда есть место и науке, и вере.

— А теперь, если можно, такой вопрос. Вы перешли из «Штерна» в «Арт», с чем это связано?

— С желанием осуществить свою давнюю мечту — основательно заняться изучением русской духовной культуры.

— Можно ли считать вашу роль в фильме «Осенний марафон» случайностью?

— Как сказать. На Западе я много снимался, буквально каждые два месяца. Кстати, я сыграл еще в одном вашем фильме — «Борис Годунов». Кроме того, сам снимаю фильмы. Недавно закончил работу по своей книге «Россия под крестом», или «Россия с крестом» — документально-художественный фильм о Киево-Печерском монастыре, о жизни монахов. Это уже второй фильм о Русской православной церкви, а первый — «Бог в России» — я снимал в 1983 году. Кстати, в съемках обоих фильмов принимал участие и коллектив советских кинематографистов.

— Пожалуйста, несколько слов об этих фильмах.

— Для первого фильма мы сняли основные церковные праздники годового цикла в разных городах страны. В целом он о церкви и верующих в СССР. На Западе большой интерес к положению церкви и верующих в социалистическом государстве.

— И каким оно вам показалось?

— В первом фильме таким, каким было до перестройки, во втором — каким становится теперь. Мы рассказали о трудностях церкви, о преследовании некоторых ее деятелей. Отметим, что мало в ней еще молодежи, а коммунистам посещать ее запрещено. Немало трудностей у церкви и сегодня, но в целом они уже другие.

Перестройка, как сказал Горбачев, направлена не против церкви и верующих, наоборот — открывает новые возможности для совместной работы. Вообще он сейчас самый популярный человек в мире,

и в ФРГ нет никого, кто бы его не знал.

— Вы шестнадцать лет работаете в нашей стране. Не заметили перемен рядовых граждан в отношении к церкви?

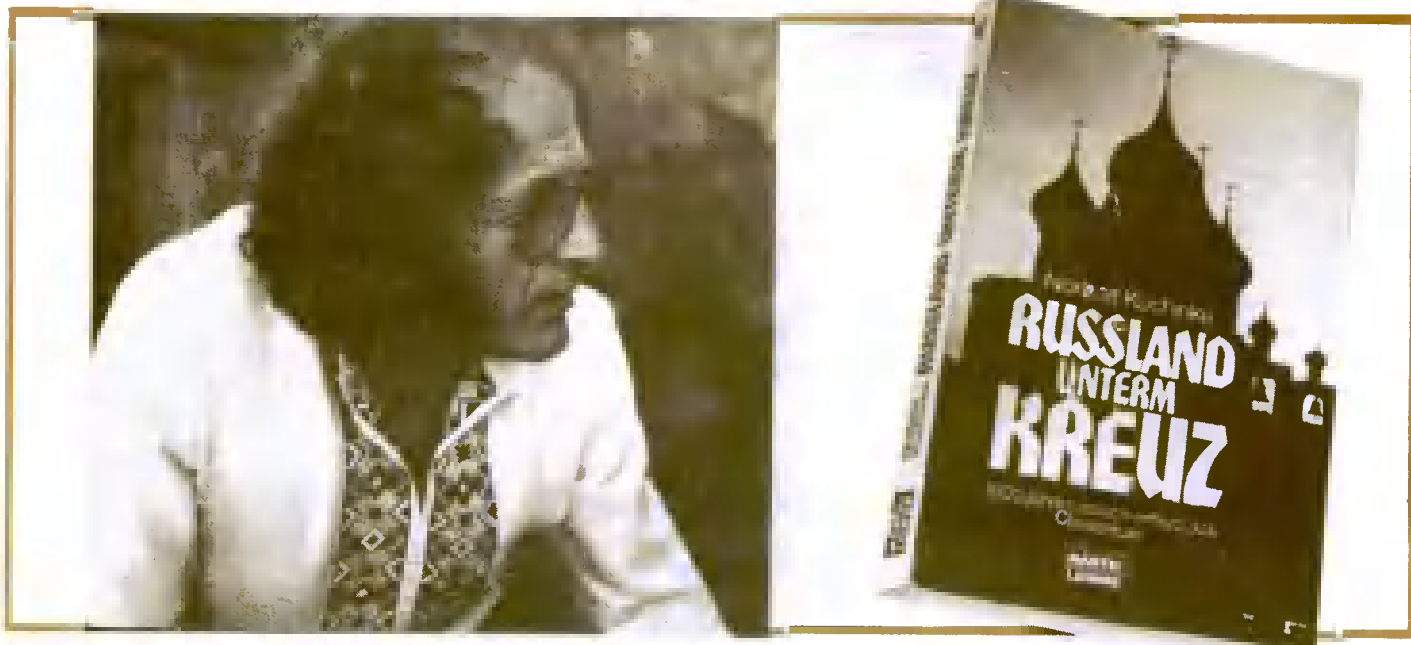
— Усилился интерес и к церкви, и к религиозно-философской мысли. Но я считаю, что русские всегда были в основе своей верующими людьми. На Западе общепринято мнение: русские — это православие, а православие — это русские. Такая традиция идет из глубины вашей истории. В мире, думаю, не было государства, связанного с церковью сильнее, чем Россия. С религией тесно переплелись и искусство, и политика. Я уверен, что такая связь за семьдесят лет Советской власти не могла исчезнуть бесследно. Посмотрите: в Москве храмы буквально на каждом шагу. Особенно сильное впечатление производит Кремль: кресты над куполами и звезды на башнях.

Интерес к религии сегодня возрос во всем мире. Я бы назвал его духовным ренессансом. Одну из причин этого я вижу в том, что научно-технический прогресс, благосостояние не могут сделать людей абсолютно счастливыми. Многое из того, к чему вы стремитесь сегодня, мы уже достигли. Никто не скажет, что это плохо, но это далеко не все, что нужно.

Вообще идея коммунизма, на мой взгляд, утопична: на земле невозможен рай. И ваша идеология, с которой еще недавно выступала партия, не удовлетворила духовные потребности людей. Сейчас признается, что она часто строилась на иллюзорных посылах, а иногда и на лжи.

Как бы то ни было, проблемы духовности и морали решает всякое общество. Сегодня при известной утрате духовности и одновременно при острой потребности в нравственном обновлении церковь может сыграть в обществе важную роль. Я не хочу сказать, что в церкви все идеально, — за ее кулисами тоже идет борьба, — святых нет. Но нельзя не признать, что церковь — это сильный моральный фактор. Помоему, советское руководство это понимает.

Вообще при любой жизни человек нуждается не только в трудовых буднях, но и в праздниках. Таким праздником может стать посещение церкви, где все величественно, красиво, звучит музыка, где покой, за пределами которого остается

Норберт Кухинке и его книга «Россия под крестом».

суета. Думаю, у вас многие не ходят в церковь только потому, что боятся навредить своей карьере.

— Как говорится, в каждом монастыре свой устав. В одном государстве ходят в церковь, чтобы не навредить карьере, в другом по той же причине не ходят. И в каждой стране есть те, кто делает это только по убеждению. Вы считаете, что коммунизм — утопия. Мы, напротив, верим, что цель эта достижима, хотя путь к ней оказался более сложным и длительным, чем предполагалось. Были иллюзии, ошибки, и они теперь признаются. Но перестройка — это не отказ от нашей стратегической цели, а поиск верного к ней пути. Как вы, Норберт, относитесь к перестройке?

— Перестройка вызвала интерес к России во всем мире, а в ФРГ особенно. Я имею в виду добрый, дружеский интерес. Наши народы связывают отношения на протяжении нескольких веков. Как известно, кровными узами с немцами был связан русский престол, тесные связи всегда поддерживали наши ученые. Вообще русская душа и способ мышления нам, немцам, очень близки, и это все больше раскрывается благодаря перестройке.

Мне нравится перестройка уже потому, что благодаря ей я смог осуществить давнюю мечту — организовать для ФРГ выставку русского искусства, посвященную 1000-летию крещения Руси. С этой идеей я обратился в Министерство культуры семь лет назад, тогда мне много говорили о всяких трудностях. Но труднее всего на самом деле было объяснить чиновникам, что эта дата не только церковный юбилей, но и большая веха в истории государства, в развитии его культуры. Конечно, были и объективные трудности, естественные для любой страны: ведь многие музеи должны были представить самые драгоценные свои сокровища!

Наконец все получилось как нельзя лучше: сначала выставка демонстрировалась в СССР, в Академии художеств, потом

по страницам западногерманской прессы

«Хор монахов даст 26 концертов в немецких соборах. Турне их организовано согласно решению Верховного Совета СССР, просьбу о решении энергично поддержала Р. Горбачева».

«Разгар концертного сезона в этом году падет на то время, когда любители музыки вынуждены будут бороться за билеты на первое выступление загорского хора».

Газета
«Альгемайне цайтунг»

«Трирский собор был переполнен, сотни слушателей стояли в проходах, сидели на ступеньках».

Газета
«Трибунер фольксфройнд»

«Русские монахи наполнили собор мощными звуками песнопений. На концерте присутствовало 5000 жителей Майнца! Он длился два часа...»

Газета
«Майнцер цайтунг»

«Интерес к концерту огромен, как и успех».

Газета
«Вейльбургер тагесблатт»

«Как колокола звучали эти голоса, призывая к миру и гармонии, и этот призыв отражался на лицах слушателей».

«Федеральный президент Ваизеккер принял в понедельник хор загорских монахов на вилле Хаммершмидт. Монахи исполнили часть концерта из программы, с которой они совершают турне по ФРГ».

Газета
«Альгемайне цайтунг»

Хор монахов из Загорска и митрополит Питирим на приеме у президента Рихарда фон Вайцеккера.

отправилась в ФРГ и путешествует там до конца марта — и как! Ежедневно четыре тысячи посетителей — успех небывалый для Запада. Причем желающих посмотреть гораздо больше, чем позволяют залы музеев. Впервые выставка представляет русскую культуру на протяжении десяти веков. Это большая сенсация.

— Выставка — не единственное ваше достижение. В октябре прошлого года благодаря вашим усилиям в ФРГ состоялась гастроль хора монахов Троице-Сергиевой лавры.

— Эту поездку я готовил десять лет и счастлив, что она, наконец, состоялась. Ни книги, ни фильмы не в силах сделать то, что могут живые люди, представители Русской церкви — части реальной жизни России. Хор выступал в 26 крупных соборах ФРГ и везде имел огромный успех. Он получил отличный резонанс в нашей прессе, на радио, телевидении, в документальном кино. И очень жаль, что ваша пресса сказала о нем всего несколько слов, хотя это событие имело не только большое религиозное, но и культурное, и политическое значение. Не случайно наш президент пригласил хор в свою резиденцию.

— Гастроли хора, очевидно, были знаменательным событием и в экуменическом движении, ведь православные монахи выступали в католических и протестантских соборах. Скажите, смогли бы вы получить согласие ваших священнослужителей на подобное мероприятие, скажем, десять лет назад!

— Ни в коем случае. А теперь наши священнослужители, во всяком случае 90 процентов из них, поняли значение этого события и дали свое согласие. Мало того, настоятели соборов — кардиналы, епископы дружески приветствовали гостей во время концертов. А вот некоторым немолодым корреспондентам в Бонне, привыкшим работать в другой политической атмосфере, было трудно достойно оценить это беспрецедентное событие.

— Книжки, фильмы, выставка, гастроль хора монахов — что побуждает вас так серьезно заниматься проблемами Русской церкви и представлять ее в ФРГ!

— Это, можно сказать, интерес личный. С раннего детства я был связан с католической церковью, жизнь без религии, церкви невозможно было представить. И когда я читал о Советской России, меня поражало, почему церковь даже не упоминается, будто вообще не существует?

Я родился в Силезии, теперь она принадлежит Польше. После войны, тогда мне было пять лет, туда приехали репатрианты родом с Украины и Белоруссии. Впервые я познакомился со славянами, услышав русский язык. Наверное, тогда этот интерес и зародился.

Я рано понял: чтобы война не повторилась, люди должны лучше узнать друг друга. Сначала познакомиться, а потом и подружиться.

— Слышала о ваших новых интересных планах.

— Не хотел говорить о них раньше времени, но если вы уже знаете, видно,

по страницам западногерманской прессы

«На концерт пришло около 3000 слушателей!»

Газета
«Франкишес фольксблатт»

«Монахов принял кардинал Веттер. В приеме участвовали также представители других ортодоксальных церквей, евангелистов-лютеран, а также президент баварской еврейской духовной общины».

Газета
«Ординариатс-корреспондентс»

«Нынешнее турне расценивается как встреча Ойкумены (всего христианства) с русской культурой».

Церковная газета
«Глаубе унд лебен»
Майнц

«Почти на протяжении 10 лет Норберт Кухинке, западногерманский корреспондент в Москве, прилагал усилия для организации гастрольей знаменитого хора загорских монахов в ФРГ. Только в ходе либерализации, проведенной М. Горбачевым, усилия Кухинке увенчались успехом».

Газета
«Бремер анцайгер»

О концертах сообщили все газеты — «Швабише цайтунг», «Зюдвест прессе», «Зюддойче цайтунг», «Обертессисше прессе», «Бремер Тагесцайтунг АГ» и другие.

придется. Ведутся переговоры о реставрации за счет субсидий ФРГ Иосифо-Волоколамского монастыря XV века под Волоколамском. Это давняя моя мечта. Она в буквальном смысле дорогая, потому что осуществление ее потребует десятки миллионов рублей. Но, к счастью, у меня немало единомышленников, и есть основания рассчитывать на успех. Хотя и тех, кто сомневается в его целесообразности, тоже достаточно.

Если этот вопрос будет решен положительно, мы хотели бы, чтобы после реставрации монастырь стал не только действующей обителью, но и русско-немецким культурно-религиозным центром.

В этом году Русская православная церковь отметит 400 лет патриаршества. С этим юбилеем связана еще одна грандиозная моя мечта, но о ней рассказывать еще рано. Как у вас говорят: чтобы не сглазить.

— Что ж, в больших делах — больших успехов! И последний вопрос. Как вам представляются будущие взаимоотношения наших народов?

— Прежде и Советский Союз, и Запад только и делали, что твердили о своей правоте. А мы знаем, что ошибки есть и там, и там. Надеюсь, что сегодняшняя внутренняя и внешняя политика наших государств послужит их взаимопониманию и дальнейшему сближению.

Многое зависит и от каждого из нас. Лично я постараюсь сделать все, что в моих силах, для развития обмена между нашими странами в области духовной культуры. Трудности, препятствия, конечно, будут. Но если есть обоюдный интерес и желание, уверен, можно осуществить самые смелые идеи.

Беседа велa Л. Немира

● 15 января 1989 года в Бонне после торжественной экуменической службы в греческом соборе Филарет, митрополит Минский и Белорусский, председатель Отдела внешних церковных сношений, постоянный член Священного Синода вручил Норберту Кухинке орден Русской Православной Церкви во имя св. равноапостольного великого князя Владимира.

Математика — волшебное зеркало ученого

Что общего между «картиной мира» физика, размышляющего над фундаментальными проблемами мироздания, и мистика, погруженного в глубокое созерцание? Казалось бы, о какой-либо общности говорить не приходится, ибо наука и религия традиционно мыслились как взаимоисключающие формы общественного сознания.

Однако поистине фантастические открытия в области природы материи, на которые столь щедрым оказался XX век, разрушили многие привычные стереотипы.

И вот парадокс: научная модель мира, создаваемая на основе этих открытий, по мнению ряда ученых, оказалась на удивление схожа с некоторыми концепциями мистиков. Что это, случайное совпадение или свидетельство прорыва на качественно новый уровень познания?

Этой теме посвящена изданная в прошлом году книга американского философа, госпожи Рене Уэбер — «Диалоги с учеными и мудрецами».

В предлагаемой вниманию читателей развернутой цитате УЭБЕР ведет диалог с Дэвидом БОМОМ — известнейшим физиком-теоретиком, автором многих фундаментальных исследований по квантовой механике и теории относительности. Бом — один из создателей циклотрона и синхроциклотрона. В настоящее время работает в Лондонском университете.

Комментирует диалог профессор П. С. ГУРЕВИЧ.

Уэбер: Считаете ли вы, что есть некая связь между наукой и мистикой?

Бом: Все зависит от того, какое значение мы вкладываем в эти понятия. Если считать, что наука сводится лишь к проведению экспериментов и измерений, то особой связи нет. Но слово «наука» можно понимать и в более широком смысле — как стремление понять реальность или природу в целом. В этом случае мы можем сказать, что интересы ученых и мистиков кое в чем начинают совпадать. Исследование тайн материи может привести нас к вопросу: а вдруг есть что-то еще помимо материи? Или, может быть, материя настолько тонка, что она не укладывается в наше обычное представление о ней? Некоторые утверждают, что «скрытый порядок»¹ — это мир, лежащий между материей (в ее мирском понимании) и абсолютной трансцендентностью вне материи, как ее представляют теологи.

Во времена Ньютона теологи и ученые заключили союз, надеясь таким образом решить свои собственные проблемы. Теологи боролись с алхимией, колдовством и обществом розенкрейцеров², стремясь доказать высшую трансцендентность Бога, сотворившего, с их точки зрения, Вселенную и следящего за исправностью механизма, приводящего ее в движение. Ньютон был одновременно ученым и теологом. Но интересовался он и алхимией. Во многом его мировоззрение было весьма противоречивым. Еще раньше, до конца XVII века, мистицизм, теология и наука тесно переплетены. Их пути постепенно разошлись вследствие появления теории эволюции и других научных теорий.

У.: Добавлю — особенно в XIX веке, после укрепления позиций механицизма. Духовные корни науки были обрублены, внешние формы отделены от внутреннего содержания, а ведь еще Пифагор учил, что окружающий нас мир — это проявление божественного.

Б.: Вероятно, многие забыли об этом, однако сэр Джеймс Джинс³ как-то сказал: «Бог — математик». Некоторые из основоположников квантовой теории, похоже, о словах Пифагора не забывали: Эддингтон, Джинс, Шредингер. В особенности Гейзенберг⁴. Говорили, что к концу жизни не только своими взглядами на природу, но и выражением лица он стал напоминать восточного мудреца, за это друзья прозвали его «наш Будда».

У.: Интересно, почему так много известных физиков признают мистику? Кстати, какое определение вы даете понятию «мистицизм»?

Б.: Мистицизм — это ощущение непосредственного прикосновения к конечной реальности в ее единстве.

У.: Физики стремятся приоткрыть истинную природу вещей. Подразумевают ли они при этом, что мир един?

Б.: Безусловно. Физики работают над Великой единой теорией, которая смогла бы объединить все и описать Вселенную одним уравнением. Поиск единства лежит в основе современной науки.

У.: Еще со времен Фалеса⁵ люди искали единство, прячущееся за множественностью проявлений природы.

Б.: Одни ищут единство в материи, другие утверждают, что основа единства мира — дух, а материя была создана из него. Современные физики в основном материалисты, но, с моей точки зрения, они уделяют математике слишком много внимания, игнорируя при этом физическую картину мира. А это равнозначно заявлению: «Бог — математик», то есть утверждению, что сущность мира очень и очень абстрактна и почти божественна. В самой материи математики не найти.

У.: Что же заставляет ученых искать один универсальный закон природы, или некий эстетический принцип, или нечто более глубокое по своей сути? Может быть, духовная потребность, в которой они не отдают себе отчета?

Б.: Вероятно, в каждом из нас скрыта такая потребность, именно она заставляет людей искать себя в мистицизме, религии или искусстве.

У.: Вы считаете, что эту скрытую потребность, присущую даже физикам-материалистам, нельзя объяснить одним лишь желанием научиться предсказывать явления и события и управлять ими? Однако ученым не понравилось бы, назови мы их «подсознательными мистиками».

Б.: Да, они сказали бы, что это просто бред. Но здесь лишь вопрос неприятия терминов.

¹ Термин, введенный Бомом для обозначения источника всей видимой (открытой) материи в пространстве-времени нашей Вселенной.

² Тайное религиозно-мистическое общество, близкое к масонству, распространенное в XVII—XVIII веках в Германии, России, Нидерландах и других странах.

³ Джеймс Джинс (1877—1946) — видный английский физик и астрофизик.

⁴ Гейзенберг Вернер (1901—1976) — немецкий физик-теоретик (ФРГ), один из создателей квантовой механики.

⁵ Фалес (ок. 625—ок. 547 до н. э.) — древнегреческий философ, родоначальник античной философии. Возводил многообразие проявлений мира к одной первостихии — воде.

У.: Например, Стефен Хокинг⁶ мог бы сказать: «Единство природы — это признак того, что мы приближаемся к пониманию истинного устройства мира». Он использовал бы доводы разума, а не души.

Б.: Да, он мог бы так сказать. Но, по-моему, и он и другие ищут единство из эстетических соображений.

У.: И ученый и мистик видят в материи нечто одновременно внутреннее, имманентное и трансцендентное.

Б.: Мистик видит в материи имманентный принцип единства. То же самое, не отдавая себе в этом отчета, видит и ученый. По мнению некоторых исследователей, истинное назначение материи — служить связующей средой для трансцендентного.

У.: Либо проявлять в себе трансцендентное.

Б.: В том же самом смысле, в каком мысль является связующим звеном между переживаемым нами «сейчас» и прошлым. Поэтому в некотором смысле материя и мысль схожи. Однако материалист может возразить, сказав, что материя — это основная субстанция реальности, а разум — это надстройка, или форма материи.

У.: Вы могли бы опровергнуть это утверждение?

Б.: Эти полярные позиции опровергнуть нельзя, их можно только обсуждать. Они представляют собой различные, но равновероятные взгляды на реальность. Может быть, со временем возникнет новая, совершенно иная точка зрения.

У.: Я думаю, что мистик никогда не сможет доказать свою правоту.

Б.: Но и материалист не сможет.

У.: Это не совсем понятно.

Б.: Он не сможет доказать, что кроме материи ничего больше не существует, он может просто заявить, что, по его мнению, нет оснований предполагать, что существует нечто большее.

У.: Но доказывать должен тот, кто говорит о существовании чего-то большего. Недостаточно просто сказать: «Это возможно потому, что это не исключено».

Б.: Да, но возникает вопрос об убедительности доказательств. Предположим, что я мистик или художник. Я могу сказать, что ощущаю нечто очень тонкое, нематериальное. А материалист мне скажет: «Нет. Мы можем доказать, что у всех ощущений есть физическая основа, это можно объяснить с позиции материализма. Поэтому я не принимаю ваши объяснения».

У.: А что бы вы ответили?

Б.: Я бы сказал: вы это не доказали, и прецедент не был установлен. Многое из того, во что верили люди, оказалось заблуждением. В XIX веке думали, что мир можно объяснить в терминах механицизма тех времен, а сейчас видно, что все устроено не так просто. Поскольку и в нашем веке наука не всемогуща, мы не можем рассчитывать на то, что все надежды, на нее возлагаемые, оправдаются. Уже сейчас ясно — строение материи оказалось намного сложнее и тоньше, чем думали механицисты. Достаточно назвать квантовую механику и теорию относительности.

У.: Тонкая, значит, духовная?

Б.: Мы все ближе подходим к такому определению. Пока что «тонкая» означает неосознаваемая, невидимая, но реальная. Недавно я спросил одного физика-философа, считает ли он математику свойством материи. Он почему-то не дал мне ясного ответа.

У.: Он сказал, что она скрыта в самой Вселенной.

Б.: Но является ли она одним из свойств материи? Мы можем сказать, что описываем материю языком математики, и это верно до некоторой степени. Но отсюда вовсе не следует, что материя — это и есть математика. Мы могли бы сказать, опираясь на слова Джинса, что поскольку Бог — математик, он вложил материю в математическую форму. Но в этом случае придется предположить, что материя разумна, иначе не совсем понятно, как ей может быть свойственна математика.

У.: Здесь, по-вашему, логическая ошибка тех, кто выступает с позиций грубого материализма?

Б.: Они не обсуждают сущность математики (и самих себя) и молчаливо относят ее к чистому духу. Они не указывают на предполагаемый материальный источник происхождения математики. И наконец, они могут заявить, что сам механизм природы порождает математику. Но это лишь предположение: ведь математика лишь способ мышления, и в реальных предметах ее не найти.

У.: Математики, не разделяющие взгляды Платона, говорят, что она является средством упорядочивания человеческого разума, что ее нет вне самого человека.

Б.: Хорошо, давайте с этим согласимся. Очень логично иметь независимое от математики представление о материи и лишь описывать его математически. Но, согласно теориям современной физики, мы знаем о материи только то, что описывается в этих новых уравнениях. Если мы произведем некие действия с ними, то по какой-то загадочной причине у нас получится правильный результат. Соответствующей физической картины нет. Поэтому физики и утверждают, что математика — это истина о материи. Из их точки зрения следует, что все известное нам о природе просто придумано нами самими, а в этом случае мы не знаем Вселенную. Это ментализм, физикализм или что-нибудь в таком роде.

У.: А другая точка зрения на математику невольно заставляет нас вспомнить о духовной основе мира.

Б.: Некоторые ученые, в том числе Гейзенберг, считавший себя последователем Платона, называют математику квинтэссенцией реальности. Гейзенберг полагал, что математический порядок объективно существует в материи и является ее важнейшей сущностью. Но математический порядок — это нечто очень и очень тонкое и абстрактное, очень близкое к тому, что мы обычно называем духом.

У.: А вы сами как считаете, силен ли Бог в геометрии?

Б.: Это просто фигура речи. Математике придают так много значения просто потому, что мы ее довольно хорошо разработали. В будущем все может сложиться иначе.

У.: Может быть, это космический разум, выражающий себя рационалистически?

Б.: Вполне возможно.

У.: Мистик, говоря о материи, скажет, что во всем есть порядок, что Вселенная заключена в каждой частице материи и что все в мире имеет свой сокровенный смысл. А что скажет ученый, разгадывающий тайны материи?

Б.: Я не могу ответить за всех, но те, кто работает в области физики элементарных частиц и космологии, приписывают математике некое самостоятельное значение. Они начинают с уравнений, а затем уже создают объясняющую их воображаемую картину. Однако первоисточником являющиеся уравнения.

У.: Один из участников диалога в «Республике VI» Платона, рациональный мистик, почитающий математику, утверждает, что она представляет лишь третий уровень познания, а четвертый, высший, не поддается описанию даже языком математики. Это и есть непосредственное восприятие реальности.

Б.: Многие из лучших математиков несколько мистически относятся к источнику своих открытий и называют его загадочным. Эйнштейн сказал, что Вселенная по своей сути загадочна и истинная реальность тоже загадочна, а это близко к тому, что говорят мистики.

У.: Этим можно объяснить то, что многие физики, работающие на передних рубежах науки, особенно в космологии, постоянно говорят о тайне, красоте, симметрии и ощущении единства мира.

Б.: По-моему, многие физики считают, что им видно нечто, выходящее за рамки обычного, — некая истина, которую они пытаются передать языком формул.

У.: Вы как-то сравнили стилизованный и чистый язык математики с музыкальной партитурой. Музыкант, глядя в ноты, слышит это «нечто еще». А физик, глядя на формулы, ощущает вселенскую музыку.

Б.: Да, а потом начинает описывать это в своих моделях.

У.: Чтобы услышать музыку Вселенной, мистикам, по их словам, партитура не нужна. Чтобы осознать то, что стоит за миром видимых вещей, им подойдет все, что угодно.

Б.: Они утверждают именно так.

У.: Давайте поговорим о методологии. Похоже, что внимание физиков направлено во внешний мир, а мистиков — в их внутренний. Это просто расхожее мнение или на самом деле все так и есть?

Б.: Физики пытаются абстрагироваться от опыта окружающего мира. Эйнштейн, Больцман и другие считали, что и идеи переходят

⁶ Стефен Хокинг — видный английский физик, специалист в области общей теории относительности, квантовой механики. Материалист по убеждениям.

дят от восприятия мира в целом, возможно, это и есть основной источник математических открытий.

У.: Можем ли мы сказать, что мистик уходит как можно дальше в глубины сознания, а физик — в глубины материи?

Б.: Да. Но интересно, в какие глубины погружается математик-теоретик? В некотором смысле он уходит в собственное сознание. И хотя его поиски могут быть вызваны тайнами материи, как только он начинает исследовать собственное сознание, то пытается найти в нем нечто, обладающее внутренней упорядоченностью.

У.: Чем руководствуется математик в своей работе — вдохновением или рассудком?

Б.: Об этом уже давно идут споры. Многое, безусловно, было рождено рассудком, но, вероятно, новые взаимосвязи в природе были открыты благодаря вдохновению. Увидев падающее яблоко, Ньютон внезапно осознал, что луна тоже падает, и таким образом пришел к идее всемирного тяготения. Это было непосредственное восприятие неизвестной ранее взаимосвязи. Архимед, погружившись в ванну, осознал, что объем вытесненной воды независим от формы предмета. Его охватила такая радость, что закричал: «Эврика!». И Ньютон, должно быть, обрадовался не меньше. Подобное непосредственное восприятие связано с очень сильными и необычными ощущениями.

У.: Всплеск духовной энергии?

Б.: Да. Момент, когда рождается вдохновение.

У.: Это и объединяет мистика и ученого. Для них в подобный момент с тайн Вселенной спадает покров.

Б.: Спадает покров с их разума. Наш разум погряз в вещах, воспринимаемых как данность, как нечто само собой разумеющееся. Обычно мозг, не испытывающий воздействия экзотических переживаний, раз за разом воспринимает мир на основании старых банальных предпосылок, но вдохновение срывает покров, сознание поднимается на новый уровень.

У.: Я хотела бы вернуться к взгляду мистиков и физиков на материю. Вы утверждаете, что если бы физики правильно

понимали материю, они бы не относили себя к «материалистам» в обычном понимании этого слова?

Б.: Да.

У.: Но мистики говорят об этом уже много сотен лет.

Б.: Вопрос в том, является ли материя грубой, как ее понимают механицисты, или она становится все более и более тонкой и постепенно неотличимой от того, что называется разум. Вы писали, что для идеализма форма первична. Одна из гипотез заключается в том, что форма взаимодействует с энергией, начиная процесс детерминации, и это в конечном счете приводит к появлению определенной структуры материи. Если придерживаться такой точки зрения, а к ней сейчас начинает подходить и современная физика, мы можем сказать, что различие между идеализмом и материализмом постепенно исчезает. Я бы расширил определение «информации», сделанное Грегори Бэтсоном, и сказал, что разница в форме приводит к различию между содержанием и значением. Форма воплощается в виде значения или энергии. Когда вы читаете отпечатанную страницу, то есть форму, заключенное в ней значение высвобождает некую энергию, которую вы используете в своих повседневных делах. Таким образом, мы можем сказать, что различие между материализмом и идеализмом уже становится нечетким и постепенно стирается.

У.: Поэтому необходимо дать новое определение понятию «материализм». Истинный материалист должен заняться поисками духовного.

Б.: Да, но необходимо также заново определить понятие «идеализм».

У.: Основа его лежит в плане физического проявления.

Б.: Да. Из этого следует, что разум постоянно присутствует во всех формах материи, даже в простейших. У электрона в таком случае, есть очень примитивная форма разума, наш разум находится на другом уровне, и, возможно, на каком-то ином уровне находится разум выше нашего, и так далее до бесконечности.

Перевел с английского М. ШЕЛИКИН.

Расподобление или диалог?

П. ГУРЕВИЧ,

доктор филологических наук

Читателя, который не знаком с личностью Дэвида Бом, напечатанное интервью может скорее всего, озадачить. В самом деле, почему известному ученому, существенно раздвинувшему горизонты современной физики, вдруг предлагают подумывать о всеохватности мистики и ограниченности теоретического мышления? Ради читательской моды? В угоду парадоксу? Вопрос по существу или «на засышку»?

И вот что удивительно — Бом легко отзывается на вопрос и с академической серьезностью погружается в размышления о колдовстве, скрытом порядке и алхимии. И заметьте — ни слова о синхротроне. Стало быть, есть что обсуждать, кроме природы элементарных частиц.

Недоумение может, пожалуй, возникнуть не только по этому поводу. Собеседница Бом — философ. Рене Уэбер неоднократно интервьюировала его демонстрируя при этом не только пылкий ум, но и глубокую осведомленность в новейших открытиях естествознания. Из их насыщенных диалогов родилась не одна книга. Нам, давно толкующим о союзе естествознания и философии, искромет-

ность и продуктивность беседы может показаться недостижимой.

Читая интервью, мы видим, что разговор вышел на предельные, вековые вопросы: единство бытия, возможности проникновения в его тайны, сопереживание двух философских традиций. Кажется, мы на пороге каких-то прозрений. Однако проблемная напряженность неожиданно обернулась в конце диалога вялой констатацией: «различие между материализмом и идеализмом уже становится нечетким, постепенно стирается».

Не станем с порога оспаривать этот вывод, но прежде всего спросим: ради чего в диалоге использован многовековой опыт философской рефлексии, если устранение основного философского вопроса напрашивается как бы само собой? Может быть, проще остаться в рамках естественнонаучной традиции? Ведь новейшие открытия и без философии создают относительно целостную, хотя и постоянно ускользающую, размывающуюся картину мира.

Исследования Бом в области физики опровергают традиционное описание бытия как мозаики разьединенных

элементов. Мир в его экспертизе оказывается целостной и неделимой реальностью. В этой констатации нет пока ничего неожиданного. Но Бом считает ограниченной и не завершенной любую теорию космоса, если она не включает в себя сознание как существенный ингредиент бытия. Скажем еще определеннее: Бом, как и многие другие физики, склоняется к мысли, что Вселенная сама похожа на какой-то всепроникающий разум..

Работы Бом отражают новые представления физики о природе сознания. Они складывались в рамках так называемой голографической модели. В чем ее существо? В конце 60-х годов американский психолог и нейробиолог К. Прибрам поставил перед собой вопрос: в какой части мозга закрепляется память? Последовательно отсекая в экспериментах разные участки мозга, он пришел к выводу, что накопленная информация фокусируется везде, в любой клетке, по принципу голограммы: по любой части можно воспроизвести все исходное изображение...

Д. Бом воспринял идею Прибрама о том, что материальная структура

Вселенной вообще подобна гигантской голограмме. Это слово стало паролем новой научной парадигмы. Если каждая часть Вселенной отражает всю ее структуру, стало быть можно вывести некий универсальный архетип всеобщей связи. Но это, по Бому, вовсе не закоstenевший, внутренние сцепленный миропорядок. Вселенная подобна гераклитову потоку. Державное движение этого потока Бом назвал «голокинезом».

Итак, новая картина Вселенной... Возникшая в психологии и закрепившаяся в физике. Рожденная естественнонаучным поиском, она тянется к философским образам: гераклитов поток, трансцендентное проявление... Да она и не может обойтись без философии, потому что актуализирует древнейшие воззрения, архаические сюжеты. Тайны мироздания, даже когда они обнаруживаются в пробирке или в тончайшем приборе, оживляют традиционные мировоззренческие клише.

Но если, как отмечено в интервью, все современные физики в основном материалисты и вместе с тем похоже, что электрон обладает разумом, надо как-то самоопределяться... В самом деле, что делать, если конкретное достижение в области физики или психологии не укладывается в рамки определенной философской традиции или даже взрывает ее? Этот вопрос вытекает из исследований Бома. Он косвенно, как бы предполагая нашу осведомленность о выводах Бома как физика-теоретика, присутствует и в интервью.

Может быть, отбросить опознавательные знаки, раскрепостить мысль... К этому, судя по всему, подводят нас участники диалога. Разве мистика, погружающийся в бездны духа, как и физик, изучающий глубины материи, не могут в равной степени сбросить покров с тайн Вселенной? Прекратим бесплодный, иссушающий спор мистиков, идеалистов, материалистов — предлагают участники диалога, уберем разъединительные межи, отбросим утеснительные символы.

В такой постановке вопроса, как мне кажется, немало соблазнительного. Но есть и точка для размежевания. Лично мне мысль о том, что ни одно мировоззренческое направление не обладает монополией на полную истину, представляется одухотворяющей. Еще кровоточат раны, нанесенные ретивыми и воинствующими материалистами в борьбе с генетикой, кибернетикой, космизмом. Но и тотальный натиск на науку с другого фланга, направленный на ее дискредитацию, обескураживает... Не убеждает пока и тезис об окончательном устранении материи из картины мироздания. Многие, о чем идет речь в интервью (прозрения мистиков, прихотливые судьбы науки, новая картина мира) совпадает с моими научными убеждениями. Более

того, хотел бы по ходу дела сослаться на собственные, ранее опубликованные работы. Но сначала о том, в чем я расхожусь с участниками диалога. Новые открытия в физике и психологии, которые подразумеваются в интервью, менее всего, как мне кажется, свидетельствуют о бессмысленности мировоззренческих граней. философских демаркаций.

Материя становится неотличимой от разума — таков итог размышлений Бома над провозвестиями физики. С этой проблемой сталкиваются сегодня как идеалисты, так и материалисты, но реагируют на нее неадекватно. Чистый идеализм, как отмечается в интервью, сразу сводит материю к одной из форм разума. Ну а материалисты, и это тоже подчеркивается в диалоге, могут заняться поисками духовного. На неотличимость разума от материи как неохотно реагирует в соответствии со своими принципами, опытом рефлексии, мыслительными установками.

Стало быть, не стоит сразу перемещать традиции, снимать вывески. Возможно, восприняв новую научную парадигму, духовные системы попытаются подняться на иную ступень познания и самоотождествления. Отвечая на вызов конкурирующей стороны, каждая из них может более основательно выявить собственный потенциал. Пусть же в диалоге, не утрачивая собственной идентичности, соперничают между собой различные духовные традиции...

Но возможно ли уравнивать их, признав за ними продуктивное партнерство? Одно дело, например, мистика с ее «озарениями», основанными на интуиции, а другое — наука во всеоружии разностороннего знания. Сопоставимо ли? Что касается моей позиции, то полагаю, что вполне сопоставимо. Надо только отказаться от стойких стереотипов, которые стали расхожими в нашей литературе. Мистика — это не только свод наивных иллюзий, слепых верований, затемняющих ослепительный свет разумности. Это также древняя и глубокая духовная традиция.

Не уяснив это, трудно понять, про что толкуют Бом и Уэбер. Физик, например, сразу заявляет, что «интересы ученых и мистиков кое в чем начинают совпадать». Как возможно такое? Ведь наука традиционно противопоставляется мистицизму. Почему же теперь, проникнув в тайны материи, физика обращается к тайному знанию?

Мистика — сложная духовная традиция, в которой соединены разные, порою противоречивые тенденции. Она обладает солидным прогностическим потенциалом, мировоззренческой уплотненностью. Мистическое сознание с помощью интуиции пытается уловить изначальное единство всех вещей. Оно исходит из предпосылки, что путем напряженного «богообщения» можно

вырвать у природы некие тайны, к которым наука продвигается аналитическим, экспериментальным путем.

Вот почему на вопрос, какова связь между наукой и мистикой, Бом отвечает: «Все зависит от того, какое значение мы вкладываем в эти понятия». Дело в том, что именно в мистике родилась идея всеохватности, универсальности, целостности мира. Но разве наука исходит не из тех же предпосылок? Оказывается, нет, во всяком случае, не всегда... Были эпохи, когда мистика дополняла науку, но, избавившись от смутного, интуитивного постижения бытия, наука кое-что утратила.

О многомерных, неоднозначных связях между наукой и мистикой я писал в своих книгах «Возрожден ли мистицизм?» (1984), «Мистицизм: истоки и современность» (1988). Напомню, что в XVI—XVII веках складываются специфические отношения между мистической духовной традицией и научным знанием. Нередко теоретические открытия совершались именно в рамках оккультного (тайного, сокровенного) постижения законов мира. Так, математика эпохи Возрождения не просто продолжала разработку геометрии и алгебры, она превратилась в оккультную науку о числе. «Во времена Ньютона, — справедливо отмечает Бом, — теологи и ученые заключили союз, надеясь таким образом решить свои собственные проблемы».

Действительно, до конца XVII века мистика, теология и наука были тесно связаны между собой. И эта полифоничность вовсе не заключала в себе нечто ущербное, криминальное. Напротив, переключка традиций позволяла соотносить каждое открытие с конкретными духовными установками, что нередко обогащало процесс тотального постижения мира.

Но затем в судьбе науки произошли существенные изменения. Увлеченная теорией эволюции, достижениями механики, она утратила пафос искания изначальной целостности, универсальности бытия. Духовные корни науки оказались отсеченными. Она во многом потеряла метафизическое, нравственное измерение...

Когда мы говорим «наука», в нашем сознании возникает некий собирательный образ постоянно возрастающего знания. О том, как развивается наука, в чем ее специфика, связь с другими духовными традициями, мы задумывались мало. Теперь, когда сложилась философия науки и она сама стала объектом мировоззренческой рефлексии, стало ясно, что умозрительное возвеличивание науки, абсолютизация ее принципов требуют критической переоценки.

Сопоставление разных духовных традиций показывает, что складываются разные пути обретения единства Вселенной — через абстракцию, мистическую интуицию и художниче-

ское провидение. Мистический опыт — это ощущение непосредственного прикосновения к конечной реальности в ее единстве. Обладает ли таким знанием современная физика? Нет, не обладает. Наука только пытается вернуть себе свое первоначальное предназначение — обеспечить целостную картину мира.

Бом и его собеседница резко критикуют механистический материализм. Надо ли возражать? Отметим прежде всего, что ньютоновско-картезианская модель науки укоренилась не только в марксистской философии, но и в западном сознании. Поэтому в наши дни происходит процесс преодоления механистических представлений о мире, о человеке, о его психике, сознании, мышлении...

Научное знание развивается не только путем простого приращения сведений и законов. В определенный момент происходит грандиозный процесс преобразования всей системы сложившихся представлений. Такими были переходы от физики Аристотеля к физике Ньютона, от физики Ньютона — к физике Эйнштейна, от геоцентрической системы Птолемея — к астрономии Коперника и Галилея, от теории флогистона — к химии Лавуазье.

Не подлежит сомнению тот факт, что мир находится на пороге новой парадигмы. Эта смена, судя по всему, будет иметь невиданные масштабы, поскольку в корне изменит все наши воззрения на мир, природу, человека. Вполне возможно, что она устранил пропасть между древней мудростью и современной наукой, между восточной мистикой и западным прагматизмом.

Но опровергнет ли новая парадигма материалистический взгляд на мир? Бом справедливо замечает: «Эти по-

лярные позиции опровергнуть нельзя, их можно только обсуждать. Они представляют собой различные, но равновероятные взгляды на реальность. Может быть, со временем возникнет новая, совершенно иная точка зрения».

Со времен Галилея и Ньютона считалось, что простые процессы — это те, ход которых может быть легко и детально описан математически, то есть прежде всего с количественной стороны. Сам процесс, который разворачивается в природе, отнюдь не является элементарным и простым. Таким он предстает лишь в экспертизе физика, который с помощью сложных приемов расчленяет пеструю мешанину феноменов, очищает существенное, чтобы обнаружить первоосновную простоту.

Теперь же, согласно Бому, изначальная простота может явиться в акте целостного, всеобъемлющего взгляда, как это происходило, например, в мистическом прозрении древнего шамана. Отсюда рождается предположение, которое постоянно возникает в философской литературе, а не является ли сама природа математиком?

Действительно ли разум присутствует во всех формах материи? Можно ли полагать, что материю, жизнь и сознание вообще нельзя рассматривать как уровни эволюционного развития? Верна ли гипотеза, что форма взаимодействует с энергией? Современная наука действительно придвинулась к радикальным смещениям традиционных воззрений.

В частности, Бом полагает, что жизнь присутствует во всеобщности в некоем свернутом виде. Даже в такой ситуации, которая оценивается нами как безжизненная, обнаруживается нечто жизнеспособное. Например,

молекула двуокиси углерода, пересекающая границу клетки в листе, отнюдь не внезапно становится «живой». И молекула кислорода не умирает неожиданно при переходе из листа в атмосферу.

Понятие голокинезиса и в самом деле можно развить дальше. По мнению Бома, материя, жизнь и сознание вообще не сводимы друг к другу. Они и не выводимы друг из друга по закону причинной связи.

Открытия Бома постепенно из ряда академических приобретают характер хрестоматийный. Но много в них еще версий, гипотез. Недаром некий разочарованный физик по имени Фауст сказал:

Не смейтесь надо мной, деленье шкал,
Естествоиспытателей приборы!
Я, как ключи к замку, вас подбирал,
Но у природы крепкие затворы...

Каковы же перспективы материализма? Прежде всего, этой духовной традиции предстоит преодолеть устаревшие, механистические воззрения и установки. По мере углубления в материю, изучения многообразных процессов в мире понятие о твердом веществе, из которого он состоит, исчезает. Квантовая теория позволяет выдвинуть гипотезу о том, что Вселенная — это бесконечное множество миров, которые не всегда находятся в прямом контакте друг с другом. Космос, можно полагать, определенным образом закодирован в каждой клетке.

Но речь идет, стало быть, не о дискредитации материалистической традиции, а о переосмыслении ее, выведении на иной парадигмальный уровень. Полифонизм различных принципов помогает разворачиванию внутреннего потенциала материализма, который пронизан сегодня пафосом одухотворения материи.

Академия мировых цивилизаций

Именно так — непривычно и интригующе — называется новая международная организация, начавшая свою работу в Москве. По замыслу учредителей (в их составе Отделение Всемирной лаборатории в СССР и другие общественно-научные организации многих стран мира) Академия должна проводить учебно-научную и просветительскую работу в направлении, которое, несмотря на новизну, становится едва ли не первостепенным. Речь идет о выживании мировой цивилизации, о том, чтобы во имя этой высокой цели объединить усилия всех интеллектуальных и нравственных сил, прежде всего науки и религии. Каждая из них, разумеется, сохранит свое лицо, свои принципы и законы развития. Но перед общей угрозой, нависшей над человечеством, они едины.

Необычность замысла признавали и все собравшиеся на открытие Академии в Доме ученых. В тот день, 21 февраля, необычен был и состав участников. изве-

стные советские ученые, академики Е. П. Велихов и Б. В. Раушенбах, митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим, директор Иерусалимского института по изучению Талмуда раввин А. Штайнзальц, посол США в СССР Дж. Мэтлок и личный представитель министра иностранных дел Италии С. Баланцино.

Идея создания Академии, сказал, открывая встречу, Е. П. Велихов (председатель Отделения Всемирной лаборатории в СССР) возникла примерно год назад, во время проведения оксфордской конференции «Общественные и религиозные деятели за мир». Современному ученому, озабоченному проблемой выживания мировой цивилизации, явно не хватает специальных знаний в сфере экологии, философии, культурологии, даже религии, — словом, всех составляющих духовной основы этой цивилизации и воплощающих перспективу ее развития.

Первые конкретные шаги уже сделаны. В октябре 1988 года в Москве было подписано соглашение о создании в рамках новой Академии отделения иудаисти-

ки, которое возглавил раввин А. Штайнзальц. В настоящее время работают еще 7 отделений: экологии, разоружения, истории искусств, отделение «Наука, техника, общество», а также православия, мусульманства, буддизма.

Что из всего этого получится, покажет будущее. Отвечая на вопросы журналистов, академик Велихов сказал только: «Я не хочу сейчас давать каких-либо зарок в отношении судьбы нашей Академии. Будут слушатели — будет и Академия!»

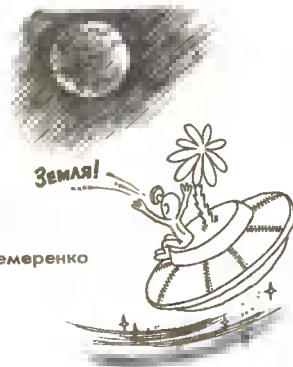

Рисунок В. Семеренко (Ленинград)

Зеркало

Натиг РАСУЛ-ЗАДЕ

● Старухе было восемьдесят три года, и она умирала в своей постели, окруженная многочисленными родственниками, детьми, внуками, правнуками. Со стороны посмотреть: хорошая кончина, пожила старуха, дай бог каждому столько, оставила после себя большое потомство, которое от мала до велика чтит и уважало ее, чего же еще? Но она умирала в печали, недовольная прожитой жизнью. Недовольство всего лишь несколько дней как возникло в ней и разрасталось в сердце пожаром.

Она часто впадала в забытие и, в минуты предсмертного просветления, со страхом понимала, что жизни остается все меньше, а ей никак не удастся проникнуть в причины этого недовольства. И тогда, на самом краю земной жизни, в часы смертной тоски, старуха стала вспоминать все свои дни и годы. Вызывая их, один за другим, из прошлого, она с тоской все яснее сознавала, что совсем не так, как надо, прожила свою такую долгую и стремительную, такую единственную жизнь. Таяло в печали ее угасавшее сердце. Отчего же это, спрашивала себя старуха, отчего я не жила, как хотела, хотя бы немного, что мне мешало?

С высоты своих восьмидесяти трех лет видела старуха, что словно бы не для себя, а для окружающих, для чужих людей жила она, каждый свой шаг соразмеряя с их моралью, с их требованиями, а кто поручится, что они, эти чужие, правы?

Что люди скажут, если я так сделаю или не сделаю? — вот вопрос, который не отступал от нее ни разу во всей этой большой жизни. Она не смела шагу сделать, не ответив на него, а ответив так, как велели мелкие и крупные условности, ощущала (не тогда, а вот теперь) настоящее удушье.

— Душно, — еле слышно выдохнула она.

Над ней тут же склонились седые сыновья и дочери, невестки и внуки, в несколько рук принялись осторожно обмахивать ее газетами. Старуха прикрыла глаза.

— Забылась, — услышала она голос сына Садыха, — вы бы лучше не сидели все в этой комнате, маме воздуха мало, — обратился шепотом он к кому-то.

Но именно в это мгновение голова старухи вдруг стала удивительно ясной, словно какой-то свет озарил внезапно все мельчайшие воспоминания человека, который состарился, не успев пожить. И это показалось ей неестественным и ужасающим.

В пятнадцать лет ее отдали замуж за немолодого человека, которого она впервые увидела, когда ввели ее к нему в комнату после свадьбы. Как она тогда перепугалась! Он был груб

с ней, будто бы через час или день собирался вышвырнуть ее, как паршивую собачонку. Через несколько дней после свадьбы муж увез ее из деревни, где она родилась и ничего, кроме своего двора и дороги к колодцу, не видела, в Баку — там у него на базаре Кюмер-мейданы была маленькая лавка. Она сильно скучала в первое время по матери и отцу, а потом, когда уже у нее появились свои дети, вдруг родилась дома

Рисунок И. Ваграмови.

сестренка, Шафига, и по сестренке она тоже очень тосковала.

Но потом зажили вроде бы неплохо. Впрочем, если это можно было назвать жизнью. Ничего еще не знавшая, вечно закутанная в чадру, она думала, что так и нужно жить, что иначе не бывает и, наверное, была права, потому что все люди их круга, мещане, мелкие купцы и торговцы жили именно так. Это и есть самая обычная жизнь, когда свекровь готова сжечь со свету за малейшую оплошность, муж обращается с тобой, как с вещью, а ты гнешь спину по дому от зари до зари и рожашь ему детей, работаешь, как ишак, и рожашь — вот и все дела твои, и муж не каждую неделю перекинется с тобой двумя-тремя словами.

Однажды, принеся мужу третьего сына, она осмелилась попросить новый белый келагай¹, о котором давно мечтала и о котором загадала — вот если сын родится, если обрадуется она мужа мальчиком, то попросит... В ответ на ее робкую просьбу он только глянул хмуро, промолчал, зато свекровь высказалась вволю и за себя, и за него, и недели две после этого поедом ее ела: «Ишь, какие нежности, обновку просит у мужа, покрасоваться ей, видите ли, захотелось перед чужими глазами, а и то сказать — есть что показывать, что выставять перед посторонними, взяли тебя из отцовского дома тощую, как палка, а теперь на человека стала похожа, отъелась на нашем хлебе, новый келагай ей захотелось, гляди ты, я замужем первые двенадцать лет в рваной чадре ходила всюду, не беки, небось, говаривала моя покойная свекровь, мир ее праху, треснуть бы надгробному камню на ее могиле, не подохнешь, говорила она мне, не подохнешь, в старье походишь, наоборот, еще лучше будешь — не слезят... Вот и ты тоже, ничего с тобой не случится, походишь в старом келагае...».

Тяжело жилось все-таки, не то что сейчас живут люди. Родила девяти-рых детей, муж вскоре после девятого ребенка, после девочки, скончался в одночасье от болезни сердца, и осталась она с девятью, да еще сестричка на руках — после смерти родителей взяла ее к себе. Еще и свекровь хворая, уже неподвижная, на шее у нее... Хлебнула горя, пока детей на ноги поставила, то один заболит, то другой, то трое-четверо разом. Ног и рук не хватало и глаз, запасы любви и ласки, не растраченные на мужа, изливались на детей, ее сердце разрывалось от любви и жалости, когда она видела их голодными, необутыми, больными...

И когда два ее мальчика сгинули на войне, не хватало слез, чтобы оплакать потерю, чуть рассудка не лишлась. Это бог прогневался на нее, пришла мысль, наказывает за то, что от нелюбимого мужа рожала. Но

разве ее вина, что отдали ее за чужака, за ненавистного?

Часто босоногой девчонкой она, повиснув на низеньком глиняном заборе, во все глаза глядела на ребят, игравших в прутики, и мальчика соседского давно высмотрела, прикипела к нему детским еще сердцем, ей нравилось, как он, заметив ее осторожный взгляд, белозубо, открыто улыбался ей, она смущалась от такой откровенной улыбки, предназначенной ей, но взгляда отвести не могла. Да разве повернулся бы у нее язык сказать родителям, как сильно нравится ей этот мальчишка из семьи, которая еще беднее их собственной! А тут как раз подвернулся выгодный жених и увез в страшный, огромный, неведомый город. Ох, как она горевала! Но отец решил, что дочке пора замуж, в деревнях в то время с тринадцати лет отдавали, а ей уже пятнадцать, засиделась девка, что люди скажут? Еще год-другой — и никто не возьмет за своего сына, скажут — перезрела, подумают — неспроста ее до сих пор не брал никто, что-то тут не так... Жениху под сорок, солидный, степенный, борода хной крашена. Не отдашь такому дочь — что люди скажут? Отчего это с хорошим семейством не пожелал породниться, неужто такого же голдранца ищет, как сам? Осудят, словом. Так думал ее отец, давая согласие сватам, так он жене говорил.

Постепенно она привыкла к мужу, привыкла рожать почти каждый год, к брани свекрови привыкла, к никогда не кончавшейся работе, ко всему, что окружало ее в замужней жизни; и жила тише воды, ниже травы, не смея шагу лишнего ступить в страхе, что люди — новые родственники, соседи, свекровь, муж, все, кто ее окружал, — могут плохо о ней подумать.

Вспомнилось старухе, как и сама она, в то уже время, когда житье женщины стало намного лучше и во-льнее, точно так же, «по старинке», отдавала замуж двух своих дочерей. Правда, лет им было побольше, чем ей, когда шла замуж, и грамотные были. Но в браке обе были несчастны, и мать простить себе этого не могла. У одной муж погиб на фронте, осталась с тремя детьми, другая вздумала разойтись с мужем. И разошлась, несмотря на уговоры матери. Позор, ох какой позор, в их роду никто до этого не расходился с мужем.

Сама она, когда пришлось выбирать между собственным счастьем-несчастьем и людским мнением, выбрала последнее, за что теперь тоже нещадно себя корила.

Тогда еще шла война и было голодно. Сорока ей еще не было. И вот стал помогать ее большой семье одинокий сосед-вдовец, вернувшийся в первый год войны без ноги. Он работал на буровых. До сих пор она помнит, как пахло от него железом

и нефтью. Он очень жалел детей: часто приходил к ним, и дети полюбили его; а она все стеснялась, все в келагай куталась, когда он заходил, говорила робко, чтобы не беспокоился в следующий раз, как люди, так и они, а сама-то одного боялась, говоря это: вдруг соседи не так поймут его частые посещения, начнут судить да рядить, сплетничать? Но он твердил одно: да какое ж тут беспокойство, мне самому приятно заботиться о детях, своих-то, видишь, ханум, нет, не дал бог жене-покойнице. Сноровистый был, ловкий мужчина, все делал играючи, все выходило из его рук ладно скроенным, удобным. Она и не замечала его изъяна, нравился ей, словом, хотя, упаси бог, она даже себе в этом не признавалась. И вот пришел как-то, застав ее наедине с сестренкой, ласково попросил девушку немного погулять во дворе, и как только сестра вышла, так прямо и брякнул: мол, по сердцу ты мне, и если чувствуешь, что тоже ничем тебе не плох, то, может, оформим, как говорится, зарегистрируем наши эти самые отношения, а? Ведь ты подумай, детишки растут без отцовской ласки, а я им вместо отца буду, да привыкли мы все друг к другу, верно я говорю, а?

Но она ничего не могла ответить — до того невероятным показалось ей, матери девятирких детей, предложение идти замуж. Уж не бредит ли этот человек? Да и что люди скажут?.. И она только замахала в ужасе руками, не в силах произнести ни слова, и почти что прогнала его в тот вечер, но к детям он уже крепко привязался, и потребовалось несколько лет, да еще и чтобы началось строительство огромной, на всю страну прогрессившей электростанции далеко-далеко от их дома, от их города, от их республики, куда он уехал, потребовалось много, чтобы они навсегда потеряли из виду его, отчаявшегося обрести семью.

Первое время она вспоминала его, сознавая себе, что могла бы полюбить и что младшим ее детям он заменил бы отца. Но люди, она знала, осудили бы ее за этот шаг.

И вот теперь, перебирая в памяти давно прошедшие годы, она с сожалением думала, что пусть лучше бы осудили ее, упрекали в глаза, сплетничали за спиной. Зато сейчас была бы у нее опора, сейчас, когда дети ее, повзрослев, разлетелись в разные стороны, и лишь изредка вспоминают, что у них есть мать. Вот ведь как выходит — рожашь детей, даешь им жизнь, ставишь на ноги, а они наберутся сил — и только их и видели, и лишь к смертному одру родительскому слетаются, чтобы, похоронив, снова разлететься по своим новым гнездам.

¹ Келагай — большой шелковый платок

Многое еще вспомнила старуха проясневшей памятью...

Как таскала ее с собой свекровь, словно овцу бессловесную, на поминки своих дальних родственников, а муж, опасаясь людских пересудов, не ходил с ней даже по улице рядом, никуда с собой не брал.

Одно ощущение когда-то сильно испугало ее: дочь купила модную яркую кофту. И вдруг ей неожиданно захотелось иметь красивые вещи. Их у нее никогда не было. Она не смела попросить, думала — неприлично, засмеют на старости лет; вон старая, скажут, нарядилась, поглядите на собаку — арбуз ест... И вот как-то, когда дочери не было дома, она достала из шкафа и примерила ее кофту перед зеркалом, а дочь, как нарочно, вернулась и застала ее за этим занятием. «Ты что, мама?» — опешила дочь, и старухе стало до слез неловко. Она что-то пробормотала и торопливо спрятала кофту в шкаф, на место.

Что люди скажут, если при живой матери обстирывать ее детей будет прачечная, зашивать-подшивать им одежду — портняжные мастерские, а кормить — столовая? На что же тогда мать, скажут люди, и будут правы, думала она, работая с утра до вечера, когда уже и не было в этом особой необходимости.

«Да разве бы так я жила, если бы предстояло прожить все сначала, разве б так?» — внезапно подумала старуха.

Слезы полились у нее из-под прикрытых век.

— Господи, — тихо простонала она.

Ее кровать снова обступили родные, внимательно и тревожно вглядываясь в заострившееся пожелтевшее лицо.

— Она что-то сказала?

— Кажется... какое-то слово... Не разобрал.

— Лучше не загораживайте ей воздух, ей дышать трудно...

— Расступитесь, расступитесь, — зашептали с разных сторон.

Старуха все хорошо слышала, и ей хотелось сказать всем, что не стоит о ней так заботиться, она того не заслуживает, всей своей несостоявшейся жизнью она доказала, что ничего на этом свете не стоила, но говорить уже не могла, силы иссякли.

Старуха дожидая до ночи. Все дети и внуки, невестки и правнуки пошли спать в другие комнаты в просторной квартире ее сына Садыха: только старшая дочь, повидавшая уже немало смертей родных и друзей, осталась

дежурить у постели умирающей. Она села не в удобное кресло, а на жесткий стул, чтобы не уснуть ненароком, но все равно сон сморил ее, да и возраст — было ей за шестьдесят — брал свое, уснула...

Теперь спал весь дом, и в тишине старуха еще отчетливее ужаснулась уходящей жизни как страшному преступлению, сотворенному в затмении рассудка.

— Боже мой, боже, сжался над грешной душой моей, — взмолилась старуха. — Не хочу умирать, не прогневайся, дай мне жизнь, дай пожить еще, после того, как открылась мне истина, верни мне молодость, ведь ты видишь, господи, не для себя жила, в страхе вечном перед людской молвой жила, глупая, а разве ты это завещал, одаривая нас, людей, единственной жизнью, отпуская нам время на земле? Разве ты даруешь нам жизнь не для того, чтобы радоваться солнцу, воде и хлебу, не лукавя, не суетясь? А я всю ее истратила на страх, самое я ничтожное творение твое, господи, и жизнь моя ничтожна, так что можно считать, что и не жила я вовсе в мире твоём, помоги глупой, умирающей старухе, не могу я уйти, не поняв, не изведав настоящей жизни, не узнав настоящих людей, дай мне пожить, дай мне, умудренной, начать все сначала и во благо обществу, что даешь мне, буду славить солнце и воду, и хлеб, и простоту человеческую, услышь меня, господи, верни мне жизнь, верни мне молодость, господи... — горячо шептала она, и обильные слезы давно уже пропитали край подушки, холодая ее увядающую щеку, напоминая о чем-то свежем, юном, неповторимом...

И смерть неслышно, тихо отпустила старуху. Она вдруг легче задышала, чувствуя, как с каждой минутой возвращаются к ней силы. Она уже могла подняться, встать с ненавистой постели. Робко ступив босиком на пол, она взглянула на свои ноги — это были ноги молодой женщины, гладкие, смуглые, крепкие; протянула руку, чтобы взять халат со спинки кровати, — рука тоже была тонкой, здоровой. Какое-то время она постояла, не смея шелохнуться, стараясь отдышаться, не зная еще, да и не думая, что будет делать дальше. Ей казалось, раскрой она руки — и полетит, полетит над миром, не ведающим о ее чудесном превращении, ей захотелось вдруг есть и пить, но еще сильнее хотелось увидеть, какой она

стала. И она осторожно, пугливо, с опаской подошла к висевшему на стене зеркалу, медленно подняла глаза. Из темной глубины глянула на нее худенькая, смуглая, черноволосая девушка с печальными не по возрасту глазами. Сердце зашлось, бешено прыгая в груди, и она закрыла глаза. Потом, собравшись с духом, еще раз, уже смелее, глянула в зеркало. Только теперь она по-настоящему осознала случившееся, и, упав на колени, долго благодарила небо за то, что услышаны ее горячие молитвы, что исполнилась ее невозможная мечта.

В окне едва забрезжил рассвет. Она поднялась с колен, еще раз долгим взглядом осмотрела себя в зеркале, оценивая и понимая, что оставаться тут дольше нельзя, достала, стараясь не шуметь, из шкафа платье какой-то из своих внучек, которое оказалось ей великоватым, и на цыпочках стала пробираться к входной двери. Но не сделав и пяти шагов, вернулась, подошла к своей опустевшей постели, глянула на спящую старуху-дочь, ласково провела по ее седой голове тонкой молодой рукой. Прощальным взглядом окинув комнату, где только что умирала, она совсем уж было собралась выйти, как вдруг привычная мысль ожгла ее: «Как же все тут будет без меня? Да и потом... что подумают? Куда, скажут, она делась?.. И что они скажут соседям, знакомым? Ведь люди поднимут всю родню на смех! Осудят, скажут: вот так дела — старуха перед смертью пропала из своей постели. Не уследили, скажут, за старой, умирающей бабушкой».

И не успела она подумать это, как в тот же миг, задышавшись, упала на кровать, возле которой стояла. Смерть вернулась, схватила ее за горло. Она судорожно металась в постели, с ужасом ощущая, как тонкие, гладкие девичьи руки покрываются старческими морщинами, становятся дряблыми и немощными... Сквозь слабость и туман она увидела, как вскочила со стула, проснувшись, ее дочь.

— Маме плохо!.. Вставайте!.. Идите сюда!.. Быстрее!..

Но старуха уже ничего не чувствовала — ни горечи, ни страдания, потому что это был последний миг пребывания ее на земле, светлой и прекрасной, какой и кажется земля тем, кто ее покидает.

г. Баку

ВЕНЕЦ ТВОРЕНИЯ С ПАЛКОЙ

Неожиданную, хотя и нежеланную популярность приобрел Альфредо Баттиста — епископ Удине (Италия). В недавно произнесенной проповеди он заявил, что нельзя

считать грехом, когда бьют или даже морят голодом собаку, ибо она существует не как личность, не сама по себе, а лишь как часть имущества человека. Защитники животных потребовали Баттисту объяснить.

— Я, — заявил епископ, — хотел только

подчеркнуть, что человек — венец творения.

С этим заявлением друзья животных согласились.

— Но, — спросили они, почему венец творения должен быть мучителем?

В чужой монастырь

Ю. КУЗЬМИНА

Монастырская жизнь для светского человека загадочна. Как все неведомое, кого-то она отталкивает, кого-то манит. Когда я ехала в Пюхтицу, хотела понять, разобраться, что влечет людей в этот особый, отгороженный от современной жизни мир. Писала так, чтобы не покривить душой, не исказить правды. Так появился очерк «Ушла в монастырь...»

И вот — отклики. Часто недоуменные и возмущенные: как можно уходить от тревог и радостей жизни, от тех, кто

нуждается в твоей помощи и заботе!! Порой до смешного наивные. К примеру, читатель, у которого не сложилась личная жизнь, интересуется, нельзя ли посватать одну из добронравных пюхтицких насельниц. Иногда — и таких писем немало — спрашивали адрес монастыря, просили рассказать об условиях приема. Среди них оказалось письмо из Ташкента от Вали Б. Спустя некоторое время в редакции появилась и она сама.

— В монастырь я приехала под вечер 1 октября. Эта дата для меня особенная — связывала с ней столько надежд! 30 сентября я родилась и так себе загадала, что второе, духовное рождение приурочу именно к этому дню.

Так начала свой рассказ Валентина, и первые же ее слова меня насторожили.

Найти человека, разочаровавшегося в религии или в атеизме, несложно. Другое дело, что это за человек, насколько взвешены его поступки — не бросается ли очертя голову из крайности в крайность, не идеализирует ли то, что еще не узнал; а может, затаив обиду, непрочь свести кое-какие счеы... Всякое бывает!

Будто подслушав мои сомнения, Валентина тяжело вздохнула и скороговоркой подытожила:

— Эх, видно, правду говорят, что загад не бывает богат.

— **Значит, не понравилось в монастыре?**

— Что вы! — Валя вскинула яркие, цвета морской волны «чалдонские» глаза. — Там — чудесно! Благодать! Воздух какой-то особенный, будто пьешь его. И монашки такие трудолюбивые, ясные, я их «пчелками» прозвала — с утра до ночи в делах, пчелки и есть... И знаете, — оживилась она еще больше, — сидим возле пекарни, усталые, беседуем, и вдруг идет одна из сестер, матушка Нина. Останавливается возле нас, как вкопанная: господи, говорит, откуда вас пятеро-то? Четыре должно быть. Это она меня за свою приняла. Я когда в темное одета, ну не отличишь — инокиня! — и гордо рассмеялась.

— **Валя, давайте по порядку, хорошо?**

Валентина кивает, улыбается понимающе и смущенно, отводит глаза. Меж бровей ложится неглубокая еще морщинка. Чтобы все рассказать, нужно пробудить в памяти и то, что было болью, проделать долгий путь, начиная с первых решительных шагов, снова все пережить. Она то вспыхивает, то угасает, говорит, покачивая стриженной под мальчишку головой. Итак, по порядку.

..«Вооружившись» с помощью редакции адресом Пюхтицкой обители, Валентина тут же села за письмо: «Игуменья Пюхтицкого монастыря Варваре» (Валентине Алексеевне Трофимовой). Хотелось сразу поведать обо всем: что одинока, что в свои 40 лет без собственного угла, и, главное, что в монастыре, его святости, милосердия, благочестия видит единственную надежду на спасение. Выплеснула, как было на душе, не перечитала — запечатала, отправила и стала ждать ответа.

Он пришел скоро. С желанным конвертом Валентина прошествовала по общежитию, как именинница, войдя в комнату, присела на край кровати и вдруг оробела: а что, если... Но тут же укорила себя — монастырь — не рай-исполком, отпиской в несколько казенных строк отвечать не станут. Осторожно вскрыла письмо — душа запела. Аккуратный почерк, добрые простые слова: «Здравствуйте, Валентина! Ваше доверчивое, по-детски чистое письмо получила. Вы мечтаете о монастыре. Но хочу предупредить, что жизнь в нем требует от человека многих и многих трудов...»

На этом месте Валя снисходительно-горько усмехнулась — ей ли бояться работы! С 15 лет, как говорится, не покладая рук — кем только не была, прошла тяжелые, неженские профессии. Да что там!

Раскрасневшаяся, счастливая, переведя дыхание, снова окунулась в письмо: «Монастырь живет постом, молитвой, послушанием. Приезжайте к нам денька на 3—4, посмотрите, побудьте с нами. Познакомьтесь с сестрами, расскажите о себе. Ждем Вас. Да хранит Вас Господь». И подпись: «Игуменья Варвара с сестрами».

«Боже, меня ждут!» — даже задохнулась. Подумать только, когда, где и кто ее ждал за всю-то жизнь — не на работу, не на собрание, не на часок в гости, а вот так, чтобы узнать как сестру, приголубить и уж, наверное, никогда потом не расстаться.

Окрыленная, все забросила, в считанные дни собрала денег на дорогу, выпросила на заводе накопившиеся отгулы и, захватив в подарок ящик бричмуллинского винограда, отправилась в путь.

— Я уже представляла себе, как игуменья выходит мне

навстречу — большая, с открытым лицом, чем-то похожая на маму. Та была красавицей, синеокой, черноволосой. Потом она меня обнимает, ведет к себе, усаживает и ласково утешает: все, дескать, Валечка, горести позади...

Но никто меня не встретил. Вместе с другими паломниками я прошла к гостиничному корпусу, на который указала привратница. Здесь было чисто и просто. В комнате первое, что бросилось в глаза, — ослепительные простыни разобранных постелей. И запах свежести от них, смешанный с благовонными маслами из лампадки, что под образами...

Валентина улыбается, на лице проступает подобие того светлого, мечтательного выражения, которое, видимо, отражало ее настроение в день приезда в обитель. Но вдруг гаснет, хмурится.

Ночью я спала дурно, хотя и устала. Во сне видела маму — она всегда была робкая, смиренная, придавленная несчастной своей судьбой. Еще бы! Отца ее, раскулаченного чадона, с чадами и домочадцами выслали в Восточный Казахстан, там они и умерли от голода, — одна она осталась, сирота. С детства тянула лямку — работала в шахте, потом на вольфрамовом заводе, позже прачкой. Астмой страдала. Вот и вся ее жизнь, да еще я была безотцовщиной. Мама часто вспоминала, что когда семья вымерла, никто ей не посочувствовал, кроме попа, тоже высланного на рудник по добыче редких металлов в устье реки Убы — «Убаредмет».

И вот снится мне мама, только строгая, и властно так говорит: «Не пушу Валью в монастырь. Нет, не пушу». И я плачу.

Потру проснулась с гяжелой головой, но огляделась, и снова на душе стало празднично. В храме зазвонили заутреню. Пошла.

Здесь надо приостановить торопливый Валин рассказ, подумать, зачем спешила она в Куремяз, как представляла монастырскую жизнь, чего для себя ждала.

Живя «в миру», до сих пор оставалась она одинокой. Личная жизнь почему-то не складывалась. Может, думала Валентина, чересчур требовательна она к людям? Слабости, трюсы, изворотливости не прощает. Или надо прощать? Во всяком случае, не умела, не кривила душой. Друзья? Были, конечно, хорошие люди: тот же колхозный сторож Вали-ака, к которому чуть что — за советом; Худай-назар, заместитель начальника участка, Света Рогозинта, контролер; Людмила Витальевна с телевидения; комедантша Салима в общепите... Быть-то были, да у каждого своя жизнь, за это не осудишь. А Валя — так, с боку припека, встретились — разошлись. Но почему? Неужели никто по-настоящему ее не оценит, не полюбит всем сердцем за честность, справедливость, безотказность, доброту? Ведь не хуже она других, а, может, иных и лучше.

Тут, казалось бы, очевидную истину, что не все в жизни зависит от человека, Валя перекроила по-своему: от самого человека не зависит ничего. И не потому, что слабой была хлипкой, безвольной, совсем уж за себя не могла постоять — нет. Просто неустроенность во всем, и никому до этого никакого дела. Может, думала она, ее место в монастыре?

Что знала она о религии, о церкви? Привлекала внешняя сторона — красиво, торжественно, благочестиво. А значит, считала Валентина, все там истинно и свято. И люди, служившие в церкви, казались ей не такими, как все. Запавший в душу мамин рассказ о милосердном священнике только подтверждал правильность этих соображений. И вывод напрашивался простой: уж если где и есть настоящая, светлая жизнь, так это в монастыре.

— Вы же сами писали, — Валя взглянула на меня с явным упреком, — что в монастыре обязательно состоишь как личность, как человек. Там нужны честные, хорошие. А в миру сколько ни старайся, награды не жди. Хорошим людям трудно, а плохие, как, например, наш начальник цеха по прозвищу Лук-Порей, процветают. И ничего не поделаешь.

— Понимаете, — с жаром продолжала она, — должен быть не один хороший человек, не два, а сообщество. Только так и можно жить, но где их найти? Наверное, только в монастыре: ведь там принципы — милосердие, правдолюбие, единство. Уж где-где, а в обители не допустят того, что мне приходилось делать, когда нормировщицей работала — липовые наряды, приписки. Не будут пыль в глаза пускать, как у нас на заводе. Каких только речей не произносятся, а на деле каждый печется только о себе, о своей маленькой выгоде. Ты кому-то поможешь — за спиной пальцем у виска крутят. Тебе помощь нужна — днем с огнем будешь искать.

— **Выходит, в миру хорошие люди в розницу, а в монастыре — оптом?**

Валя неуверенно улыбается. И тут я понимаю, что она придумала свой особый монастырь, как, бывает, создают в воображении некий идеал избранника или избранницы — потом ищут его всю жизнь.

Противоречия обнаружились с самого первого дня.

— Когда зазвонили заутреню, пошла. В храме сразу почувствовала себя единой со всеми. В молитвах, конечно, я не сильна, но ничего. Это особенное ощущение: вторящие нараспев голоса, коленопреклоненные люди... И главное — все здесь равны перед богом. На душе тихо, светло. Правда, кольнула тогда меня одна мысль: придется теперь тебе, Валька, до конца жизни носить нелюбимый черный цвет — вон как разбавлены им ряды молящихся, будто чернила разлиты...

Скоро все поднялись с колен, и одна монахиня с подносом стала обходить паломников, то есть нас. Под ее прямым взглядом я, как и многие, положила пять рублей и потом каждый раз клала по пятерке.

Здесь нужно оговориться. К пожертвованиям, тем пятеркам и трешкам, отношение разных людей, очевидно, не может быть однозначным. Для Вали, человека мирского, меряющего других по их отношению к труду, к заработанному рублю, деньги прежде всего есть выражение этого труда. Чтобы потратить их, как говорят люди набожные, на «святое дело», нужно сначала убедиться, насколько оно свято. Иная позиция у насельниц монастыря. Все их обличие и поведение словно бы говорит: лично мне деньги совершенно не нужны, они для меня ничто — только средство поддерживать монастырь в достойном виде и творить милосердие. В обители висят ящички, стоят кружки, на которых выведено, на что пойдет сбор пожертвований. И, право же, стоит ли столько говорить о «презренном металле»?

Я привыкла ценить и считать копейку — не согласилась с таким положением дел Валентина. — Как проверить, пошли деньги на ремонт обители или на роскошную жизнь для настоятельницы? И золото храма, и убранство покоев монастырского начальства — я конопатила там окна — по-моему, совсем ненужное, прямо-таки слепит. И гакси что дежурит под окном у заместительницы игуменьи, матушки Георгии — тоже нескромно. А насельницы будто и внимания не обращают... Все это и проводит сразу грань между ними и нами, словно делит людей на выших и низших. А неравенство есть неравенство. И между насельницами и их начальством (у инокинь кельи гесные и весь скarb: столик, кровать да образа), и между мирскими и монастырскими.

Служба кончилась — монахини, как по команде, отделились от пришлых и ушли. Ритуал, предписывающий, кому где стоять, как входить и выходить, в несколько секунд провел черту между хозяевами и гостями. Паломники остались: женщины с больными детьми, старухи, одноногий мужчина... Торжественные краски храма словно вмиг потускнели, и все, как показалось Вале, были растеряны не меньше ее.

— Но я тут же взяла себя в руки, — сказала она кулачок. — У меня ласковое письмо в кармане. Подумала так и пошла к игуменским покоям.

Так и видится решительная фигурка, пересекающая монастырский двор.

Отворила дверь прислуживающая матушке сестра Агния: «Как доложить?» Я отвечаю: Валя, мол, из Ташкента, матушка мне прислала письмо. Агния захлопнула дверь перед носом: жди. Вернулась скоро. Валя, говорит, матушка больна, к ней вчера врач приезжал, она принять тебя не может. А когда, спрашиваю, сможет и что мне сейчас делать? Есть ничего не могу и не буду, пока с ней не поговорю. Агния мне: «Ишь, какая ты строптивая. Надо смирение иметь», и закрыла дверь. Но я опять постучала: пробовала, спрашиваю, матушка виноград? Нет, отвечает, ей нельзя, у нее диабет. И хоть бы «спасибо»! Я, конечно, благодарности и не ждала, но удивилась, что в монастыре, видно, она не в чести. «Бог простит», «благослови тебя бог» — в лучшем случае. Хотя это неважно, конечно...

Куда себя деть? Побродила по монастырю до обеда, вернулась в гостиницу. Другие паломники уже успели побывать у источника, набрать «святой» воды, некоторые даже окунулись, теперь спорили-гадали, будут ли сегодня с машины продавать священные книги.

Там приезжают «Жигули» и прямо из багажника торгуют Библией за 100 рублей и Евангелием, уж не знаю за сколько. Паломники из-за этих книг чуть ли не дерутся, а монахини, проходя мимо, смотрят на них, по-моему, слегка презрительно. Но у меня лишних денег не было, я и сидела, не выходя.

Все понимаю, — рассуждала Валя, — конечно, что я за птица такая, чтобы в монастыре из-за меня бросали все дела! Но, с другой стороны, как же они меня узнают, поймут?

В комнате она просидела до вечера, потом еще раз зашла в храм, вернулась к себе и задремала. Проснулась от того, что кто-то легонько тряс за плечо — одна из сестер, Наталья.

Валя из Ташкента, проснись. Иди покушай. Завтра тебе чуть свет назначено послушание — пойдете с Олечкой белье стирать вместе с послушницами.

Валя вскопчила, расцеловала Наталью в обе щеки и потом уснула почти счастливая: значит, заметили ее.

Потру вместе с инокиней Людмилой, особенно понравившейся Валентине, и другими послушницами перестирали и выполоскали до синевы целую кучу белья, потом ее с восьмиклассницей Олечкой отправили конопатить окна — день и прошел. Но нерадостной вернулась она в гостиницу.

— Все послушницы, с кем я говорила, жаловались на тяжелый труд, сравнивали послушания. Самое легкое, пришли к выводу, в канцелярии сидеть — отвечать на письма. Тут я насторожилась. Разве, спрашиваю, отвечает не сама матушка? Они смеются. Да нет, ей самой не управиться. Она только подписывает. У меня чуть ноги не подкосились. Вот так дела! Она и знать не знает, что я примчалась за тридевять земель по ее приглашению...

И тут мимо нас — мы шли по дороге с поля — проезжает ГАЗик, в нем сидит полная женщина, вся

в белом. Она высунулась из окна и милостиво нам улыбнулась. Послушницы говорят: вот же она, матушка. Значит, здорова? А для меня десяти минут не нашла?

Назавтра Валентина собралась уезжать. Но перед этим все-таки снова подошла к игуменскому флигелю. Прислужница, уже не спрашивая ее, прошла к матушке и вернулась. Тот же ответ: «Принять не может, больна». А кто может? Агния глазами показала на женщину со строгим лицом, напомнившую Валентине начальницу экспедиции с «Убаредмета» Анну Петровну: вот матушка Георгия. Та выразительно взглянула на Валю — говори, дескать, быстрее!

И тут, знаете, во мне ретивое взвыло. Выскажу, думаю, все. Где же ваше внимание к человеку? К настоятельнице на прием пробиваться надо! Перед богом же все равны, так? А перед его служительницами нет? Что, говорю, в монастыре, оказывается, такая обширная переписка, что в письма за своей собственной подписью настоятельница и не вникает? Да здесь такой же бюрократизм, как у нас на заводе!

Георгия сначала взяла со мной жесткий тон, но доводы ее не показались мне убедительными. И уж во всяком случае не божескими. Говорит: «Вы же в монастырь проситесь, а не понимаете того, что вы — лимитчицы. Народный фронт ввел плату за прописку каждой послушницы — 16 тысяч рублей; в последнее время к нам двое поступило, так за них до сих пор расплатиться не можем!..» Я хмыкнула. Она коротко взглянула на меня и бросила. «Подождите».

Скрылась за дверью. Вскоре оттуда выходит сестра Агния и подает подарки: набор открыток с видами монастыря, Библию и 25 рублей в конверте. Если, говорит, не хочешь еще побыть, а матушка велела передать что разрешает, — то на вот, на дорогу.

Подарки Валя приняла, а от денег отказалась...

Мы беседуем уже несколько часов. По-моему, Валя немного разочарована тем, что я не принимаю ее сторону, не спешу скорее взяться за перо, чтобы «вывести на чистую воду» тех, кто, как ей кажется, того заслуживает. Я действительно не спешу, потому что как ни симпатична мне Валя с ее идеализмом и максимализмом, как ни жалею ее за то, что сунулась в чужой монастырь со своим уставом, с мирскими нравственными установками, все же виновник конфликта именно она.

Возможно, эта неудавшаяся попытка начать новую жизнь помогла Вале лучше увидеть и оценить то, чем она пренебрегала. Сейчас, признается, и сама недоумевает: неужели жила хуже всех? Конечно, бывало разное: и болезни, и разочарования, и в кармане не особенно густо. Зато сама себе хозяйка...

Валя не злопамятна, отходчива душой, но не скрывает: из монастыря уезжала с тяжелой обидой, что, наверное, саднит еще и до сих пор. Простила с Пюхтицей она, как видно, навсегда.

Лучшие публикации 1988 года

Редколлегия журнала «Наука и религия» признала лучшими из опубликованных в прошлом году следующие статьи, очерки, корреспонденции, интервью и художественные произведения:

Н. Абаев, Н. Болсохоева

Тибетская медицина: вчера, сегодня, завтра (№ 9).

С. Алимарин, А. Барабашев

Путь воина (№ 10).

Р. Алимов

Во что молодежи верить? (№ 11).

Р. Балашкин

Древо колокольное (№ 10, 11).

Ю. Барабаш

Богослов? Мистик? Атеист? (№ 2, 3, 4).

О. Брушлинская

Остался нераскаанным (№ 6).

Б. Васильев

Прозрение (№ 4).

Т. Грекова

Тибетская медицина в России (№ 8).

Э. Ильенков

Космология духа (№ 8, 9).

В. Кононенко

Память блокады (№ 5).

Ю. Кузьмина

Сквозь пламя (№ 11).

Е. Лазарев

Извечные тайны бытия (№ 7).

В. Лебедев

Уважаемый Баба Яга (№ 6).

Л. Лебедев

Тайны древних икон (№ 9, 10, 12).

Д. Лихачев

«Живет только он, народ...» (№ 12).

Б. Можаяев

Не поле перейти... (№ 5).

Г. Назлоян

Возвращение личности (№ 8, 9)

Л. Немира

Отчего стала плакун-трава? (№ 2, 4, 5).

А. Никитин

За цикл статей (№ 6, 7, 9, 10, 12).

З. Пиш

Высшая форма терпимости — единство действий (№ 2).

Ш. Шукуров

Было, есть и будет — слово (№ 11).

А. Хараш

Загадочный синдром, или Чего боялся чернобыльцы (№ 9, 10).

ПРЕМИАМИ ОТМЕЧЕНЫ СТАТЬИ:

Г. Назлоян

— 200 руб.

А. Хараша

— 150 руб.

С. Алимарина, А. Барабашева

— 150 руб.

Р. Балашкина

— 100 руб.

Ю. Барабаша

— 100 руб.

Л. Лебедева

— 100 руб.

А. Никитина

— 100 руб.

Жребий пастыря

Михаил ОДИНЦОВ

**СЦЕНЫ И
ДОКУМЕНТЫ
ИЗ ЖИЗНИ
ПАТРИАРХА
ТИХОНА**

**Патриарх
Тихон и
митрополит
Петр
(Полянский),
ставший в
1925 году
место-
блюстителем
патриаршего
престола.**

1922 год, май

В среду, 10 мая, в одиннадцать дня автомобиль подкатил к Гребневской церкви, что на Лубянке. Из него вышли трое — Александр Введенский, Владимир Красницкий и Евгений Белков. Встреченные настоятелем храма Сергеем Калиновским, они направились в причтовый дом, где все уже было готово к приему петроградских гостей. Хозяин пропустил их и плотно закрыл двери, потом, подумав, достал с притолоки ключ и запер замок.

Александр Введенский, протоиерей одной из церквей Петрограда, слышавший красноречивым проповедником, кумиром молодежи и страстным поборником церковных реформ, приступил сейчас же к делу:

— Дружья, время не терпит. Недовольство и брожение среди духовенства и верующих достигло апогея. Церковь раскалывается. Сторонники изменений чувствуют потребность в создании какой-то организации, которая смогла бы убрать с дороги все то, что отжило, и как гниющий труп смердит и отравляет окружающую жизнь. Если мы не выступим первыми, то выступят другие. Надо действовать. Предлагаю высказаться и обговорить наши шаги. И уж как договоримся, так и примемся за дело. Повторяю, время не терпит.

— В Москве ощущаются настроения растерянности, подавленности и уныния, — вступил в разговор Калиновский. — Авторитет патриарха и его окружения значительно подорван, верующие открыто выражают свое недовольство «святейшей контрреволюцией», требуют от нас, священников, публично отмежеваться от нее.

Но в наших рядах господствует пока неопределенность, нет безоговорочного лидера. Поддержки нам в широких церковных кругах почти нет. Как я вам ранее писал, этому может помочь журнал «Живая церковь», его первый номер днями выходит из печати. Будем спланировать. Надо идти к белому духовенству, к рядовым клирикам. Без них у нас ничего не получится.

Следующим взял слово протоиерей Красницкий, известный тем, что еще в 1918 году публично заявил о своем сочувственном отношении к целям революции и отправился на фронт, в одну из частей Красной Армии.

— Считаю, надо идти к патриарху и раскрыть ему глаза на сложившуюся обстановку вокруг него лично и в церкви. Каждый день, не приносящий изменений, дискредитирует православие. И еще, надо списаться с провинцией, с теми, кто выступает против политиканства и контрреволюционности Тихона. Можно даже вызвать их сюда.

Он было уже сел, но, вспомнив что-то, вновь приподнялся и, обратившись к Калиновскому, сказал:

— Отец Сергей, сдается мне, у вашего журнала очень удачное название. Так дадим его и нашему движению? От мертвечины тихоновской к живой церкви.

— Я согласен с предложениями выступавших. Действительно, церковь на наших глазах разрушается, — подал голос молчавший до этого Белков. — Эти правые, сплотившиеся вокруг патриарха, убьют ее. Но и мы без поддержки будем выглядеть выскочками. Здесь, в Москве столько священников — и московских, и прибывших к Москве в годы революции,

что грех не пойти к ним, не разъяснить цели наши. А уж с этой силой и Тихон вынужден будет считаться.

Очередь была за протоиереем Введенским. Как-то само собой, без выяснения отношений, сложилось так, что его считали лидером и за ним признавалось право окончательного решения.

— Ну что же, подведем итог. Во-первых, московское духовенство... Завтра соберутся клирики и миряне Москвы по вопросу отношения к завершившемуся судебному процессу и изъятию ценностей из храмов. Мы должны там быть и призывать, убеждать, что пока патриарх под арестом, церкви нужно другое руководство, надо бросить идею о новом Поместном соборе. Думаю, смертные приговоры отрезвили горячие головы. Во-вторых, уже сегодня надо посетить, по возможности широко, приходы, встретиться с церковными людьми и убеждать их в необходимости перемен... Пойдем к епископу Антонину (Грановскому), старик всегда противился диктату и ратовал за свободу, а теперь, думается, он нас поддержит... И в другие монастыри, где немало теперь архиереев и архимандритов проживает, надо пойти. В-третьих, конечно, всколыхнуть провинцию хорошо бы. Но пока мы дадим знать, пока они ответят... пройдет время. Будем опираться на то, что под руками. И последнее, как бы ни сложились обстоятельства, все вместе пойдем к патриарху, будем говорить с ним.

Наскоро отобедав, участники совещания, положившего начало обновленческой драме русского православия, разошлись, чтобы приблизить исполнение своих замыслов.

12 мая, в пятницу, священники, как

Окончание. Начало в № 1, 4, 5.

и договаривались, во главе с Александром Введенским появились перед воротами Троицкого подворья.

— Поздно, отец Александр,— тихо сказал Калиновский.

— Ничего, звони. И звони громко.

Мимо оторопевшего дворника, мимо высунувшегося из привратничьей красноармейца с чайником в руках, бросив ему на ходу — «разрешено»,— Введенский провёл группу в дом.

Куда же дальше? Ранее здесь бывал только Красницкий. В январе восемнадцатого, в составе делегации от Петроградской епархии, просившей патриарха оказать ей честь своим посещением, а также направить в Петроград «старца» для укрепления верующих в духе. И выбор пал тогда на иеромонаха Зосимовой пустыни Алексиса. Это его руками на Поместном соборе свершился акт провидения — вытащена из шкастолки записка с именем Тихона, жребий патриарха...

Красницкого привело в чувство «дружеское» сильное подталкивание Введенского:

— Так куда же дальше, отец Владимир?

По скрипящей слабоосвещенной лестнице они поднялись на второй этаж, вошли в розовую гостиную. Навстречу — заспанный иподиакон.

— Мы к его святейшеству. Доложи.

— Но святейший патриарх отдыхает и не принимает в столь неурочное время.

— Скажи, что по важному общецерковному делу.

Спустя четверть часа в комнату вошел патриарх. Благословил поклонившихся ему в пояс, пригласил сесть.

Первым начал говорить Красницкий.

— Ваше святейшество, не осудите, но с вашим именем связывается вовлечение церкви в политическую борьбу, на вас лежит ответственность за те противоправные деяния, которые вынудили власти выступить против церкви..

— Что вы имеете в виду? — перебил патриарх. — Я не выступал и не призывал никого выступать против Советской власти и никогда и нигде не говорил о властях. И потом, если власти грубо вторгаются в храмы, разве не вправе верующие защищать себя и свои святыни?

— Ваше святейшество, вражда с властью, а она есть и с этим спорить нельзя, мешает церкви жить,— вмешался в разговор Введенский. — Верующие, и таких много, обвиняют нас в лицемерии. Ибо нельзя заявлять о невмешательстве церкви в дела политические и одновременно противиться власти.

— Лицемерие? — переспросил Тихон. — Лицемерны и вы, и они. «Религия — опиум для народа» — это ведь девиз коммунистов, и он еще не стерт со стены бывшей городской думы. Так как же можно общаться с теми, для кого мы только «продавцы опиума»?

— Простите, святой отец,— произнес Калиновский,— но вы, только вы, ответственные за смерти последних месяцев. Уйдите, отдайте добровольно власть другим.

— Я никогда не хотел быть патри-

архом,— повернулся к нему Тихон. — Патриаршество тяготит меня, как крест тяготит. И это вы хорошо знаете. Но этот крест наложен на меня Собором, и я несу его, как должно нести верному сыну Российской церкви.

— Простите, ваше святейшество,— вновь вступил в спор Красницкий,— мне тяжело об этом говорить. Да, конечно, может, вы лично и не хотели... Но с вашим именем и от вашего имени действуют безответственные лица из духовенства и мирян. Они лишь говорят о русском православии, но дела их греховны. Газеты сообщают о тысячах столкновений, о десятках убитых и сотнях раненых. Многие служители культа и верующие арестованы. Трибуналы приговаривают к расстрелу...

Воцарилось тягостное молчание. Патриарх неподвижно замер в кресле, голова опущена. Пришедшим даже показалось, что он забыл о них.

Александр Введенский переглянулся со своими спутниками, сказал отчетливо:

— Вы под арестом, церковная жизнь расстроена, в епархиях нестроения. Верующим и духовенству не к кому обратиться за разъяснениями и наставлениями. Многие чад мы уже потеряли — кто ушел к безбожникам, кто подался к сектантам, кто в церковь уже годами не ходит.

Патриарх словно вернулся из забытья:

— Так чего же вы хотите от меня? Разве вы знаете, что церкви делать?

— Ваше святейшество, нам кажется, что надо вам назначить себе преемника, который мог бы вас заменить. Дай Бог, это не продлится долго. И по освобождении вы вернетесь к руководству.

Введенский немного помедлил и добавил:

— Если власть не будет возражать, то вскоре было бы желательно созвать Поместный собор.

Патриарх встал:

— Если Собор состоится, то я с радостью предаю себя в волю Собора и без ропота приму его решения. А пока... пока подождите меня здесь.

Через несколько минут Тихон вернулся, держа в руках конверт:

— Здесь,— обратился он к священникам,— здесь моя воля. Я отхожу от непосредственного управления церковью и обращаюсь к старейшему из иерархов, митрополиту Агафангелу, с просьбой принять на себя бремя моего замещения.

...К полудню 14 мая посыльный принес в Троицкое подворье воззвание, подписанное и недавними ночными посетителями. В нем говорилось: «...Церковь, по самому существу своему, должна являться союзом любви и правды, а не политической организацией, не контрреволюционной партией. Мы считаем необходимым немедленный созыв Поместного собора для суда над виновниками церковной разрухи, для решения вопроса об управлении Церковью и об установлении нормальных отношений между нею и Советской властью. Руководимая высшими иерархами гражданская война Церкви против государства должна быть прекращена...»

«Так,— патриарх встал из-за стола, про-

шел к дверям, вернулся. — Так, меня вроде бы и нет. Круто заложили. Говорили одно, а здесь уже и судом церковным мне угрожают. Хотят, чтоб я забился в угол и молчал. Да, расходятся пути наши».

Митрополит Агафангел (Преображенский) не решался приехать в Москву и возглавить церковное управление. А здесь, в столице, из всех членов Священного синода и Высшего церковного совета, избранных на Поместном соборе 1917—1918 годов, оставались лишь трое. Они были неправомочны принимать какие-либо обязательные для всей церкви решения и контролировать выполнение распоряжения патриарха о формировании нового церковного управления.

Но если сторонники Тихона не заявляли о своем праве на власть, то обновленцы (так стали называть группу духовенства, выступавшую за обновление политического курса церкви) проявили настойчивость и решимость. Не дожидаясь Агафангела, они организовали Высшее церковное управление и вновь явились в Троицкое подворье. Впоследствии, год спустя, Тихон вспоминал об этой встрече:

«18 мая истекшего года к нам, находившимся тогда в заключении на Троицком подворье, явились священники: Введенский, Белков и Калиновский (впоследствии сложивший с себя сан) и под видом заботы о благе Церкви подали нам письменное заявление, в котором, жалуюсь на то, что вследствие сложившихся условий церковные дела остаются без движения, просили насверить им канцелярию нашу для приведения в порядок поступающих в нее бумаг. Сочтя это полезным, мы уступили их домогательствам и положили на их заявление следующую резолюцию: «Поручается поименованным ниже лицам, то есть подписавшим заявление священникам, принять и передать Высокопреосвященному Агафангелу, по приезде его в Москву, синодские дела при участии секретаря Нумерова». По силе этой резолюции им было поручено лишь принять дела и передать их митрополиту Агафангелу, как только он приедет в Москву. О том, как должны поступить они с принятыми делами, если бы митрополит Агафангел не явился в Москву, никаких распоряжений нами сделано не было, потому что самой возможности этого мы тогда не могли предвидеть, а на то, что они сами в таком случае должны были бы заменить митрополита и стать во главе церковного управления, в резолюции благословения быть не могло, так как полномочия, связанные с саном епископа, не могут быть передаваемы пресвитерам».

События, однако, разворачивались с головокружительной быстротой. Всего через день Высшее церковное управление ультимативно потребовало выезда патриарха Тихона из Троицкого подворья, ибо здесь должен был разместиться штаб новой — Живой церкви. Отсюда по епархиям рассылались указания о создании групп Живой церкви в каждом уезде, в каждом приходе, о срочном проведении епархиальных съездов для избрания делегатов на Поместный собор. Отсюда в телеграммах,

письмах и указах разносились по стране обращения с требованием увольнять и изгонять тихоновских иерархов и священников, запрещения возглашать на богослужениях имя патриарха Тихона.

В августе Всероссийский съезд белого духовенства и мирян постановил собрать в следующем году Поместный собор и рассмотреть вопрос о лишении Тихона священного сана за «контрреволюционную деятельность против Советской власти и организацию церковной смуты».

Фото А. Таллина.

1923 год, апрель

Вот уже год патриарх под домашним арестом в Донском монастыре. Редкие посетители нарушают его уединение. Эхо событий в келью Тихона доносят и газеты, которые ему разрешено получать. Он следит за перипетиями церковной жизни как сторонний наблюдатель. Порой ему кажется: еще немного — и он потеряет последних сторонников и в одиночестве завершит свой земной путь...

Резкий настойчивый гудок раздался под стенами монастыря. Ошеломленный привратник заторопился открыть. Во двор въехала новенькая, сверкающая черным лаком автомашина, вышли двое молодых людей. Ни слова не произнося, отнесся сбегавшихся монастырских насельников, они прошли в домик патриарха. Один остановился у дверей, другой, очевидно, старший, шагнул в комнату.

— Гражданин Белавин? — прямо от дверей начал он.

— Чем обязан? — отрываясь от книги, спросил Тихон.

— Вам необходимо поехать со мной.

— Но куда и зачем?

— Вот мое удостоверение, — посетитель шагнул было к патриарху.

— Не надо, — сказал Тихон. — Я понимаю.

— Жду вас в машине, внизу, — бросил на ходу своему спутнику: — Проследи, чтобы никто не входил, и проводи до машины.

Менее чем через полчаса патриарх входил в один из кабинетов, расположенных в знакомом ему мрачном здании в центре города. Из-за стола поднялся

круглолицый, средних лет мужчина; черная щеточка усов придавала ему вид хищной птицы. Из-под пенсне блестели холодные глаза. Серый костюм европейского покроя, отутюженная белая рубашка, галстук, запонки, отливавшие серебром, холеные руки.

— Простите, уважаемый патриарх, за столь спешный вызов, но дело не терпит. Присаживайтесь вот сюда, к столу. Здесь вам будет удобнее. — Говоривший присел рядом. Он продолжал: — Истек год с мо-

Дом вблизи Садового кольца, где ныне размещается республиканский музей декоративно-прикладного искусства. В прошлом — здание духовной семинарии, где жили участники Поместного собора 1917—1918 гг. Затем — административное здание, так называемый 3-й Дом Советов. В 1923 году было предоставлено для проведения обновленческого собора, провозгласившего извержение Тихона из сана.

мента начала следствия по вашему делу. И вот теперь оно завершено. Но прежде чем отправить обвинительное заключение в суд, я хотел бы с вами побеседовать. Вот здесь, — он взял протянутую ему безмолвным помощником папку, — здесь собраны обличающие вас и ваших ближайших сотрудников документы.

— И что же вменяется нам?

— Многие, но главное — контрреволюционная деятельность, направленная на свержение советского строя, сопротивление декретам, использование религиозных убеждений масс для создания оппозиционного и мятежного настроения. Не спешите... — приостановил он жестом патриарха, желавшего возразить. — Не спешите. Мы сейчас выйдем, и вы сможете внимательно прочитать все, что здесь собрано.

Оставшись один, Тихон раскрыл «Обвинительное заключение» и углубился в чтение... Вот и последняя страница, и подпись — прокурор судебной коллегии Верховного суда РСФСР А. Вышинский. Захлопнута папка. В дверях появились так и не представившиеся ему люди.

— Имеете ли что-либо возразить, опровергнуть?

— Нет. Пожалуй, лишь частности кое-какие. А так... нет.

— Ну что же, хорошо.

— Позвольте узнать дату начала суда. Незнакомец, казалось, ждал этого вопроса. Он оживился, быстро переглянул с сотрудниками. Прошел к окну, постоял, затем присел поближе к патриарху, подвинул папку.

— Видите ли, дата еще не определена. Есть, знаете ли, обстоятельства. Да и многое от вас зависит...

Тихон удивленно посмотрел:

— От меня?.. что вы имеете в виду?

— В виду, — повторил незнакомец. — Вы ведь глава церкви, хотя и трудное она переживает время. Но все же паства ваша не малая. И она ждет от вас осознания правды сегодняшнего дня. Да и за рубежом к вашим словам и поступкам не равнодушны. Пора, пора делать выбор.

Тихон молча слушал. Ему стало неприятно от того, что сказанные этим человеком слова оказались созвучны его раздумьям. Мелькнуло: «Ведь если скажу сейчас об этом, подумает, что испугался. Торжествовать будет. Нет промолчу». А вслух произнес:

— Я, мне кажется, догадываюсь, о чем вы. Но мне трудно сказать что-то определенное.

— У вас есть еще время, — неожиданно резко и холодно произнес собеседник. Взгляд стал колючим. Щеточка усов поползла вверх, придавая лицу брезгливое выражение.

Патриарх поднялся, направился к двери.

— Да, кстати, — остановил его голос. — Совсем забыл. Статьи уголовного кодекса, о которых говорится в обвинении, предусматривают суровое, очень суровое наказание. Простите, но я должен был об этом сказать.

Май

Уже несколько дней в Москве, в здании 3-го Дома Советов заседает Поместный собор Российской православной церкви, созданный обновленцами. В его работе участвуют 350 делегатов. В программе десять жизненно важных для церкви вопросов: 1. Отношение Церкви к Октябрьской революции, к Советской власти и патриарху Тихону. 2. Об административном устройстве Церкви. 3. О монашестве и монастырях...

3 мая доклад Александра Введенского по первому вопросу. После бурного обсуждения на голосование ставится резолюция, в которой, в частности, говорится: «Собор считает Тихона отступником от подлинных заветов Христа и предателем Церкви и на основании церковных канонов объявляет его лишенным сана и монашества и возвращенным его в первобытное мирянское положение. Отныне патриарх Тихон — мирянин Василий Белавин...»

Подсчитаны голоса. За резолюцию проголосовало 344 человека, в том числе 52 епископа. Лишь шестеро воздержалось.

К вечеру 4 мая делегация Поместного собора — епископ, протоиерей и мирянин — посетила Донской монастырь. И вот за столом, друг против друга, сидят Тихон и представители новой православной церкви. Между ними, на красной бархатной скатерти, решение о низложении патриарха. Делегация ждет ответного слова Тихона, но тот молчит. Затем медленно, не глядя на посланных Собором, придвигает к себе листок, макает перо в стоящую рядом чернильницу и своим мелким, но четким почерком пишет: «Отвергаю, как неканоническое деяние».

Проснувшись среди ночи, Тихон ощутил уже ставшую привычной боль в груди. Хотелось чистого воздуха. Накинув халат, тихо подошел к белевшему в ночи проему окна.

Что-то тревожило. Ах, да, сон, опять был тот самый сон, воспоминание из давних лет.

Далекая, далекая Америка. Бескрайние и такие безразличные ко всему воды залива... Лодка, в ней он и пять спутников. Не дожидаясь корабля, который должен был взять их на буксир, они пустились в плавание, понадеявшись на попутный ветер. Внезапно ветер стих, они оказались в полной власти течения, уносившего их все дальше и дальше от берега. А там, у берега, вдруг появился и тут же стал удаляться корабль. И вместе с ним уходила надежда на будущее, на жизнь... Крики, стрельба, размахивание шестом — все тщетно. И у каждого в глазах один и тот же вопрос: неужели конец? Но провидение божие спасло — с корабля их заметили...

«А сегодня, сейчас? Эта обитель — не та же лодка, где нас так мало, что надеяться не на что? А там? — он посмотрел в окно. — Там, за древними стенами, уходящая от нас жизнь, не нуждающаяся в нас, отвергающая нас. Неужели после двухсотлетнего пленения Церкви Российской призван я, став первым, стать и последним? В чем спасение мое? Да нет, не мое, что жизнь моя? В чем спасение Церкви? Уйду я, принявши все, что выпало на мою долю, а они — иерархи, пастыри и миллионы малых сих, верующие — что с ними будет?»

— Надо, — сказал он вслух, — надо решиться...

Присев к столу, нащупал карандаш, бумагу. На страницу легли торопливые строки:

«...Будучи воспитан в монархическом обществе и находясь до самого ареста под влиянием антисоветских лиц, я, действительно, был настроен к Советской власти враждебно, причем враждебность из пассивного состояния временами переходила к активным действиям, как то: обращение по поводу Брестского мира в 1918 году, анафематствование в том же году власти и, наконец, воззвание против декрета об изъятии церковных ценностей в 1922 году. Все мои антисоветские действия за немногими неточностями изложены в обвинительном заключении Верховного Суда. Признавая правильность решения суда о привлечении меня к ответственности по указанным в обвинительном заключении статьям Уголовного Кодекса за антисоветскую деятельность, я раскаиваюсь в этих проступках против государственного строя и прошу Верховный Суд изменить мне меру пресечения, то есть освободить меня из-под стражи.

При этом я заявляю Верховному Суду, что я отныне Советской власти не враг. Я окончательно и решительно отмежевываюсь как от зарубежной, так и от внутренней монархически-белогвардейской контрреволюции».

На следующий день Тихон с нарочным

отправляет письмо в Верховный Суд. Вскоре приходит известие, что он освобождается из-под домашнего ареста.

...Тихон совершает богослужения вне стен монастыря, стремится сплотить сторонников, привлечь на свою сторону рядовых верующих. А в Донской, где Тихон продолжает жить, съезжаются те немногие иерархи, что остались верны ему. Архиепископы Тверской Серафим (Александров) и Уральский Тихон (Оболенский), епископ Иларион (Троицкий)... Они обращаются с воззванием к верующим:

Дом в Донском монастыре — последнее пристанище патриарха.

«Ныне Церковь решительно отмежевалась от всякой контрреволюции. Произошла социальная революция. Возврат к прежнему строю невозможен. Церковь не служанка тех ничтожных русских людей, где бы они не жили — дома или за границей, которые вспомнили о ней только тогда, когда были обижены русской революцией, и которые хотели бы ею (Церковью) воспользоваться для своих личных политических целей. Церковь признает и поддерживает Советскую власть, ибо нет власти не от бога. Церковь возносит молитвы о стране Российской и о Советской власти».

1924 год, февраль

После прогулки в комнатах кажется особенно уютно и тепло. В любимом кресле, перевезенном сюда из Троицкого подворья, Тихон молча слушает своего верного спутника, келейника Михаила. По недавно введенной традиции, Михаил зачитывает наиболее важные сообщения из газет.

— ...Постой, постой. Что ты сказал? Сектанты-коммунисты стоят у гроба Ленина? Как странно, прочитай-ка еще раз.

Келейник снова взял «Известия», в душе упрекая себя за забывчивость. Ему ли не знать, как остро патриарх реагирует, когда при нем заговаривают об этих «ловцах душ человеческих». А сейчас газеты пестрят сообщениями о съездах и собраниях сектантов, о создаваемых ими учебных заведениях сектантов, о выпускаемых ими журналах, об успехе их миссии.

— ...«Дорогой брат! — читает Михаил. — Несмотря на то, что ты считал и называл себя неверующим, мы полагаем, что на самом деле ты был более верующим, чем многие из так называемых

«верующих», потому что дело освобождения трудящихся от угнетателей посредством коммунизма, которому ты глубоко верил, есть то самое дело, которому служил и Христос и которому должен служить и всякий верующий в него. И потому мы считаем и называем тебя своим братом и глубоко скорбим, что ты телесно навеки ушел от нас. Но духовно, идейно, своими коммунистическими идеями ты вечно будешь с нами, а мы, со своей стороны, обещаемся тебе у твоего гроба воплощать эти идеи в своей жизни, соци-

гласно завету Христа и примеру его первых последователей, живших полной коммуной. Многие из нас давно уже это делают, ведя борьбу за коммунизм, с царями, попами и буржуями. А теперь мы обещаемся еще усерднее делать это, чтобы весь мир был коммуной...»

— И кто же это подписал? — после паузы спросил Тихон.

— Ваше святейшество, да тут все какие-то свободные евангельские христиане, трезвенники да толстовцы оканные.

— Как похожи эти и те — «живоцерковники», «введенцы».

— Так из одного гнезда ехидны.

— Ну ладно, хватит. Поди, принеси шкатулку. Ту... ты знаешь. А сам иди. Иди готовь обед.

Оставшись один, патриарх стал перебирать документы. Наконец был найден нужный. Через очки, как через лупу, Тихон рассматривал текст своего, теперь уже пожелтевшего послания. Ему хотелось найти слова, которые шесть лет назад казались такими верными — горькими, но целительными. Утвердиться в мысли, что прав был, обращаясь к большевикам в канун празднования годовщины их власти. Ведь желал мира, успокоения для всех, когда вокруг кровь и слезы, боль и ужас, нищета и разруха. Ему так явственно вспомнился день 13 октября 1918 года, когда в покоях Троицкого подворья обсуждался текст послания. Он закрыл глаза и увидел их: митрополиты Сергей и Кирилл, архиепископ Никандр, епископы Александр, Ювеналий, а за ними архимандриты, священники и миряне. Окружили, наперебой упрощают, предупреждают и отговаривают подписывать послание... Как легко тогда было, перекрестясь, надписать на конверте: «Москва. Совнарком. Ленину». Он

помнил текст наизусть. «Все, взявшие меч, мечом погибнут», — обращал он пророчество Спасителя к народным комиссарам, по призыву которых «течет реками пролитая кровь братьев наших, безжалостно убитых...» Обличал их в том, что не исполнили обещания, даваемые народу. Вместо мира «без аннексий и контрибуций» — мир «позорный, унижительный», а родина «умалена, расчленена». Вместо братства людей в отечестве нашем — «контрибуции, реквизиции, национализация, открытый и беззастенчивый грабеж... Разграблены или отняты земли, усадьбы, заводы, фабрики, дома, скот. Грабят деньги, вещи, мебель, одежду...» Вместо свободы — жестокое подавление, произвол, потворство низменным страстям толпы, безнаказанность убийств и грабежа, подавление свободы слова, собраний, печати, церковной проповеди... «Не проходит дня, чтобы в органах вашей печати не помещались самые чудовищные клеветы на Церковь Христову и ее служителей, злобные богохульства и кощунства. Вы глумитесь над служителями алтаря, заставляя епископов рыть окопы и посылая священников на грязные работы. Вы наложили свою руку на церковное достояние... закрыли ряд монастырей... закрыли доступ в Кремль, разрушаете приход, уничтожаете братства... запрещаете учить в школах детей вере...»

И вот, нет теперь того, кому писал, кого считал главным виновником. Но хочется сказать: упокой душу его, Господи. И жаль, подумалось Тихону, что не суждено им было в жизни встретиться, ведь русские, крещенные люди, поняли бы друг друга. Поняли? Но разве Тихон мог бы отречься от того, что любил, ценил? А ему — разве Советы да Интернационал не дорожке были православия?..

Вот уже полчаса келейник тихо стоял в дверях, не решаясь прервать раздумья патриарха. В последнее время все, кто общался с Тихоном, замечали его беспокойное состояние. Часто в беседе он отрешался, уходил в себя. И как только его оставляли одного, усаживался за стол и писал, писал... Никто не знал, о чем эти записи.

— А, это ты, Михаил, что у тебя? Обед? Ну нет. не сейчас. И не уговаривай, потом, потом... Разволновался я что-то, не могу писать. Возьми перо, я тебе продиктую...

«...Возносы молитвы наши о ниспослании благословения Божия на труд народов, объединивших силы свои во имя общего блага, мы призываем всех возлюбленных чад Богохранимой Церкви Российской в сие ответственное время строительства общего благосостояния народа слиться с нами в горячей молитве ко всевышнему о ниспослании помощи Рабоче-Крестьянской власти в ее трудах для общенародного блага.

Призываем и церковно-приходские общины и особенно их исполнительные органы не допускать никаких поползновений неблагонамеренных людей в сторону антиправительственной деятельности, не питать надежд на возвращение монархического строя и убедиться в том, что Советская власть действительно Народная

Рабочая и Крестьянская власть и потому прочная и непоколебимая. Мы призываем выбирать в церковно-приходские советы людей достойных, честных и преданных православной Церкви, не политиканствующих и искренне расположенных к Советской власти. Деятельность православных общин должна быть направлена не в сторону политиканства, совершенно чуждого Церкви Божией, а на укрепление веры православной, ибо враги святого православия — сектанты, католики, протестанты, обновленцы, безбожники и им подобные — стремятся использовать всякий момент в жизни Православной Церкви во вред ее. Враги Церкви прибегают ко всякого рода обманам действиями, поножениям и даже подкупам в стремлении достигнуть своих целей...»

Март

В домике, где жил патриарх, царило оживление. Бывшие с утра врачи наконец-то разрешили больному вставать и даже делать небольшие прогулки. В четыре часа пополудни Тихон со своим келейником сошел с крыльца. Неспешно шли они по песчаной дорожке к малому собору монастыря. Был будний день, и никто не попадался навстречу. Храм открыт, но молящихся нет. Прошли в полумрак зала — туда, где у одной из стен лежала скромная плита, а над ней мерцала лампадка, горели свечи, поставленные вокруг нее. Скромная надпись извещала: Амвросий, митрополит Московский. В безмолвии помолились за невинно убиенного раба божия...

— Михаил, когда умру, завещаю похоронить там, где Амвросий, — дотронувшись до руки келейника, он остановил его, хотевшего что-то возразить. — А теперь расскажи о делах наших. Наверное, за болезнь мою скопилось?

— Пока вы болели, зачастили в крепостцу нашу люди из церковных советов.

— И о чем хлопочут?

— Да все приглашают вас на служение. Говорят, страсть как надоели обновленцы: такие напыщенные — что ни слово, то за власть, да за власть агитируют. Политику все нам толкуют. А что ее нам толковать, мы и сами понимаем, где мать, а где — мачеха... Ни тебе степенности, ни чинности, ни чувства молитвенного, ни святости. Все норовят побыстрее да подороже. А хочется, говорят, чистоты да благодати, слова задушевного...

— И что же ты?

— Да что, записываю в тетрадь и в Советы отсылаю, как велено, за разрешением... Спрашивают еще, дозволено ли имя ваше за службой поминать... И все деньги норовят передать. Говорят, слухи ходят, будто бедствуете, голодаете вы.

— Ну, ну! Денег не бери. Ответствуй: пусть на церковь святую жертвуют, приходы блюдут. А послужить-то хочется. Вот окрепну, и пожалуй, в Елохово поеду... Скажи, а из храма Христа Спасителя приходили?

— Нет, — со вздохом отвечал Михаил. — Ведь там же живоцерковники. Но видно плохи дела их: музей в храме!

— Как так?

— Приходил отец Иаков, рассказывал, что ходят туда безбожники и ротозеи всякие — в часы после служб. Билетики покупают. Дак все равно не хватает денег-то поддержать храм. Ведь громадина какая. А верующих все меньше. В иные дни чуть больше десятка собирается... А внутри-то... — келейник замаялся.

— Говори, не гоми, чего уж тут, — понукал его Тихон.

— Не обессудьте за слова, но ведь вот так-то он мне и сказал: «Мерзость запустения в нем, мерзость! И тлен, и прах от огня угасшего. Спаситель и Матерь Божия смотрят со святых икон и плачут, текут слезы ручьями... А на лицах-то, лицах их, точно оспины, точки черные...»

— Ну да ладно, — остановил Тихон. — Ты помнишь... помнишь эти строки:

**Мир устанет от мук,
Захлебнется в крови,
Утомится безумной борьбой,
И поднимет к любви,
Беззаветной любви
Очи, полные скорбной мольбой!**

Келейник в растерянности остановился. Стихи... Как давно он не слышал их от него. А ведь, бывало, раньше читал. И много, и охотно. Да и сам сочинял в далекой юности...

Патриарх умолк, остановился.

— Михаил, возьми. — Достал из внутреннего кармана вчетверо сложенный листок. — Вот, пока доктора мучили, написал. Ты прочти, я слушаю.

Они сели на ближайшую скамейку.

«...Ныне мы, с милостью Божией, оправившись от болезни, вступая на служение Церкви Божией, призываем вас, возлюбленные братья-архипастыри и пастыри, осудив еще раз всякое сопротивление власти, злонамеренные против нее умышления, мятежи и всякую против нее вражду, разделить наш труд по умиротворению паствы нашей и благоустройению Церкви Божией. В сознании лежащей на нас обязанности блюсти чистоту жизни Церкви, прежде всего ищущей спасения людей и осуществления в жизни вечных божественных начал, мы не можем не осуждать тех, кто в забвении Божьего, злоупотребляя своим церковным положением, отдается без меры человеческому, часто грубому политиканству, иногда носящему и преступный характер, и потому по долгу первосвятительского служения нашего благословляем открыть действия особой при нас комиссии, возложив на нее исследование, и если понадобится, и устранение в каноническом порядке от управления тех архипастырей и пастырей, кои упорствуют в своих заблуждениях и отказываются принести в них раскаяние перед Советской властью, предавая таковых суду православного собора...»

...У дома их поджидали священники — знакомые, из Ризположенской церкви, и неизвестные, видимо, приехавшие из провинции. Возбужденные чем-то, завидев патриарха, они бросились к нему.

— Ваше святейшество, радость-то, радость-то какая, смотрите! — В руках у них были газеты. — Батюшки, — обратился к ним келейник, — давайте газету, а сами

посидите внизу Его святейшество после болезни, а вы так сразу. Я вас позову попозже...

— Читай, читай, Михаил,— поторопил Тихон, едва вошли в патриаршую келью.

— Сейчас, найду только. А вот. — Келейник молча погрузился в текст, затем отстранил газету, поднял просветлевшее лицо. — Счастье-то какое, счастье-то!.. Ваше святейшество, свобода вам полная. Здесь написано. — И стал читать:

«В заседании Президиума ЦИК СССР от 21.03.24. г. под председательством т. Нариманова, вынесено следующее постановление:

Принимая во внимание, что гр. Бела-вин В. И., бывший патриарх Тихон, публично раскаялся в своих контрреволюционных выступлениях против власти рабочих и крестьян, что среди мирских масс рабочих и крестьян проявляется усиленная тяга от религиозных суеверий в сторону науки и просвещения, что тем самым влияние так называемой православной церкви на широкие массы рабочих и крестьян решительно ослаблено и что, вследствие этого гр. Бела-вин, бывший патриарх Тихон, и привлеченные с ним граждане не могут быть социально опасными для Советской власти, Президиум ЦИК Союза ССР постановил: дело по обвинению граждан Бела-вина В. И. (б. патриарха Тихона), Феноменова Н. Г., Стадницкого А. Г. и Гурьева В. П. в преступлениях, предусмотренных статьями 62 и 119 Уголовного Кодекса РСФСР — производством прекратить».

— Слава богу, слава богу,— проговорил Тихон. — Торжествует добродетель и справедливость. Теперь собирать силы наши надо... Пригласи батюшек, поговорим.

1925 год, январь

Окна небольшого дома на окраине Москвы, в Сокольниках, светились допоздна. Патриарх Тихон отправил всех помощников по домам, а сам вместе с келейником решил переночевать здесь. Арендванный недавно дом должен был стать центром возрождающейся церкви.

Сидя у огня, Тихон вдруг понял, чем приглянулся ему этот дом — он напоминал родительский. Там, в Псковской земле лежат отец, мать. И брат, разделявший с ним тяготы служения в Америке... А ему лежать в Донском.

Тихон достал из саквояжа заветную шкатулку. Она сопровождала его все последние годы. Разложил перед собой пронумерованные листки.

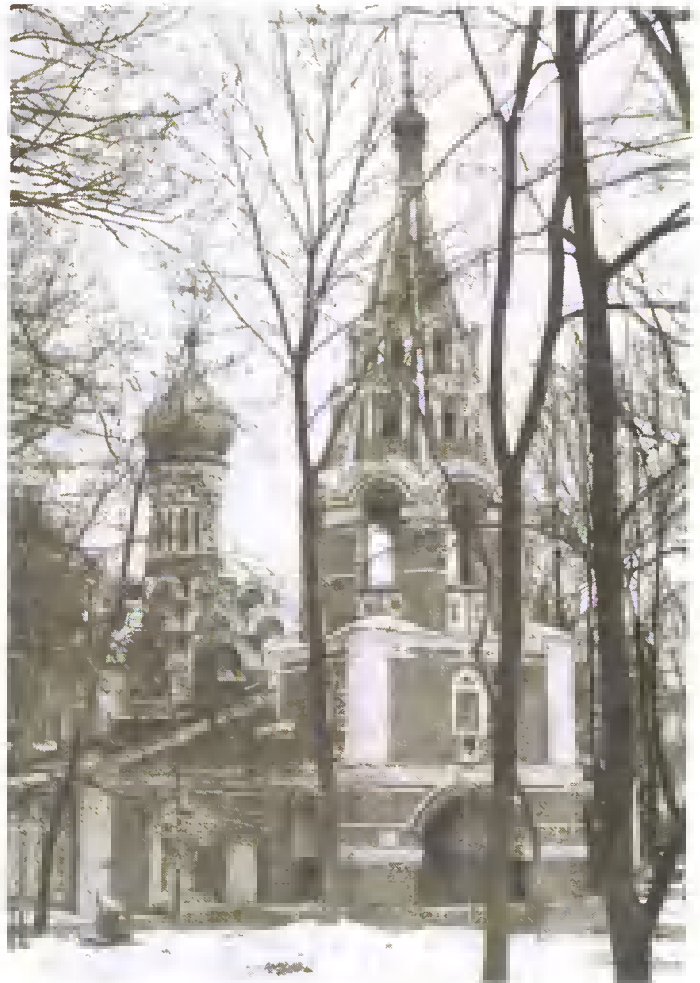
«Надо оставить после себя не руины, не растерзанный хитон Господний, а Церковь... Церковь, полную сил, опирающуюся на поддержку верующих... Слава богу,— думалось ему,— есть теперь у нас и Синод, и Высший церковный совет, иерархия пополняется и новонареченными и возвращающимися обновленческими епископами. А сколько храмов с верующими к нам обратилось...»

Припомнилось, как весной прошлого года побывал он у Калинина и Рыкова. Изложил просьбы за всю церковь: о регистрации Синода, проведении собора, об

уменьшении налогов с храмов и служителей церкви. Обещали разобраться по-мочь, и действительно с того времени многое изменилось. Тогда у Рыкова он оставил список иерархов, которых хотел бы вернуть к управлению церковью. И вот кое-кто из них уже возвратился из ссылки. Этот дом в Сокольниках должен стать для них пристанищем.

С мест все чаще поступали письма с таким вопросом: находится ли патриарх в каноническом общении с иерархами зарубежной церкви?

**Малый собор
Донского
монастыря.
Здесь,
согласно
его воле,
похоронен
патриарх
Тихон.
Действующий
храм.**

— Сейчас попробуем все разъяснить,— проговорил Тихон. И на бумагу ложатся строки:

«...С глубокой прискорбью мы должны отметить, что некоторые из сынов России, и даже архипастыри и пастыри, по разным причинам покинули Родину, занялись за границей деятельностью, к коей они не призваны, и во всяком случае вредной для нашей Церкви. Пользуясь нашим именем, нашим авторитетом церковным, они создают там вредную и контрреволюционную деятельность. Мы решительно заявляем: у нас нет с ними связи, как это утверждают враги наши, они чужды нам, мы осуждаем их вредную деятельность. Они вольны в своих убеждениях, но они в самочинном порядке и вопреки канонам нашей Церкви действуют от нашего имени и от имени Святой Церкви, прикрываясь заботами о ее благе. Не благо принес

Церкви и народу так называемый Карловицкий собор, осуждение коего мы снова подтверждаем, и считаем нужным твердо и определенно заявить, что всякие в этом роде попытки впредь вызовут с нашей стороны крайние меры вплоть до запрещения священнослужения и предания суду собора. Во избежание тяжких кар мы призываем находящихся за границей архипастырей и пастырей прекратить свою политическую с врагами нашего народа деятельность и иметь мужество вернуться

на родину и сказать правду о себе и Церкви Божией.

Их деяния должны быть обследованы. Они должны дать ответ церковному православному сознанию. Особой комиссии мы поручаем обследовать деяния бежавших за границу архипастырей и пастырей и в особенности митрополитов: Антония — бывшего Киевского, Платона — бывшего Одесского, а также и др., и дать деятельности их немедленную оценку. Их отказ подчиниться нашему призыву вынудит нас осудить их заочно».

— Ну вот и все... — Тихон сложил ранее написанные листы и сегодняшние. Позвал келейника: — Перепечатай, Михаил, до завтра.

К утру все было исполнено. Еще раз прочитав свое послание, Тихон подписал его, поставил дату — 7 января 1925 года — и запечатал в конверт.

«УЧЕНИЕ ЖИЗНИ»

Культуру Древнего Египта можно сравнить с гимном солнцу. Изображения солнечного диска встречаются в египетском искусстве на всем протяжении его истории. И, наверное, самый яркий и чистый аккорд этого гимна — солнечный культ Эхнатона* «Учением жизни» назвал его в надписи в гробнице один из современников этого фараона. В XIV веке до н. э. Эхнатон сделал попытку заменить многобожие религией единого Атона — солнечного бога. Это была первая известная нам попытка введения монотеизма. Эпохе фараона-реформатора посвящены сотни книг. Но все ли ясно в учении фараона-солнцопоклонника?

Кульст Атона иногда трактуют как плод свободного творчества Эхнатона, полный разрыв с традицией. Действительно, этот фараон-отступник вызвал оппозицию жрецов прежних богов. Жрецы постарались предать забвению его имя. Но в сохранившихся надписях эпохи Эхнатона рядом с именем Атона встречаются и имена некоторых старых богов, другие традиционные образы. Они позволяют глубже понять учение жизни»

«Да слышу (я) голос твой сладостный во Дворе солнечного камня (когда) творишь ты службу отца твоего солнца живого». Это обращение к Эхнатону — верховному жрецу нового культа. «Двор солнечного камня» — главная святыня храма Атона «Солнечным камнем» назывался обелиск символ первичного холма, на котором родилось солнце, чтобы «ворить мир. Об этом повествует предание египетского города, который греки звали Гелиополем. «Солнечный камень» при Эхнатоне обозначали тем же словом, что в гелиополе: «бенбен» («восходящий из хаоса»). А вот воспринимали его сторонники новой религии, по-видимому, чисто умозрительно. Служба Атону свершалась под открытым небом, в залитом солнцем храмовом дворе, и там не было обелисков, только жертвенники и алтари.

Так может быть, мифы Ге

...десятилетия египтянами — проделана большая работа по уточнению произношения древнеегипетских имен (на пример, Эх-не-йот, Йот, Нефр-эт вместо Эхнатон, Атон, Нефертити, и т. д.), однако в популярной статье автор сохраняет их условные формы, которые стали традиционными.

Через несколько часов подошла машина с митрополитом Серафимом. Немногие вещи были уложены и — назад, в Донской.

— Мне хорошо здесь было, — проговорил патриарх, — надо побыстрее все обустроить и переезжать...

Слова эти предназначались для спутников. Сам-то он знал, что уже не приедет. Машина тихо тронулась с места, медленно поплыла назад дом, сад, забор. И растаяла в белизне снега и света...

Апрель

И вновь приступ болезни уложил патриарха в постель. Поначалу близкие надеялись, что болезнь не продлится долго. Но патриарху становилось все хуже. Решено было обратиться за помощью к властям. Вскоре Тихона поместили в одну из государственных клиник, расположенных в тихом московском переулке. Здесь, в одноместной палате сходились теперь члены Синода. Вот и седьмого апреля вечером пришло несколько иерархов. Обсуждались текущие дела, поступающие с мест запросы, меры противодействия обновлениям. Когда все уже собрались уходить, Тихон задержал митрополита Петра и передал ему два запечатанных пакета. На одном из них было написано — «О местоблюстителе...» В ночь патриарх Тихон скончался.

В течение нескольких дней в Донской монастырь для прощания с Тихоном шли и шли верующие. Калики переходные, странники, слепые монахи, нищие, юродивые. Вышли откуда-то замшелые схимники.

У стены слепой с мальчиком-поводырем пели старинный стих каким-то странным позабытым напевом. В конце каждого стиха мальчик подвывал диким, резким альтом. Различить можно было лишь некоторые слова: «...Сердца на копья поднимем...»

Поздно вечером участвовавшие в похоронах иерархи — а их было более полуста — собрались в домике, где последние годы жил Тихон. Вскрыли конверт «О местоблюстителе». Внутри плотный лист серой бумаги с патриаршей печатью. Митрополит Серафим усталым голосом, но вместе с тем с подобающей случаю торжественностью зачитал: «В случае нашей кончины наши патриаршие права и обязанности до законного выбора нового патриарха, представляем временно высокопреосвященному митрополиту Кириллу. В случае же невозможности по каким-либо обстоятельствам митрополиту Кириллу вступить в управление означенных прав и обязанностей, таковые переходят к высокопреосвященному митрополиту Агафангелу. Если же и сему митрополиту не представится возможности осуществить это, то наши патриаршие права и обязанности переходят к высокопреосвященному Петру, митрополиту Крутицкому...»

Митрополиты Кирилл и Агафангел были в ссылке. Все ждали, что скажет присутствующий митрополит Петр. Тот отказывался. Но — в силу очевидной необходимости — вынужден был принять на себя бремя местоблюительства. Тотчас составлено было его письмо Председателю ЦИК Калинин:

«Вступая в управление Православной Русской Церковью долгом почитаю, как гражданин СССР, препроводить Вам прилагаемую при сем копию акта от 7 января 1925 года, собственноручно написанного почившим первоиерархом Русской Православной Церкви патриархом Тихоном, коим на случай его кончины патриаршие права и обязанности переданы мне как местоблюстителю патриаршего места».

Усталые, изнервничавшиеся иерархи составили и подписали акт о местоблюстителе и разошлись. И митрополит Петр совсем забыл о втором пакете, вспомнил о нем лишь через неделю. Пригласив митрополитов Тихона Уральского и Серафима Тверского, он вскрыл конверт. То было послание Тихона к верующим — то самое, заветное, писавшееся долго, из месяца в месяц.

«...В годы великой гражданской разрухи по воле Божией, без которой в мире ничто не совершается, во главе русского государства стала Советская власть, принявшая на себя тяжелую обязанность — устранение жутких последствий кровопролитной войны и страшного голода...

Пора понять верующим христианскую точку зрения, что «судьбы народов от Господа устрояются» и принять все происшедшее, как выражение воли Божией. Не погрешая против нашей Веры и Церкви, не переделывая чего-либо в них, словом, не допуская никаких компромиссов или уступок в области веры, в гражданском отношении мы должны быть искренними по отношению к Советской власти и работе СССР на общее благо, сообразуя распорядок внешней церковной жизни и деятельности с новым государственным строем, осуждая всякое сообщество с врагами Советской власти и явную или тайную агитацию против нее...

...Наши враги, стремясь разлучить нас с возлюбленными чадами, вверенными Богом нам пастырями, распространяют ложные слухи о том, что мы на патриаршем посту не свободны в распоряжении словом нашим и даже совестью, что мы засилены мнимыми врагами народа и лишены возможности общения с паствою, нами ведомою. Мы объявляем за ложь и соблазн все измышления о несвободе нашей, поелику нет на земле власти, которая могла бы связать нашу святительскую совесть и наше патриаршее слово.

...Мы выражаем твердую уверенность, что установка чистых, искренних отношений побудит нашу власть относиться к нам с полным доверием, даст нам возможность преподавать детям наших пасомых закон Божий, иметь богословские школы для подготовки пастырей, издавать в защиту православной веры книги и журналы...

Было решено отвезти послание в редакцию «Известий». На следующий день, 15 апреля 1925 года, оно было опубликовано. Отныне оно перестало быть только фактом биографии Василия Белавина — патриарха Тихона, но становилось исторической вехой в жизни Русской православной церкви в условиях Советского государства, своеобразной точкой отсчета нового ее бытия.

Конец первой части.

ЕГИПЕТ И РУСЬ: СОЛНЕЧНАЯ СВЯЗЬ

Восприятие Египта в России было окрашено влиянием Ветхого завета. Существовал стереотип «тмы египетской». Причины понятны. Они — в трагических событиях древней истории иудейского народа, отзвук которых проникает в христианский мир. Только успехи египтологии XIX—XX столетий создали новый, позитивный

образ «страны пирамид». Оказалось, что иконография христианства многое взяла из искусства Египта. Может быть, образы египетской культуры достигали Восточной Европы еще до ее христианизации! Попробуем всмотреться в такой, казалось бы, детально изученный аспект египетской религии, как почитание солнца.

Рисунок Б. Ионайтиса.

Гелиополь — источник «учения жизни» Эхнатона? С Гелиополем его связывали родственники по матери; один из высших жреческих титулов культа Атона «великий видением» гелиопольского происхождения. Солнце там издавна называли «Ра», и это имя не отверг Эхнатон. А в начале его правления был еще один гелиопольский образ, очень важный для понимания реформы Эхнатона.

«Да живет Ра-Гарахути, бликующий на небосклоне своем, как Шу, который есть Атон». В этих словах из солнечного гимна солнце названо именем Шу, воздушного бога. В гелиопольском мифе Шу был сыном Атума (не Атона!), предвечного бога, который есть «Всё» и «Ничто». Атум и Ра отождествлялись, то есть Атум тоже имел солнечную природу (как и Шу, чье имя

означает «солнце»). «Атон» — буквально «отец» (или солнечный диск), а «Шу, который есть Атон» — это сыновнее «солнце»; оно являет природу отца, возрождаясь на небе каждое утро. Ту же идею выражает имя Ра-Гарахути, единство солнечного бога сына Гора и Ра-отца. Сын «равноипостасен» отцу, то есть единство бога не нарушается, но в монотеистический принцип вносится оттенок творческого динамизма (возрождение солнца подобно творению).

Впоследствии Эхнатон отказался от формулы солнечного богосыновства, заменил «Шу» определением «Ра-отец», восстановив формальную логичность в ущерб глубинному смыслу. Что это — результат изменения его взглядов? Возможно и другое объяснение.

В первые годы правления Эхнатона, до строительства Ахетатона новой столицы в надписях главного храма Атона в Фивах очень часто (чаще, чем Эхнатон) упоминается «жена царицы великая», «божественная» Нефертити. Именно в эти годы ее изображают совершающей службу Атону без царственного супруга. Это даст основание некоторым ученым считать, что она вдохновила Эхнатона на реформу. Возможно, Нефертити имела отношение к первоначальному учению об Атоне, которое представляется итогом развития тысячелетних традиций духовной культуры Египта.

Однако в формуле единства Атона и Шу остается неясность. Названы только отец и сын. Логика мифа требует триединства. Божественная двойца отца и сына должна

быть дополнена образом богини-матери.

ТАЙНА ТРЕТЬЕЙ ИПОСТАСИ

Надпись в храме матери богов в городе Саисе гласила: «Плод, рожденный мною, — солнце». Но лик статуи богини был закрыт. Молчат о солнечном материнстве и тексты эпохи Эхнатона. Возможно, мифы Египта послужат к ним ключом?

Как повествуют предания о ночном путешествии солнечной барки сквозь царство мрака, таинство возрождения солнца свершается в середине ночи. В непостижимых глубинах таится «божественное вместилище», источник возобновления творческой энергии ночного солнца. Там оно соединяется со своей телесной оболочкой, что служит зало-

гом рождения солнца на утреннем небосклоне. Это неведомое «вместилище» называлось «святыней Бенбен».

Космогонический камень Бенбен связан с образом птицы Бену — Феникс. Бену у древних египтян — творческая душа Ра, его «ба», поэтому в «святыне Бенбен» возрождается энергия солнца. Святыню хранит Изиды — «великая чарами», вершительница чуда преобразования солнца.

Так входит в солнечный миф женский образ. В Гелиополе почитались несколько богинь и их божественных супругов. Они были связаны родственными узами. Изиды и Озирис — дети Нут (богини неба) и Геба (бога земли). Нут и Геб происходят от Тефнут и Шу — первой пары богов. Далее миф утрачивает определенность. Тайна рождения Тефнут и Шу от первичного Атума зашифрована. В низовой мифологии Атум создал их в акте самооплодотворения; его называют «великий Он-Она». Другие боги-отцы имеют супруг, у Атума же ее заменяет собственная рука. Однако жрецы, посвященные в таинства космогонии, говорили не о руке, а о богине «Божьей Рукой» называли и Изиду.

Боги Египта объединялись в триады: Изиды, Озирис, Гор; Нут, Геб, Озирис; Тефнут, Шу, Геб. Все они обладают сходными функциями: отец каждой пары является сыном в другой, более ранней триаде; каждая богиня может считаться великой Матерью. А в первой, высочайшей триаде младенца Шу окружает в момент рождения дыхание жизни из уст Феникса.

Солнечной матерью, чье имя было сокрыто от непосвященных, оказывается Феникс — великая богиня. Возможно, ее несказуемость и стала причиной забвения ее женственной сути, превращения самого имени «Феникс» в слово мужского рода. А между тем сопоставление Феникс с Изидой находит прямое подтверждение. В поздних египетских легендах о птице Феникс периодичность ее прилета иногда определяется в 1461 год. Это соответствует «Году Бытия» — величайшему циклу египетского календаря. Год у египтян состоял из 365 дней. Поправка в 1/4 дня постоянно сдвигала начало Нового года, и только раз в 1461 год новогодний праздник совпадал с утренним восходом Сириуса-Сотис, звезды Изиды. Слеза Изиды падала к истокам Нила и вызывала его разлив: «Сотис Великая блистает на небе, и Нил выходит из берегов».

Солнечная триада в извест-

ном смысле является основой всей египетской мифологии, и другие триады богов повторяют первичную схему. Но имеет ли это отношение к системе Эхнатона, хотя бы в ее изначальной, теснее связанной с традицией форме?

«Пробудил ты обе земли (т. е. Египет) при восходе твоём в явлении твоём Атона живого». В таком обращении к солнцу есть очень характерный для эпохи Эхнатона образ: «Атон живой». Солнце становится им, когда ликует на утреннем небе в момент восхода, своего явления в мир. Тогда реализуется творческая энергия солнца, его способность действовать. Это определение «ба», «творящей души». Поэтому образ «Атон живой» справедливо называют солнечным соответствием «ба живому». Но ведь «ба» солнца — Феникс! Замыкается круг солнечной триады: Атон — отец, Шу — сын и Феникс — мать, сокрытая за словами «Атон живой». Ипостаси разделяются в творческом акте, но возвращаются к исходному единству в вечности, неподвластной законам классической логики.

СВЕТ СКВОЗЬ «ТЬМУ ЕГИПЕТСКУЮ»

Так что же унаследовала Русь от бесконечно дальнего Египта? Что преодолело силу времени, которая сравнила с землей разрушенные храмы, превратила в никому не понятный узор забытые письмена?

Обращает на себя внимание сходство православной трактовки христианской Троицы и солнечной триады Эхнатона (или Нефертити?). Отец и Сын равноипостасны. Святой Дух, в своем качестве силы, которая одушевляет мир, сближается с образом Феникс — творящей солнечной души. Феникс — «ба» отеческого солнца, Ра или Атона, — и в православии Дух исходит только от Отца, а не от Отца и Сына, как в католичестве.

А двенадцать безмолвных молитв, произносимых священником в православной литургии? Не напоминают ли они о двенадцати часах ночного пути солнечной барки в сокровенных книгах Египта, о двенадцати ризах, в которые облачали посвященного в мистерии Изиды, как их описывает Апулей?

Философы Древней Руси для разъяснения сущности Троицы подчас привлекали примеры из окружающей жизни. Удивительный образ встречаем у Максима Грека: «Якоже глаголем дискос, свет, луча — едино солнце три

сия, а не три солнца, сие и таинство святягы Троицы: аще бо глаголем Бог Отец, Бог Сын и Слово Его, Бог Всевятыи Дух, но не три Бози». Так раскрывается образ «тресветлого солнца». «Дискос», диск сопоставляется с Отцом, но ведь «дискос» — это буквальный перевод имени египетского солнца-отца, Атона! Богу-сыну у Максима Грека соответствует «свет», а Духу — «луча». В современном значении свет и лучи — одно и то же, но, видимо, четыре века назад это были разные понятия. Примечательно, что «луча» слово женского рода.

Атон в искусстве Египта изображался знаком круга. От него тянулись к земле лучи, и каждый оканчивался рукой, иногда держащей символ жизни. Если «свет» Максима Грека — это сами лучи, сыновние лучи солнца, то «луча» — его животворные материнские руки, ведь именно в касании творит солнечный свет, подобно Фениксу.

Вдумаемся в это имя: «Феникс». Греки переосмыслили египетское «Бену» как прилагательное «phoenix» — дословно «пурпурный, багряный». Возможно, в том же смысловом ряду — пурпурный лик Софии-Премудрости русских икон?

Образы поразительной глубины сохранились в русском фольклоре. В одном из направлений «духовных христиан» еще в начале XX века условно делили Россию на семь «частей света», и среди них: «Берега Священного Нила», «Верхняя страна Кем» и «Нижняя страна Кем». Удивительнее всего выражение «страна Кем» — это древнеегипетское название Египта!

В песнопении «духовных христиан», записанном в начале XX века, есть такие строки: «*Прилетела птица, золотой сокол, / Садилась птица в кипарис-дерево. / Крылышки у сокола бриллиантовые, / С алмазными камнями драгоценными, / Перышки унизаны крупным жемчугом, / В сердцах соловушко — сударь Дух Святой.*»

Здесь истолкована на христианский лад замечательно яркая языческая триада. Сияющий золотой сокол: не подобен ли он солнечному Горы, египетскому богу-сыну с соколиной головой? Соловушко в сердце солнца — это же его душа, Изиды-Феникс! Правда, соловушко мужского рода, но в другом варианте стиха святой Дух назван голубицей, райской птицей, «самой матушкой царницей».

Теперь о кипарис-дерево в значении Отца. В Египте бог-отец, Озирис, уподоблялся оси мира, мировому дереву. На священном дереве Ишед егип-

тяне помещали «дом Бену» (Феникс), а Феникс — душа не только солнца, но и Озириса (вспомним Дух, исходящий от Отца).

Кипарис-дерево русских стихов утверждено корнями в «бел горяч камень». Этот во многом загадочный камень — центральный образ народного мировоззрения — нетрудно соотнести с «белым», то есть солнечным светом. Тогда и вся триада (дерево, сокол, соловушко), утвержденная на этом камне, приобретает солнечный характер, а «бел горяч камень» выступает русским аналогом камня Бенбен.

И еще один русский фольклорный сюжет вызывает в памяти египетские мифы. «*Уж по морю по житейскому, / Как плывет, плывет тут легкий корабль, / Об двенадцати тонких парусах; / Тонкие парусы, то есть Дух Святой; / Как правил кормиш — сам Иисус Христос... / Уж под ним престол всего царствия, / Уж на нем риза аки молния, / Уж на нем венец — непостижимый свет; / В корабле зная — Матерь Божия... / На нем мачта — сам Господь Савоф.*»

Бытовал и в Египте образ дерева в ладье. Христос в ризах «аки молния» подобен солнечному богу Египта. «Зная — Матерь Божия» Изиды Престол может быть, наос, вместилище бога на солнечной барке Египта. В русских стихах священный корабль плывет на восток, как и ночное солнце, что движется к восходу сквозь царство мрака. И цель пути одна и та же. Русскому фольклору знаком образ Небесного Иерусалима. Он должен опуститься с неба и соединиться с земным священным градом который предстоит построить. Так солнечный бог Египта соединяется со своим телом в святыне Бенбен, предвещая победу света.

Допустимо ли объяснять такие совпадения только общностью происхождения религиозных сюжетов русской и египетской традиций? Вряд ли. Русь сохранила даже исконное название Египта. Видимо, древний мир был гораздо менее разобщенным, чем принято считать. И можно довольно уверенно указать один из источников, косвенно повлиявших на культуру Руси. Это Египет первых веков н. э. Египетские гностики изучали не только труды отцов христианской церкви, они помнили о древней культуре «страны Кем». И вместе с сектами гностического толка (богомилы, катары, альбигойцы) на Русь могли проникнуть знания о языческих солнечных тайнах Египта.

Тринадцать писем Пушкина

Я. ЛЕВКОВИЧ

Недавно Министерство культуры СССР передало в Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом) тринадцать писем А. С. Пушкина. Одиннадцать из них адресованы невесте поэта, два других — его теще Наталье Ивановне Гончаровой и падчерице тригорской соседки Пушкина П. А. Осиповой — Александре Ивановне Беклешовой. Из одиннадцати писем к невесте десять написаны рукой поэта, одно представляет собой копию, принадлежащую некогда И. С. Тургеневу, первому публикатору писем Пушкина. Так как подлинник не сохранился, эта копия служит единственным источником текста. Письма писались в знаменитую Болдинскую осень: четыре — из Петербурга и по дороге из Болдина в Москву. На автографах видны карантинные проколы для обкуривания серой — всем памятно, что в Болдине Пушкина задержала холера.

Письма к невесте хранились у внучки поэта Софьи (дочери Натальи Александровны Меренберг), которая в 1891 году стала морганатической женой внука Николая I — Михаила Михайловича. Супруги Романовы вынуждены были уехать из России, не признавшей их брака. После смерти Софьи Николаевны ее муж продал все десять хранившихся у них автографов знаменитому антрепренеру Сергею Дягилеву. В 1929 году Дягилев скоропостижно скончался, не успев составить завещание. Письма оказались в распоряжении французского правительства.

Известный танцовщик, страстный коллекционер, Сергей Лифарь просил разрешения их выкупить. Разрешение было получено, но назначен срок — один год. Лифарь заключил контракт с театром «Гранд-опера». «Средства на приобретение дягилевского архива, — пишет он в книге «Моя зарубежная пушкиниана», — я заработал «ногами»: мои выступления в Лондоне и в Парижской опере оплачивались весьма крупными суммами. Контракт в Опере мне гарантировал выступления в 60-ти спектаклях, в год... Целый год я танцевал под страхом — как бы не заболеть, как бы не вывихнуть ногу. Это был мой второй сезон в Опере, который должен был стать моим «победным годом в театре». И я его выдержал».

В 1956 году на выставке советской книги в Сорбонне Лифарь подарил СССР один из бесценных раритетов своей коллекции — беловой автограф «Предисловия» к «Путешествию в Арзрум», случайно обнаруженный у букинистов. Сейчас он хранится в Пушкинском доме.

В 1958 году «Гранд-опера» собрался на гастроль в СССР. Лифарь послал телеграмму: «Буду счастлив передать в Кремле некоторые ценности русской культуры, главным образом Пушкина, в день моего приезда в Москву». Однако ответа не последовало и в визе ему было отказано.

«Горечи, удивлению, возмущению моему не было предела, — писал Лифарь в парижской газете «Русская мысль», — и все же ни на минуту не был я поколеблен в намерении передать мои рукописные и книжные драгоценности в Россию. Надеюсь, однако, что никто не упрекнет меня в мелочности и больном, уязвленном самолюбии, если тут же я решил: да, все, что я имею, принадлежит России, но только той России, где понятия культуры, искусства, творчества не будут искажены в угоду темным — политическим или иным — счетам. России справедливой, великодушной, чистой, истинно пушкинской, той, которой по мере сил я служу, даже находясь вне ее пределов, которой посвятил свою жизнь».

В Ленинград он все-таки приехал, но только в 1961 году и как турист. Тогда же он был в Пушкинском доме, подарил нам афишу балета «Пиковая дама», поставленного им в Монте-Карло, рассказывал, как в концертах танцевал пушкинского «Пророка». Тогда же он расстался еще с одной пушкинской реликвией — подарил Пуш-

кинскому дому дорожную («паспорт») с которой поэт ехал в южную ссылку

Лифарь мечтал поставить какой-либо балет в Большом театре, но в этом ему тоже было отказано, и желание передать своей родине пушкинские автографы осталось неосуществленным. И все же он оставил завещание: после его смерти, прежде чем продавать коллекцию на аукционе, жена должна предложить ее России. Коллекционеры всего света знали, что пушкинские письма к невесте находятся у Лифаря. Как пишет он сам, за последние четверть века «ему делались настойчивые, баснословные по размерам предложения уступить их». Однако он был убежден, что человек имеет моральное право владеть рукописями великих людей лишь какое-то время. Они — национальное достояние.

Вдова Лифаря графиня Алефельд выполнила его волю. В декабре прошлого года я и сотрудник Пушкинского дома П. Р. Заборов вылетели в Швейцарию, чтобы удостовериться подлинность автографов. Хранились они в Национальном банке в Лозанне. В подлинности у нас не возникло сомнений. Но теперь за рукописи уже нужно было платить немалые деньги. Рукописи того стоили — нельзя было допустить, чтобы автографы Пушкина разошлись по всему свету. Ценятся они среди коллекционеров очень высоко. Так, в каталоге фирмы «Сотби» исходная цена для продажи одного письма Пушкина французскому миму и чревовещателю Ваттемару, гастролировавшему в России, была определена в 20 тысяч фунтов стерлингов, в то время как, например, письма Наполеона оценивались в 500 и 700 фунтов. Письмо к Ваттемару было куплено Фондом культуры и тоже поступит в рукописное хранилище Пушкинского дома. Мы очень боялись, что коллекция Лифаря может оказаться на аукционе. Но все кончилось благополучно. Письма поэта вернулись на родину.

Тексты пушкинских писем воспроизводились не раз. Но подлинники дороги не только как национальное достояние. Автограф нередко таит неожиданности. Копия не всегда может воспроизвести следы карандаша, поправок. Сорт бумаги, цвет чернил, толщина пера, почерк — все имеет значение для исследователя. Например, в разные годы Пушкин пользовался разными сортами бумаги — это позволяет в сопоставлении с другими рукописями установить датировку произведений, уточнить что-то и в других автографах.

Теперь почти все письма Пушкина к Наталье Николаевне вместе с другими его рукописями собраны в Рукописном отделе Пушкинского дома АН СССР. Графиня Алефельд передала и гербовую печать поэта. Где остальные реликвии, хранившиеся у Сергея Лифаря, — увы, этого мы пока не знаем.

Рисунок Н. Кузьмина.

Макс ЭРЛИХ

СЕКТА

Журнальный
вариант

ГЛАВА 20

Джефф проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо. Он с грудом открыл глаза и увидел над собой незнакомое лицо. Трудно было сообразить, где он находится.

— Кто вы?

— Меня зовут Джон Морс.

Джефф оцепенел. Потом резким движением поднялся, глядя в лицо Морсу. Глаза расширились. Он побледнел.

Нет! пронзительно закричал он вдруг. Я знаю, кто ты.

Хорошо. Морс спокойно смотрел на него. Кто я?

— Дьявол.

— Ну, ну, сынок. Что за вздор. Дьяволу полагается быть с рогами и с хвостом.

— Я знаю тебя в лицо. Я видел фотографии в Астароте.

Морс придвинул к лежащему на полу матрасу, на котором сидел Джефф, единственный стул. Джефф отшатнулся, прижался к стенке.

— Не бойся. Джефф. Я не причиню тебе зла.

— Меня зовут Симеон.

— Нет, Джефф.

— Симеон, Симеон, Симеон! надрывно закричал Джефф.

— Джефф, — спокойно и твердо повторил Морс.

Тот весь дрожал, на лбу проступил пот.

— Успокойся, Джефф, — продолжал Морс. — Я ничего тебе не сделаю. Мы будем просто разговаривать. Говорить, говорить и говорить до тех пор, пока ты не обретишь утраченный рассудок. Я хочу, чтобы ты понял подлинный дьявол не я, а тот, кто называет себя Учителем. Он утверждает, что послан богом, но это ложь. Хочешь знать, кто он на самом деле? Он самозванец и лжец, проходивший в чуждое лицемерный ханжа и вор.

— Это неправда! — закричал Джефф. — Неправда! Неправда!

— Вот как? А что же он сделал для тебя хорошего, что ты так защищаешь его?

— Он открыл для меня бога. Он научил меня любить. Он дал мне покой и счастье. Он научил меня служить Господу.

Достаточно, Джефф. На самом деле он научил тебя служить Бафорду Ходжесу. Он отобрал все, что у тебя было: машину, деньги, родных, друзей. Он не давал тебе есть досыта и лишил тебя разума. После этого он заставил тебя работать с утра до ночи, продавая его сочинения. Как ты думаешь, куда идут те деньги, которые ты зарабатывал?

На дело Господне.

— Ты уверен? — Морс достал из папки несколько фотографий. — Как тебе нравится эта яхта? Она принадлежит Ходжесу. Стоит ровно миллион долларов. А кто за нее заплатил? Ты и такие же, как ты, которые работают по десять часов в сутки, собирая деньги, чтобы Ходжес плавал на этой роскошной яхте, пил виски и жрал бифштексы.

Изыди, сатана. — В глазах Джеффа мелькнуло торжество. — Теперь я знаю, что ты лжешь! Души Господа не пьют спиртного и не едят живых существ.

— Все?

— Все!

И сам Учитель?

— Разумеется. Это закон братства.

Интересно. Морс достал из папки еще одну фотографию. — Очень интересно. А это что?

На фотографии был снят «Посланник Господа», стоящий у причала. Рядом с яхтой стоял фургон с надписью «Мясо — колбасы». Двое рабочих вносили на яхту освежеванную баранью тушу.

Джефф изучил снимок, напрягся, но вдруг с облегчением отдал его Морсу.

— Все верно. Это для команды.

Ты забываешь, Джефф, «Посланник» — это еще и церковь, а значит, что все члены экипажа тоже Души Господни. — Он улыбнулся. — К твоему сведению, Учитель предпочитает бифштексы с кровью. А виски — неразбавленное. Перед обедом и после. Теперь ты понимаешь, почему он не хочет, чтобы вы ели мясо? Почему он требует, чтобы вы были вегетарианцами? Потому что морковка и макароны дешевле!

Джефф смотрел на него ошарашенным взглядом, затем заговорил. — Это все ложь. Ложь. Ты хочешь пошатнуть мою веру.

— Это еще не все, Джефф. Ты не видел пока вот этого. — Морс протянул Джеффу еще одну фотографию. На ней Бафорд Ходжес в плавках лежал на пляже рядом со стройной блондинкой. В одной руке Учителя дымилась сигара, другая покоилась на бедре полуобнаженной красотки. Ходжес не подозревал, что его фотографируют, поэтому снимок получился весьма откровенным.

— Вот он, глава вашей церкви. —

Морс достал следующую фотографию. — Пока вы усмиряете плоть холодным душем, он отдыхает на Багамах или на Бермудах. С разными спутницами. А ведь это грех.

На следующем снимке Ходжес сидел за столом в ночном клубе. С ним рядом красовалась брюнетка мексиканского типа с чувственным лицом. Вырез платья был слишком низким, и казалось чудом, что оно держится на ней. На столе стояла бутылка виски, официант открывал шампанское. В этот раз Ходжес заметил, что его снимают и попытался закрыть лицо руками, но узнать его было нетрудно.

Учитель не брезгует и услугами профессионалок. Вот она, например, берет двести за ночь. Сколько дней тебе нужно продавать его писанину, чтобы набрать такую сумму?

— Довольно, — Джефф заткнул уши обеими руками. — Я не хочу ничего слышать.

— Придется слушать. Тебе некуда деться. Мы будем сидеть в этой душной вонючей комнате, пока ты не прозреешь, сколько бы времени на это ни потребовалось.

Я же сказал, я не буду слушать.

Но Морс увидел, что глаза Джеффа забегали. Было видно, что ему стало не по себе. Вдруг он вспомнил что-то и смело посмотрел Морсу в глаза.

— Ты бессилен перед истинной верой. Сказано в Писании: «Противостаньте диаволу, и убежит от вас».

Морс достал Библию и протянул ее Джеффу.

— Покажи мне, где это сказано.

Тот нерешительно взял книгу.

Где-то здесь. Я точно не знаю.

— Тогда я скажу тебе. В соборном послании святого апостола Иакова. Глава 4, Стих 7. Ты даже Библию не знаешь. Знаешь из нее только то, чему учили в Астароте. Но у тебя были плохие учителя. Они учили только одному — ненависти.

Они учили нас любви!

Нет, Джефф, ненависти. Они учили вас ненавидеть весь мир. Ненавидеть друзей, близких. Ненавидеть отца и мать.

— У меня нет ни отца, ни матери.

— Перестань, Джефф. Не в капусте же тебя нашли. У тебя есть отец, который любит тебя, и мать, которая в муках рожала тебя, растила и без памяти любит. А эти ханжи научили тебя ненавидеть их, плевать отцу в лицо и оскорблять мать.

Нет, Джефф, ты не знаешь Писания. Когда речь идет о родителях, оно учит не ненависти, а любви. Ты помнишь десять заповедей?

Джефф молчал.

— Ну, хорошо, — продолжал Морс. — Ты их помнишь. Чти отца своего и мать свою. Что это, ненависть или любовь? Ты помнишь, как ты оскорблял мать, как плевал в лицо отцу? А знаешь, что об этом говорится

Рисунок А. Остроменцкого.

в Библии? Исход, 21: «Кто ударит отца своего, или свою мать, того должно предать смерти». Это стих 15. А вот семнадцатый стих: «Кто злословит отца своего, или свою мать, того должно предать смерти». Этому Старцы вас не учили? Отвечай, Джефф, отвечай!

Морс сидел с Джеффом десять часов. И все это время он говорил не умолкая. Когда его сменил Фрэнк Рид, Морс едва не падал от усталости.

ГЛАВА 21

Когда Джефф переставал отвечать на вопросы и почти терял сознание из-за голода и недосыпания, Морс доставал небольшой, но мощный магнитофон и включал на полную громкость кассету с записью голоса Учителя. Он сам смонтировал эту кассету из нескольких записей высказываний и проповедей Ходжеса, которые ему удалось за большие деньги раздобыть в одной из коммун. Взятые по отдельности, фразы были понятны, но смонтированные на одной пленке, они превращались в набор бессмысленных слов, раздражающих бесконечными повторениями одних и тех же интонаций, как на испорченной граммофонной пластинке. При перезаписи Морс сделал тембр голоса Ходжеса более резким, не меняя его при этом до неузнаваемости.

Голос Учителя звучал пронзительно, слышны обрушивались на сознание, и Джеффу казалось, что под их потоком барабанные перепонки вот-вот лопнут. Он начинал ненавидеть этот голос, который не давал ему провалиться в спасительное забытие.

Иногда Морс разрешал Джеффу заснуть, но не больше, чем на час. В комнате было невыносимо жарко и душно, никто не давали ни вымыться, ни даже переодеться. Кормили скудно — овсянка и вареные овощи — так что чувство голода не проходило. Когда Джефф был в состоянии слушать, Морс проигрывал кассеты с признаниями депрограммированных Душ. Он заметил, что Джефф напрягается, когда слышит рассказы девушек, которых вынуждали вступать в связь с Наставниками и Старцами.

В какой-то момент Джефф не выдержал:

Язык твой лжет. Избави душу мою, Господи, от языка, произносящего слова лжи.

Морс улыбнулся.

Это из Псалмов, Джефф. Но цитируешь ты неточно. Ну что же, если ты решил снова обратиться к Библии, давай вспомним Писание. Времени у нас много. Давай вспомним что-нибудь про Ходжеса, который зарабатывает миллионы на таких легковерных простаках, как ты. Хотя бы вот это. Евангелие от Матфея. Глава 7, стих 15: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные».

— Это ложь.
— Нет, это правда. А лжет твой Учитель.

— Он учит любви.

— Так же, как тебя учили любви к родителям. И к брату. А ведь в Первом послании Иоанна сказано: «Кто говорит: «я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец».

Морс обрушивал на Джеффа цитаты из Библии, многократно возвращаясь к одному и тому же, повторяя свои мысли снова и снова, пока они не начинали пускать корни в сознании Джеффа. Он присылал к нему плачущую Кейт, отца, брата, Синди, показывал фотографии молодых людей и девушек, которые не выдерживали в секте и сходили с ума, вскрывали вены, бросались под машины.

Джефф страдал теперь не столько от недостатка сна, голода и духоты, сколько от сомнений, которые заронил в его душу Дьявол. Дьявол, оказывается, знал Писание лучше, чем Наставники и даже Старцы, хотя должен был бы сжечь святую книгу, а не читать ее. А вопросы, которые тот задавал Джеффу и на которые он не мог дать ответ.. Где правда? Где ложь? И этот голос Учителя, который бьет по голове, не давая заснуть, проникает в мозг, разрушая сознание...

— Хватит, я больше не могу!

Морс выключил магнитофон и в комнате наступила тишина.

— Ты слышишь, Джефф, — заговорил Морс, — он говорит о любви, но учит тебя ненависти. А любовь не там, она здесь. Она ждет тебя внизу, там, где твои родители, Синди, где твой брат и твой друг. И я буду говорить тебе об этом не умолкая. Сегодня и завтра. И через неделю, и через месяц. Если это понадобится, всю жизнь...

И снова он пытался сломать ту стену, которая отгораживала сознание Джеффа. Он показывал ему новые и новые фотографии, документы, вырезки из газет, прокручивал записи рассказов родителей, из-за секты потерявших детей. Иногда глаза Джеффа стекленели, и тогда Морс снова ставил на полную громкость кассету с голосом Учителя. Время от времени выпадал короткий отдых, но и эти десять — пятнадцать минут Джефф не оставался один. К нему поднималась Синди или мать. Затем снова приходил Морс и читал наизусть Писание, выбирая из него места, прямо противоречащие всему, что говорили Наставники. Джефф слушал слова, звучавшие как ересь, как богохульство, но которые — как он сам мог убедиться, раскрыв Библию, — исходили от самого Господа. Кровь стучала у него в висках, становилось страшно, хотелось обхватить голову руками, свернуться в комок и умереть. И вот в один из таких моментов Джефф не выдержал и заплакал. Он дрожал и

всхлипывал, как ребенок, закрыв руками лицо.

— Господи, Господи, где я был? Что это было? Что со мной?

Морс внимательно наблюдал. В его практике были случаи, когда особенно стойкие Души пытались изображать перелом, но Джефф не притворялся.

Морс машинально посмотрел на часы. С того момента, когда он впервые вошел в эту комнату, прошло сорок четыре часа и десять минут. Почти двое суток.

Бедный мальчик, — подумал он. — Каково ему пришлось...

Перед тем как попрощаться с Ридами, Морс объяснил им, что Джеффу домой возвращаться еще нельзя, и Синди предложила пожить у ее дяди в Палм-Дезерте. Теперь самым трудным было не давать Джеффу возвращаться мыслями к жизни в секте. Травма еще слишком свежа, и рецидив мог бы быть необратимым. Но Синди любила Джеффа, на нее можно было положиться.

Все было позади, и Морс ехал в Лос-Анджелес, чувствуя себя измученным и опустошенным. Так было каждый раз после депрограммирования. Ведь ему приходилось не легче, чем пациенту. Физически это было крайне тяжело. Эмоционально — просто невыносимо. И каждый раз потом перед глазами вставал Сидон, снова все тот же кошмар — заснеженное поле, голое дерево, серый балахон...

Сейчас ему надо было забыть все: Сидон, Джеффа Риду, Душ Господних, Бафорда Ходжеса. Надо было вернуться к нормальной жизни, ощутить реальный мир, смеяться и жить, как живут все люди — по крайней мере до тех пор, пока снова не позвонит Джордж Гленнон и не скажет, что к нему обратился отец или мать какого-то ребенка из Иерихона, Херонеи или Вифании...

ГЛАВА 22

Дом Хайлендов стоял у пересечения двух дорог, лицом к пустыне, окруженной кольцом скалистых гор с вершиной Сан-Хасинто.

Во флигеле, где они поселились, в маленькой кухне Синди готовила их любимые блюда. Иногда на обед приглашали старики. Но в целом они не очень докучали молодым — дядя почти каждый день отправлялся играть в гольф, время его жены целиком поглощали теннис, бридж, светская жизнь. Синди и Джефф целиком были предоставлены самим себе.

Каждый день, сухой и знойный, был напоен солнечным светом, льющимся с безоблачного неба. Поездки верхом, теннис, бассейн, по вечерам кино и встречи с друзьями — день тянулся бесконечно долго, как бесконечно долгими были сиесты под полуденным солнцем у бассейна, когда они погру-

жались друг в друга, смакуя каждое мгновение близости.

И каждую ночь они любили друг друга.

Джон Морс предупреждал Синди, что Джефф мог измениться. То давление, которое секта оказывает на разум человека, не проходит бесследно и для всего организма, он начинает регрессировать: у девушек прекращаются менструации, у юношей приостанавливается рост бороды и усов, снижается потенция. По его мнению, это связано с тем, что, если у человека отнять возможность самостоятельно принимать решения, он впадает в детство — физически и морально. Следовательно, Синди нужно будет немного терпения, если она заметит это в Джеффе. Но такая проблема не возникала. Джефф был в отличной форме — загорелый молодой бычок.

Он стал набирать вес. С лица сошло постное, унылое выражение, оно опять научилось улыбаться.

В конце первой недели нагрянули родители, затем опять наступило затишье. Как-то раз позвонил Морс. Короткий отчет Синди его вполне удовлетворил. Он сообщил новость: одна из телекомпаний хочет снять документальный фильм о Джеффе и таких, как он, когда тот вполне оправится. Но это не завтра, времени впереди много. А пока — так держать, Синди. Так сказал Морс.

И опять потянулись золотые дни

Это случилось на десятый день. Их машина медленно катила мимо вековых деревьев заповедника Джошуа Три. Момент, мимо обветренных скал, в очертаниях которых проступали то фигуры людей, то корабли, то доисторические животные. Остановив машину, Синди с Джеффом вышли, чтобы подойти поближе к удивительным скульптурам, созданным природой.

Рядом с их машиной затормозил серый «кадиллак». Трех молодых людей, вышедших из него, никак нельзя было принять за туристов.

— Джефф, — помертвевшими губами прошептала Синди. — ты знаешь, кто это?

— Да.

— Бежим, — в панике сказала она.

— Бежать? Но куда? — в голосе Джеффа не было надежды. — В пустыню? Вокруг только песок — бежать некуда.

Они пошли к машине, не зная, что будет в следующий момент. Трое Наставников спокойно наблюдали за ними, не двигаясь с места. Потом один из них произнес:

— Мое имя Авель. Это Исав и Азаль. Господь любит тебя, Симеон.

Исав посмотрел Джеффу в глаза. — Иди с нами, Симеон. Господь ждет тебя.

— Нет, — сказал Джефф, — я не хочу.

— Мы знаем, как Сатана соблазнял тебя, Симеон.

— Мое имя Джефф. Все кончено.

— Мы знаем, что ты боролся. — Теперь говорил Абель. — Как он искушал тебя. Ты уступил ему лишь на время. Мы понимаем тебя, Симеон. Он мучал и истязал тебя. Плоть слаба, но ты не закоул в грехе. Ты можешь еще очиститься молитвой.

Абель говорил, и голос его был мягким и обволакивающим. Джефф застыл, оцепенел. Синди видела, как стекленели его глаза, он дрожал, как в лихорадке.

— Нам не хватало тебя, Джефф. Твои друзья, твоя семья скучали по тебе. После того как ты смоешь грязь греха и вернешь свою душу Господу, ты воссоединишься с ними на земле и на небесах.

— Джефф, — голос Синди дрожал. — Не слушай их. Не уходи!

Но он уже не слышал ее. Она чувствовала, что ей не пробиться к его сознанию — слишком поздно.

Синди закричала от отчаяния, пытаясь оттащить Джеффа. Ее оттолкнули, но она не отступала, осыпая ударами своих врагов.

— Отпустите его! — кричала она. — Отпустите! — и ее отчаяние эхом билось о скалы. Она повисла на одном из Наставников, он ударом отбросил ее на землю. Она лежала, уничтоженная, обессиленная, и смотрела, как уводят Джеффа. Он шел, словно замороженный. Наставники не замолкали ни на секунду, слова лились нескончаемым потоком, и Джефф, казалось, погружался в них, как в сон. Вдруг она увидела, как его застывшее лицо дрогнуло в слабой улыбке. Наставники улыбнулись в ответ и, обняв его за плечи, притянули к себе. Он не сопротивлялся.

Один из Наставников вернулся к машине Синди, вынул ключ зажигания и забросил его далеко в песок. «Кадиллак» тронулся.

Синди упала головой в песок и зарыдала.

Преподобный Бафорд Ходжес сидел в своем кабинете на борту «Посланника Господа» с телефонной трубкой в руке.

— Да что они там, заснули, что ли, — он раздраженно забарабанил пальцами по столу и посмотрел на адвоката, сидевшего напротив. — Неужели некому подойти к телефону?

— Алло! — в трубке раздался низкий мужской голос.

— Это Эдэм?

— Да, — прозвучал короткий ответ.

— Соедините меня с Первым Старцем.

— К сожалению, я не могу его связаться. Он отдыхает.

Теперь голос Ходжеса звучал по-другому. В нем не было слышно раздражения, он словно обволакивал собеседника.

— А с кем я говорю?

— Это Наставник Зибен. Секретарь Первого Старца Оссии. Кто его спрашивает?

— Учитель.

Потрясенный Наставник замолчал. Наконец он обрел дар речи.

— Господь любит вас, Учитель.

— Скажи Оссии, брат мой, что мне срочно надо с ним поговорить.

Пока Ходжес ждал, он подмигнул Гарви. Но тот, судя по выражению лица, не разделял игривого настроения Учителя.

— Господь любит вас, Учитель, — раздался в трубке взволнованный голос.

— Господь любит тебя, Оссия.

— Я слушаю вас, Учитель.

— Брат Оссия, к тебе сегодня должны доставить одного Ученика — Он уже здесь, Учитель. Я сам буду надзирать за тем, как он проходит Покаяние.

— Я снимаю с него Покаяние.

— Но, Учитель, он осквернен Сатаной.

— Верно, — согласился Ходжес.

Но его ждет иное назначение, о котором я не могу сказать тебе, брат Оссия.

— Хорошо, Учитель. Он будет освобожден от Покаяния.

— Но это еще не все. Вы должны как следует кормить его. Он будет питаться за одним столом со Старцами.

Оссия был поражен.

— Ученик?! За одним столом со Старцами?

— Да, это противоречит Уставу, но он нуждается в особом обращении. Этот Ученик избран Господом. Ты понял, брат Оссия?

— Да, Учитель. Я сделаю все, как вы сказали.

Преподобный Ходжес положил трубку и посмотрел на Гарви.

— Да, Рей, этот мальчик послан мне богом. Я хочу, чтобы его откормили, отмыли, причесали. Он должен выглядеть лучше, чем парни с рекламных военных академий. Вся страна должна влюбиться в него, когда он будет давать показания.

— По-моему, ты делаешь ошибку, Бафорд. — Гарви шелкнул зажигалкой. — Завести судебное дело в нашем положении просто безумие.

Ходжес внимательно на него посмотрел.

— Видишь ли, Рей, ты всегда меня недооценивал. Я сам вылетаю завтра в Эдэм.

ГЛАВА 23

Третьего ноября Генеральному прокурору округа Лос-Анджелес поступило заявление от Джеффи Эндрю Риды, члена секты Души Господни. В заявлении говорилось, что он был похищен и незаконно лишен свободы известными ему лицами.

Слушание дела «Граждане штата Калифорния против Фрэнка Риды, Кейт Рид, Кеннета Риды, Синди Хайленд, Джозефа Питерсона и Джона Морса» было назначено на 16 января в зале № 102 на десятом этаже здания Уголовного суда в Лос-Анджелесе. Перед судом предстали шесть обвиняемых. Обвинение против них было сформулировано по нескольким пунктам: похищение и преступный сговор с целью похищения, незаконное лишение свободы и преступный сговор с целью незаконного лишения свободы.

Предстоящий процесс сразу же оказался в центре внимания прессы. В Лос-Анджелес съезжались журналисты со всей страны. За неделю до слушания дела вышел журнал «Тайм», целиком посвященный преподобному Ходжесу и Душам Господним, сильно подогревший интерес публики.

Прокурор округа Томас Хэтч решил сам выступить в качестве государственного обвинителя. Защиту представлял Мэтью Блейк, один из самых блестящих и талантливых адвокатов страны. Темпл-стрит перед зданием суда была буквально запружена народом: у тротуара стояли четыре больших автобуса, возле них медленно прогуливалась целая толпа Учеников. Это была своего рода тихая демонстрация. Каждую минуту по сигналу Наставников они дружно тянули нараспев: Господь любит вас. На противоположной стороне Темпл-стрит собралась толпа, сильно отличавшаяся от первой. Она состояла из родителей, чьи дети оказались втянутыми в секту. Они размахивали самодельными плакатами и гневно выкрикивали: «Свободу нашим детям!», «Запретить ДГ!», «Души Господа — обман!», «Ходжес любит не Христа, Ходжес любит доллары!» Чуть дальше стояли фургончики и автобусы телевизионных компаний, у самого входа толпились фотографы и репортеры.

Блейк пробился через толпу журналистов и поднялся на десятый этаж. Коридор был забит корреспондентами и желающими попасть в зал так плотно, что ему пришлось прибегнуть к помощи дежурных. Несколько раз он споткнулся о телевизионные кабели: вдоль стен, в оконных проемах и на скамьях были установлены осветительные приборы, безжалостно заливавшие все ярким светом, который словно обнажал коридор, делая его похожим на декорации, а зрителей — на актеров драмы, которой предстояло здесь разыграться.

Заседание началось ровно в девять. Первое слово судья Бреннер дал обвинителю. Блейк слушал его вполуха, понимая, что решение присяжных будет зависеть не от этого выступления и не от его, Блейка, речи, а от того, как будет построен допрос свидетелей,

какие вопросы им зададут и какие прозвучат ответы.

Свидетели обвинения — несколько человек, оказавшихся рядом с залом Трансуолд Эрлайнз в момент похищения, и владелец коттеджа в горах, где держали Джеффа, были, по мнению Блейка, не в счет. Что же касается главного свидетеля — Джеффа Рида, — ему предстояло выступать после перерыва. Блейк все утро к нему присматривался.

На нем был новый, с иголки, пиджак с буквами «ДГ» под нагрудным карманом, тщательно отутюженные брюки и начищенные до блеска туфли. Свежий, аккуратно причесанный, он производил приятное впечатление. Этакий милый мальчик из приличной семьи, вежливый, хорошо воспитанный, учился в Гарварде, играл за университетскую футбольную команду, одним словом, как раз такого жениха вы хотели бы для своей дочери. И тем не менее что-то настораживало Блейка.

Когда пришла очередь Джеффа Рида, он прошел за стойку на место свидетеля положил руку на Библию и поклялся говорить правду, всю правду и ничего, кроме правды — и да поможет ему бог. Он выглядел очень молодым и неуверенным. Сидел на самом краю стула и робко смотрел прямо перед собой. В сторону родителей не взглянул ни разу. Когда, в какой-то момент, он встретился глазами с кем-то из присяжных и растерянно улыбнулся, тот улыбнулся ему в ответ — как грогатель он был своей молодостью и незащищенностью.

Окружной прокурор Хэтч начал вопрос. Он говорил с мягкими щадящими интонациями, как бы сочувствуя свидетелю. После предварительных вопросов он спросил:

— Скажите, Джефф, почему вы ушли из дома, бросили колледж и присоединились к Душам Господним?

— Потому что я искал любви и хотел нести любовь людям. А дома любви не было. Родители все время ссорились. Они не любят друг друга. Маму интересует только бридж и вечера в дамском клубе, а отца только деньги. Деньги, деньги и деньги. Мы с ним все время ссорились.

— Из-за чего вы ссорились?

— Он хотел, чтобы я стал таким же, как он. Чтобы учился в том же колледже и делал всю жизнь то же, что и он. А я хотел другого.

— Чего именно вы хотели?

— Я хотел любви. Хотел любить и знать, что меня любят. Я чувствовал, что повсюду царит дух наживы и коррупции. А мне хотелось просто помогать людям. И я посвятил свою Душу Господу.

— То есть вы присоединились к Душам Господним?

— Да. И в братстве я обрел то, что искал. Вы даже не представляете, как

это прекрасно. У меня появились любящие братья и сестры. Я обрел новую семью, где меня любят, я не чувствую себя чужим и счастливым.

— Вам хотелось бы вернуться к родителям, к своей прежней жизни?

— Нет.

Джефф совсем не был похож на прежнего фанатика из Астарота. Естественные реакции, без бесконечных ссылок на Библию, без проклятий — он производил впечатление вполне нормального человека.

— Вас увезли против вашей воли?

— Да, сэр.

— Вы сопротивлялись?

— Сопротивлялся.

Когда вас втолкнули в машину, вы прекратили сопротивление?

— Нет, я продолжал вырываться.

— До каких пор?

— Пока на меня не надели наручники.

По залу пронесся ропот. Прокурор выдержал паузу.

Джефф рассказал, как его привезли в коттедж, как заперли в душевой, с заколоченными наглухо окнами комнаты и как Джон Морс, находящийся в этом зале, оскорблял и избивал его, не давая ни есть, ни спать, как пытал его, заставляя отречься от веры.

— Как долго вы сопротивлялись?

— Сорок четыре часа. Почти двое суток.

— И в течение всего этого времени вам не давали спать и не кормили?

— Да, ваша честь.

— Вы ослабли от голода и недосатка сна?

— Да, ваша честь.

— И потому прекратили сопротивление и уступили?

— Нет, сэр. Я только притворился, что уступаю.

— Значит, вы сохранили верность Душам Господним?

— Да, сэр.

Джефф рассказал, как решил обмануть своих тюремщиков и убежать при первом же удобном случае. Но это было не просто. Его перевезли в Палм-Дезерт, к нему приставили Синди Хайленд, которая не оставляла его ни на минуту. Наконец ему удалось позвонить в Астарот и сказать, где он находится. И братья приехали на помощь.

— Джефф, вы счастливы в братстве Душ Господних?

— Да, сэр, очень.

— Как вы относитесь к своим родителям после того, что случилось?

— На глаза Джеффу навернулись слезы. Он достал платок и вытер их, голос его срывался.

— То, что они сделали, ужасно. Они причинили мне много зла. Но я все равно люблю их.

Джон Морс слушал Джеффа и с каждой минутой, по заметным только ему деталям, убеждался, что тот совершенно искренен. Да, Бафорд Ходжес, хоть я и ненавижу тебя, но

вынужден снять шляпу. Блестящая работа.

Когда Джефф закончил, председатель взглянул на часы. Пять минут пятого. Прокурор прекрасно рассчитал время. Дотянуть до конца заседания — мудрый тактический ход. Теперь у защиты не осталось времени для вопросов. В результате присяжные вернутся в гостиницу под впечатлением только что услышанного, а за ночь показания свидетеля отложатся в их памяти очень прочно.

— Время вечернего заседания истекло, — судья Бреннер опустил на стол молоток. — Объявляется перерыв до девяти часов утра завтрашнего дня.

ГЛАВА 24

Блейк задержался в зале заседания, чтобы еще раз поговорить с Морсом. Он понимал, что именно вокруг него развернется наиболее острая борьба — ведь Морс не был ни родственником, ни другом, ни даже просто знакомым пострадавшего.

— Меня смущает один момент, Джон, — начал он, отводя Морса в сторону. — Души Господни с таким почтением относятся к Библии. Каждое слово в ней чтут как слово божие. И тем не менее этот мальчик присягает на Библию и тут же начинает беззастенчиво лгать.

— А он не лжет, он искренне верит в то, на что запрограммирован: в Библию нет ни слова лжи, и этика Священного Писания — единственно верная этика.

Он что, считает, что все было так, как он говорит?

— Может быть, и не считает. Но это допускается принципом антиномий.

— Постойте, если я не ошибаюсь, антиномия — это что-то из области логики, какое-то противоречие.

— Приблизительно так. Это слово греческого происхождения. «Анти» означает «против», а «номос» — «закон». Философия антиномии отрицает все обычные моральные обязательства и ценности, такие как верность, честность, правда и так далее. Эта философия зародилась в некоторых раннехристианских сектах. Их члены верили, что им, как единственно истинным христианам, дозволено лгать, красть, совершать любые преступления во имя Господа. Если эта ложь или это преступление необходимы, чтобы нести Его слово, Господь простит их. И в Его глазах они не будут ни лжецами, ни преступниками. Более того, им было дозволено прибегать к любому оружию — вплоть до убийства — в борьбе с миром неверующих, который погряз в грехе и никогда не очистится от скверны. Но если ты действуешь во имя бога, то ты чист и попадешь в рай.

Черт побери, — Блейк не мог сдержать чувств. — Вот уж действи-

тельно, век живи, век учишься. — Он задумался. — Но это значит, мальчишка знает, что лжет. Просто замечательно. Вот увидите, что я с ним сделаю завтра. Он собьется в первые же десять минут.

— На вашем месте. Мэтт. я бы на это не рассчитывал.

— Почему?

— Вам не удастся его сбить. Он свято верит в свою правоту — он на это запрограммирован. Самим Ходжесом, который работал с ним целых три месяца. Может быть, вам лучше вообще воздержаться от допроса.

— Вы шутите?

— Нет, не шучу. Он будет придерживаться своей версии, не отступая от нее ни на шаг и не сбиваясь. А вот вы можете оказаться в неловком положении.

Блейк улыбнулся.

— Послушайте, Джон. Я имел дело с такими лжецами, от которых у самого мощного детектора лжи началась бы истерика. Это были гении в своем роде. И ни один из них не смог выстоять против меня. Я повторяю еще раз, что завтра он запутается в своей лжи и собьется на первых же десяти минутах.

— Ну, что же, Морс пожал плечами, — будем надеяться, что вы правы.

На следующее утро защите было предоставлено право на допрос свидетеля. Джефф занял свое место за барьером в центре зала и посмотрел в сторону Блейка.

Но адвокат не торопился вставать из-за стола. Он тянул время, перебирая какие-то бумаги. Любопытный свидетель, которому предстоит допрос, нервничает и беспокоится. Ожидание усиливает беспокойство, заставляет нервничать еще больше, и свидетель становится более уязвимым. Мэтт Блейк знал по опыту, что в суде, как, впрочем, и во многих других случаях, от таких незначительных деталей зависит очень многое.

Наконец он подошел к свидетелю и посмотрел ему в глаза.

— Вас зовут Джеффи Эндрю Рид?

— Это имя я получил при рождении.

Блейк отечески улыбнулся.

— Вы не будете против, если я буду звать вас Джефф?

— Мое имя Симеон, но в данном случае я не буду против.

— Хорошо, Джефф. Вчера вы сказали суду, что любите своего отца.

— Да, сэр.

Блейк задавал вопросы и внимательно смотрел в глаза Джеффу. Но то, что он видел, производило странное, гнетущее впечатление: глаза абсолютно ничего не выражали. Они были словно покрыты пленкой, которая не пропускала никаких эмоций, мыслей, чувств. В них не было ни беспокойства, ни волнения, не было

жизни. Они казались стеклянными. Словно это были глаза не человека, а манекена.

Мэтью Блейк почувствовал беспокойство. Он задавал вопросы по заранее подготовленному плану, но этот план предусматривал определенные варианты в зависимости от реакции свидетеля. Но Блейк не видел никакой реакции. Ее просто не было.

Он продолжал задавать вопросы. Накануне Джефф заявил, что... он утверждал, что... Если это действительно так, то правда ли, что... Он ставил Джеффу ловушки. И ловушки оставались пустыми. Прокурор неоднократно заявлял протесты: вопрос носит наводящий характер; вопрос основывается на предположении; вопрос содержит в себе заранее подготовленное мнение; он навязывает свидетелю суждение. Свидетель не может подтверждать правильность вывода. Большинство протестов председатель суда не принял, но несколько вопросов Блейка было снято.

Блейк продолжал допрос свидетеля. Он снова и снова пытался его запутать, сбить, поймать, пытался добиться от него изменения показаний. Но все усилия были напрасны. Свидетель Рид не отступил от своих показаний ни на шаг. Блейк почувствовал, что Джефф действительно верит в то, что говорит правду. Он действительно был, как выразился Морс, запрограммирован. Блейку стало не по себе. Казалось, что он разговаривает не с человеком, а с роботом. В то же время он чувствовал, что присяжные внимательно следят за ходом допроса. И спокойствие свидетеля производит на них хорошее впечатление. Блейк понимал, кое-кто из них уже считает, что адвокат просто давит на бедного мальчика. «Почему он не прекратит допрос? И так ясно, что мальчик говорит правду. Видно же, что он не лжет. Защитник ни за что не смог зацепиться. Ни разу».

Блейк почувствовал, что рубашка взмокла от пота. Еще никогда за долгие годы практики он не чувствовал себя таким беспомощным. Было очевидно, что этот раунд проигран. Надо прекращать допрос, пока не поздно.

— У меня все, — сказал Блейк.

Джефф Рид вышел из-за свидетельского барьера, а Блейк отправился на место, боясь встретиться взглядом с Морсом. Подходя к столу, он все же взглянул на Морса, ожидая увидеть выражение упрека — «а что я вам говорил», — но Морс смотрел в другую сторону.

Председатель суда вопросительно взглянул на обвинителя.

— Мы закончили, ваша честь, — с улыбкой сказал тот. — Все свидетели по делу опрошены. Обвинение сформулировано.

Судья Бреннер посмотрел на Блейка.

— Защита готова?

— Да, ваша честь.

— Хорошо, — судья опустил на стол деревянный молоток. — Объявляется перерыв. Слушание дела будет продолжено через пятнадцать минут.

Блейк быстро прошел в туалет и открыл кран с холодной водой. Хорошо, что судья объявил перерыв. Ему надо собраться с мыслями. Допрос Джеффри Рида оказался слишком тяжелым испытанием. Зря он не послушался Морса. Господи, что же они сделали с мальчишкой? Как им это удалось? Просто страшно. А если эта секта будет расти и дальше? Да ведь они смогут запрограммировать так же, как Рида, десятки тысяч, миллионы людей. Это страшная сила. История уже знала подобное. Не здесь, в Германии. В принципе, они могли бы завладеть умами всей страны. А почему могли бы? Могут. Уже сегодня. А ведь эти секты набирают все большую силу...

В этот момент Блейк понял, насколько важен этот процесс. Нет, не для него лично, не для его карьеры. Для всей страны. Для будущего его детей.

ГЛАВА 25

План защиты, продуманный Блейком, был основан прежде всего на показаниях родителей и на том впечатлении, которое они произведут на присяжных.

Фрэнк Рид отвечал на вопросы защитника, и было видно, что его рассказ задел всех мужчин, — они представляли себя на его месте и не скрывали сочувствия.

Прокурор сделал из этого свои выводы и во время допроса не стал оказывать на Рида давления, чтобы не настраивать против себя присяжных.

Затем Блейк пригласил Кейт Рид. То, что она говорила, немногим отличалось от показаний мужа, но, в отличие от него, она с трудом сдерживала чувства и едва не плакала. Она не могла оторвать глаз от сына, но Джефф упорно избегал встречаться с ней взглядом. Присяжных тронули показания, особенно рассказ о посещении Астарота. От ее допроса прокурор воздержался, зато когда дошла очередь до Синди, он напомнил ей о происшествии в заповеднике.

— Скажите, Джефф Рид пытался убежать от Наставников?

— Нет, но бежать было некуда...

— Мисс Хайленд, я прошу вас прямо отвечать на мои вопросы: пытался ли он убежать, да или нет?

— Нет, не пытался.

— Оказывал ли он сопротивление, когда Наставники сажали его в машину?

— Нет.

— Он боролся с ними, пытался вырваться?

— Нет.

— Значит, он сел в машину добровольно. Правильно?

— Протестую, — встал со своего места Блейк. — Обвинитель задает наводящий вопрос.

— Протест принимается, — судья Бреннер строго посмотрел на Хэтча.
— Вы показали, — продолжал Хэтч, — что один из Наставников ударил вас, и вы упали.

— Да.
— Он первым на вас напал?
— Нет, но дело в том...
— Он не нападал на вас первым. Верно?

— Да.
— Кто-нибудь из приехавших на помощь Джеффу нападал на вас первым?

— Протестую, ваша честь, — Блейк опять приподнялся.

— Протест принимается, — судья снова посмотрел на прокурора. — Сформулируйте вопрос иначе.

— Кто-нибудь из Наставников нападал на вас первым?

— Нет.
— Значит, первой напали вы?
— Нет, я...

— Разве это не так, мисс Хайленд? Разве не вы первая напали на них?

— Да, это так.
— Вы били их кулаками, царапались и пытались схватить Джеффа за руку. Это так?

— Да.
— И таким образом вы сами спровоцировали одного из Наставников ударить вас. Да или нет?

— Да... Но ведь...

— У меня больше нет вопросов, — оборвал ее прокурор.

Блейк решил, что заслушивать Кена Рида и Джо Питерсона нет необходимости. Мотивы их участия были очевидны.

Он пригласил для дачи показаний Джона Морса.

По залу пробежал шум. Благодаря журналистам Морс уже стал знаменитостью: таинственная романтическая личность, неуловимый мститель, который в течение долгого времени в одиночку вел борьбу против могущественной секты. В журнале «Тайм» ему была посвящена отдельная статья, в которой говорилось, что Души Господни считают его воплощением самого Сатаны и называют не иначе как Дьяволом, что его фотографии вывешены в каждой коммуне ДГ и в течение всего этого времени на него безуспешно велась охота. Разумеется, все это подогревало интерес публики к нему еще больше. Журнал пытался взять у него интервью, но безрезультатно. И хотя ходило множество слухов о причинах, вызвавших войну против ДГ, никто не знал наверняка, почему он ее ведет. По-видимому, он сам не хотел, чтобы знали о мотивах. Поговаривали, что преподобный Ходжес и некоторые его приближенные знали подлинное имя Дьявола и причины этой войны, но тоже хранили молчание.

На вступительные вопросы адвоката Морс отвечал, что родился в городе Флинт, штат Мичиган, ему сорок восемь лет и последним постоянным

его местом жительства был Нью-Хейвен, штат Коннектикут. Психолог по образованию, он окончил университет в штате Мичиган и после защиты докторской диссертации в течение пятнадцати лет занимал должность заведующего кафедрой клинической психологии Йельского университета. Темой его научных изысканий была психопатология познания и восприятия в развитии личности, а также психофизиология мотивации и программирование поведения. Он был автором большого количества статей и двух монографий на эту тему.

Блейк спросил Морса, когда тот впервые занялся изучением вопросов программирования и депрограммирования сознания.

— В 1953 году в Корнеллском университете. Тема моей диссертации «Анализ дезориентации сознания вследствие воздействия стрессовых факторов в условиях заключения и сенсорной депривации». Я работал с бывшими заключенными, отбывшими длительные сроки тюремного заключения. Их сознание было запрограммировано в соответствии с порядком жизни в тюрьме.

— И ваше исследование имело целью способствовать их реадaptации к нормальной жизни на свободе?

— Да, сэр.

— Была ли диссертация опубликована?

— Да, сэр, была.

— И что произошло потом?

— Она привлекла внимание военных. Программирование, или как они его называют, промывание мозгов, заинтересовало Пентагон, и мне сделали предложение. В течение нескольких лет я работал в составе специальной исследовательской группы Управления разведки, затем в Управлении по исследованию кадровых ресурсов Министерства обороны и в Научно-исследовательском институте Министерства обороны имени Уолтера Рида. Затем мне предложили кафедру в Йельском университете.

— Мистер Морс, вы показали, что оставили кафедру три года назад.

— Да.

— И чем вы занимались все эти три года?

— Только практическим депрограммированием.

— А что послужило причиной такой резкой смены деятельности?

Он вспомнил холодный зимний день, когда в их доме в Нью-Хейвене раздался тот телефонный звонок. Запомнилось, что за окном как раз начал падать снег. Он смотрел на редкие снежные хлопья, медленно опускавшиеся на землю, молча слушал голос в трубке, и все это казалось кошмарным сном. Положив трубку, он поднялся к Норе, и они сразу выехали.

Дорога вела прямо на север. Снег усиливался, и скоро уже бушевала настоящая метель, залепляя ветровое

стекло. Щетки не справлялись, ехать приходилось медленно, наугад, но он не останавливался. В каком-то городке их остановил полицейский и посоветовал переночевать в мотеле, подождать, пока снегоочистители приведут шоссе в порядок, но они поехали дальше.

Каким-то чудом они все-таки добрались до городка Эссекс Джанкшен, откуда ему накануне позвонили. Там уже ждали. Они долго шли по длинному коридору, потом вошли в комнату, где лежало тело Сузи. Нора потеряла сознание. В состоянии шока ее увезли в больницу в Бэрлингтон.

Когда Сузи нашли, ее сфотографировали. Он попросил снимки. Шериф не хотел их доставать, но Морс настоял. С больших черно-белых фотографий на него смотрело лицо Сузи, искаженное предсмертной мукой. Он видел дерево, ветку с переброшенной через нее веревкой, распахнувшийся балахон, ее обнаженное тело с выступающими ребрами...

В ушах зазвенело, к горлу подступила тошнота, и он побежал к умывальнику. Потом ему стало холодно, бил озноб. Шериф участливо спросил, чем может помочь, и он вспомнил, что надо ехать в Бэрлингтон, узнать, что с Норой.

— Я повторяю свой вопрос, мистер Морс. Что явилось причиной вашего решения?

Взгляд Морса был неподвижен. Голос Блейка доносился словно откуда-то издалека. В зале стояла напряженная тишина. Он провел рукой по лицу и ответил:

— Самоубийство моей дочери.

Морсу было трудно говорить, глаза покраснели, время от времени он замолкал, потом продолжал рассказ. О том, как его восемнадцатилетняя дочь попала в секту, как они с женой ездили в Сидон в надежде увидеть ее и как их даже не впустили. О звонке Сузи, когда она потребовала перевести все ее деньги на счет ДГ, об оскорблениях, которыми она осыпала отца и мать, когда они пытались убедить ее вернуться. О тех методах, которые используются в сектах для того, чтобы человек превратился в послушный безвольный автомат и о результатах своих исследований в области программирования и депрограммирования. О том, как он понял, что спасти Сузи можно только похитив ее из Сидона. И о звонке шерифа. О том, как его жена лишилась рассудка. И о своем решении посвятить жизнь борьбе против похитителей душ.

Морс закончил давать показания в пятом часу, и судья Бреннер объявил перерыв. Для вопросов обвинения времени уже не оставалось.

Перевели с английского
Н. Беляева и С. Беляев.

Окончание следует.

ПРАВДУ ПРОПОВЕДУЕТ ПРАВЕДНЫЙ

Илья Чавчавадзе — первый из светских писателей, в котором Грузинская Церковь признала святого. И эта канонизация — первая в Грузинской Православной Церкви со времени восстановления ее автокефалии (независимости) в 1917 году. Поэт не дожил до этого события, но именно он в свое время возглавил движение за восстановление церковной автокефалии (она была своевольно упразднена царским правительством в 1811 году, через 10 лет после вхождения Грузии в состав Российской империи).

В 1987 году, накануне 150-летия со дня рождения поэта, Синод Грузинской Православной Церкви подытожил работу особой комиссии, рассмотревшей жизненный и творческий путь Ильи Чавчавадзе, и единогласно постановил: «За великий подвиг ради народа и Церкви признать Илью Чавчавадзе святым и наименовать его святым Илией Праведным; днем его памяти определить 2 августа нового стиля». Была написана икона и составлена соответствующая служба в честь нового святого. В тропаре (кратком величании) Илии Праведного поется: «Истину сеял и венец бессмертия обрел, правды ради потерпел и вышних селений славы достиг...»

Каноническим основанием для причисления Ильи Чавчавадзе к лику святых явилась его глубокая личная праведность, самоотверженное служение Родине и преданность Церкви, наконец, мученическая кончина и многолетнее всенародное почитание. Поэт окружен в Грузии благоговейной любовью. По издавна существующему обычаю его называют просто по имени — ИЛЬЯ, как и наиболее прославленных соотечественников: Шота (Руставели), Акакий (Церетели), Важа (Пшавела), Галактион (Табидзе).

Великий патриот, Чавчавадзе прекрасно сознавал, что нравственный идеал грузинского народа органически связан с его «верностью дедовской святыне», с исторической памятью. «Падение нации, — писал поэт, — начинается с того момента, когда кончается память о прошлом». Вместе с тем ни один из выдающихся деятелей грузинской культуры не знал Россию так хорошо, как он. Возглавив национально-

Илья Чавчавадзе — неожиданная фигура в сонме святых. Поэт, просветитель-демократ, он недавно был канонизован

Грузинской православной церковью. Это решение одобрили Константинопольская, Александрийская и Элладская церкви.

Почему так привлекает сегодня внимание и церковных, и светских кругов Грузии судьба и творчество поэта?

На этот вопрос пытаются ответить на наших страницах.

с одной стороны,
Валентин НИКИТИН — богослов, автор ряда церковно-исторических исследований по христианству в Закавказье,
с другой — поэтесса и переводчица грузинской поэзии **Лариса ФОМЕНКО** и ее тбилисская коллега, грузинская поэтесса и переводчица с русского **Мзия ХЕТАГУРИ**.

освободительное движение своего народа, Илья Чавчавадзе стремился привить каждому грузину чувство глубокого уважения к свободолобивой русской культуре, с глубокой признательностью говорил о ее благотворном влиянии. Годы своей учебы на юридическом факультете Петербургского университета (1857—1861) поэт называл «золотыми».

Являясь поборником всеобщего просвещения, поэт прекрасно понимал подлинное значение науки и культуры; толстовские идеи нивелирования культуры и «опрощения» представлялись ему ошибочными и искусственными.

Человек исключительной доброты, на-

стоящий бесребреник, он все свое состояние завещал «Обществу по распространению грамотности среди грузин», бессменным председателем которого был более тридцати лет. «Я веду беседу с Богом, чтоб вести отчизну к свету!» — было его девизом.

Мировоззрение Чавчавадзе свободно от односторонностей идеализма или материализма. Он был глубочайшим реалистом, в том смысле, что объективной данностью для него являлась реальная жизнь, включающая и материальный, и духовный планы бытия.

Сейчас, когда вновь стали говорить о Милосердии с большой буквы, всеобъемлющий гуманизм великого грузинского поэта приобретает особую актуальность. И все более очевидна жестокость его гонителей, инспирировавших убийство поэта.

Недавно открытые архивные документы, которые потрясли грузинскую общественность, легли в основу пьесы на эту тему, осуществленную Акакием Бакрадзе в Тбилисском театре имени К. Марджанишвили. Атмосфера гласности позволила назвать подлинных виновников трагической кончины поэта.

Директор Института истории партии при ЦК КП Грузии доктор исторических наук Д. Г. Стураа подверг справедливой критике «чудовищную по своему невежеству» позицию видных деятелей обеих фракций социал-демократической партии — Ноя Жордания и Филиппа Махарадзе по отношению к Илье Чавчавадзе (Литературная Грузия, 1987. № 11. С. 3—9).

Глава Грузинской Церкви в интервью корреспонденту газеты «Литератури Сакартвело» (Литературная Грузия) сказал: «Не случайно Илья был поименован Праведным. Известная истина — правду истинно проповедует только тот, кто и сам праведен. Человек может говорить правду, а внутренне быть неправым. Слово правды тогда имеет силу, когда его говорит праведный, чистый человек. Илья был именно такой личностью, чье каждое слово и дело было осенено благодатью подлинной нравственной чистоты, человеческой честности... Отныне он является для нас не только общественным деятелем, писателем, поэтом, проповедником веры и добра, но и великим духовным покровителем нашего народа, посредником между Богом и народом...»

**Вы же берегитесь.
Вот, Я наперед сказал вам все.**

Мр. 13:23¹

...В кахетинском селе Кварели в своем крошечном имении умирала от тифа, лежа под навесом овчарни, княгиня Мариам. Она оставляла на попечение Бога и князя Григола пятерых малолеток. «Дэда-а!» - Иллило рвался к матери. Его не пускали, пока не вмешался отец. Мальчик бросился к больной. Напрягшись, как для ратного подвига, он иступленно молился: «Господи, сделай так, чтобы...» Но чудо не свершилось. После смерти матери Илью больше никто не называл Иллило...

Говорят, что, выбирая имя ребенку, родители словно подталкивают свое чадо к выполнению определенной миссии. Князь Чавчавадзе назвал второго из трех сыновей, родившегося в Кварели 8 ноября 1837 года, в честь Ильи-чудотворца, переспорившего, согласно Библии, 450 лжепророков. Решением Священного синода Грузинской православной церкви день Ильи, пророка и чудотворца, отмечаемый православием 20 июля (по старому стилю), назначен одновременно днем почитания Ильи Чавчавадзе, причисленного к лику святых и названного Илией Праведным. В решении Синода сказано, что народ признал Чавчавадзе святым задолго до его канонизации. Эту же мысль в беседе со мной высказал Батум-Шемокмедский митрополит Константин.

В сегодняшней Грузии авторитет Чавчавадзе равен славе царя Давида-Строителя и царицы Тамар; слово «святой» употребляют в адрес Ильи и в переносном смысле, ибо личность этого воистину необыкновенного человека волнует и верующих, и неверующих. Канонизация Чавчавадзе, проведенная по случаю 150-летия со дня его рождения, говорит не только о высокой оценке церковью его литературных, общественных и нравственных деяний, но и отражает колоссальное повышение интереса к его деятельности в наши дни. В Грузии учреждена Комиссия по уточнению биографии Чавчавадзе.

Во второй половине XIX века, когда разворачивалась деятельность Ильи Чавчавадзе, Грузия, раздробленная на княжества, находилась на грани экономического, политического и культурного краха. Общегрузинская духовная сплоченность уступала место частным интересам княжеских родов. Грузинский дух постепенно превращался в бараташвилевский, орбелиановский, даднановский, или областной — кахетинский, картлийский, имеретинский. История показывает, что в переломные моменты жизни каждого народа появляется ренессансная личность, способная стать лидером возрождения. Таковым был Илья. Но в сравнении с другими просветителями, общественными деятелями он, при всей цельности натуры, настолько парадоксален и уникален, что церковь — следуя его славе в народе — окружила Чавчавадзе ореолом мистического величия.

«Некоронованный самодержец Грузии» — так назвал его в наши дни Католикос-Патриарх всей Грузии Илия II. «Грузинский Макиавелли» — говорили о Чавчавадзе недоброжелательные современники. Он взялся за обновление и сплочение нации, преодолевая ее сопротивление, причем жестокое, и стал воплощением интеллектуальных и нравственных идеалов эпохи. В статье «О журнале «Сакартвелос Моамбе» Илья пишет: «Прозорливость, власть над временем — удел... гения. В своем смелом движении человек интеллигентный, Чавчавадзе даже в душе не мог допустить, что гений явился народу в его лице».

Илья быстро стал известным поэтом, прозаиком, критиком, публицистом; при этом сосредоточил в своих руках все грузинские благотворительные и просветительские общества, в том числе Всегрузинский дворянский земельный банк, дававший средства

для развития образования, книгопечатания и журнально-газетного дела. Чавчавадзе возглавил журнал «Сакартвелос Моамбе», а затем журнал «Иверия» и газету под таким же названием. Это не нравилось завистникам; даже у людей достойных возникала мысль, не является ли бурная деятельность Ильи проявлением тщеславия и властолюбия. Кое-кто подозревал его в нечестности, в страсти к наживе. Впрочем, и сегодня некоторые исследователи грузинской словесности говорят о литературном диктаторстве Чавчавадзе, о его гонениях писателей-романтиков.

Известность Чавчавадзе постепенно становилась общенародной. Его стихи и прозу читали и знали в пересказе городской люд и крестьяне, которые общались с ним на публичных выступлениях и в мировом суде, где он служил. Однако с крестьянами, трудившимися на земле, сданной Ильей в аренду, у него бызали иногда разногласия. Побывав в Германии и будучи знатоком аграрных вопросов, он пытался организовать хозяйство на европейский лад, с использованием техники и, выражаясь современным языком, с учетом экологии. По-видимому, он мечтал видеть свое имение Сагурамо чем-то вроде опытной модели будущей развитой сельскохозяйственной Грузии. Но, например, его запрещение необоснованной рубки леса задевало сиюминутные интересы крестьян и порой создавало конфликтные ситуации...

Шло очередное заседание правления банка. Не глядя в глаза Илье, выступал его соратник и ученик В. Мачабели: «Нынешний председатель банка не воплотил в жизнь наших планов... Напоминаю, что председателя нашего прозвали «бессердечным Ильей»...

Илья слушал, как всегда, собранно и угрюмо. Мачабели называет его «бессердечным», но ведь это только жестокость

¹ Стихами из Евангелия от Марка И. Чавчавадзе открывал каждый номер возглавляемого им журнала «Сакартвелос Моамбе» (Вестник Грузии)

лекаря. Как накормить голодных, если не быть бережливым? А в зале раздаются крики тех, кто считал себя хозяевами дворянского банка: «Чавчавадзе нас разорил! Деспот он! Долой идола!» Ответная речь Ильи, как обычно, покорила всех логикой, прямоотой и обаянием. Однако на душе у него неспокойно. Он умеет влиять на людей, но... увы! они его упорно не понимают. Господи, сделай так, чтобы... Но не свершилось чудо!..

Чавчавадзе все больше чувствовал одиночество:

Когда печаль находит на меня,
не к людям я спешу ее развеять,
а только песня вольная сумеет
меня утешить, как сестра моя...

Популярность Ильи продолжала расти, но не всем давалось осознание его миссии. Для многих людей мысль об исключительности современника невыносима. Величие Ильи, казалось, постиг один Важа Пшавела, который, как говорят, называл его «бого-человеком». Чавчавадзе притягивал к себе самых ярких людей эпохи, он общался с крупнейшим общественным деятелем и критиком Н. Николадзе, выдающимся поэтом А. Церетели, известным грузинским поэтом Р. Эристави. Но даже для них его призвание далеко не всегда было очевидным. Недооценка порой переходила в грубые выпады, напоминавшие травлю. В Мачабели анонимно издал книгу, где писал: «Илья утверждает свое... «я», стремится первенствовать в любом, каким бы оно ни было, деле!.. Не верим мы в ненужного, фальшивого и бесполезного...» Один из лидеров социал-демократического движения в Грузии Ф. Махарадзе заявил в газете «Могзаури» (15 мая 1905 г.), что Илья «грабит больных крестьян» в своем имении. Он также обвинил Чавчавадзе в сотрудничестве с охранкой царской России, а в другой статье, напротив, назвал Илью «людоедом-шовинистом»².

Будь Илья, согласно традиционному представлению о подвижнике, худосочным аскетом, восторженным идеалистом и непрактичным фантазером, его бескорыстие больше бы верили, хотя очевидно, что человеку физически и психически слабому не под силу была бы миссия духовного сплочения нации.

По внешнему облику и поведению Чавчавадзе мало чем отличался от других благополучных грузинских помещиков. В своем имении он соблюдал ритуал грузинского гостеприимства со всей его пышностью и весельем. Он был по-рыцарски галантен и педантично следил за своей внешностью «всегда в сюртуке, котелке, с тростью в руках», как вспоминал о нем писатель Иосиф Имедашвили. Но он же писал о Чавчавадзе: «...Хмурый, даже угрюмый... предельно собранный... Я часто слышал его речи и споры в публичных собраниях: спокойные, неторопливые, обдуманные».

А вот как говорит о себе сам Илья в письме к брату Гиголе из Петербурга, где он учился на юридическом факультете университета: «Вспомни густые, как смоль, брови, а заодно и излучающие благородство мои живые глаза, волевой лик и животик, названный невеждами пузом.. Насытить хлебом да вином даже такого человека, как я, обжору и банкрота, недолго... А вот книг и знаний полутить досыта оказывается невозможным».

Поразительно, что человек, успевший так много сделать для своей нации и мировой культуры, редкий эрудит, блестящий оратор, прекрасный организатор, был от природы молчаливым, неуклюжим и медлительным. В то же время, будучи азартным, он имел пристрастие к нардам и картам, и те, кто пытался его развешать, упрекали Чавчавадзе в безнравственности.

В детстве Илью мучила малярия. в Петербурге он заболел чахоткой; крепкое телосложение и прекрасный аппетит, несомненно, спасли его от ранней смерти. Илья не был вундеркиндом. Он бросил учебу в тбилисской гимназии, когда из-за неуспеваемости стал второгодником, и возобновил занятия только по настоянию тети, заменившей ему мать. Единственно, что понастоящему давалось Илье с раннего детства, так это стихосложение, мешавшее регулярным занятиям в гимназии. Лишь самому Чавчавадзе известно, сколько нужно было душевных сил, чтобы постепенно превратить нормальные способности в могучий разум, инфантильное упрямство — в твердость характера, добросердечность — в обостренное чувство справедливости, наблюдательность — в критический подход к жизни, беспечность в материальных вопросах — в строгую финансовую самодисциплину.

Католикос-Патриарх Илия II утверждает, что Чавчавадзе явился в Грузии «по велению божьему». Владыка Константин говорит: «Родившийся с божественными задатками, Чавчавадзе

...Врагов, что нож заносят надо мною,
Прости и не ввергай в кромешный ад,—
Они не знают, что они творят! —

эти строки Чавчавадзе начертаны на свитке, который держит иконописный святой Илья. Икона установлена в Сионском храме в Тбилиси. Копия — в Крестовом православном монастыре в Иерусалиме, где покоится прах Руставели.

всю жизнь развивал их силой воли». И добавляет: «В отличие от светской культуры, рассматривающей личность через результаты ее деятельности, церковь оценивает человека по его деяниям и устремлениям». Каковы они — деяния и устремления Ильи? К нему можно отнести слова древнерусской формулы восхваления князей: «От самых пелен Бога возлюбил. О церквях божних велми печашеся, пустошных бесед не творяше... А отчину свою... велми без лености хранящи...» И церковь при канонизации поставила патриотизм Ильи во главе угла как наивысшую его добродетель.

Как поэт, Илья создал стихи и поэмы, похожие на пламенные молитвы, пророчества и христианские афоризмы («Сон», «Молитва» — 1858, «Небесные голоса» — 1859, «Мать и сын» — 1871 и др.). Его поэму «Отшельник» (1883) изучают литературоведы и теологи разных стран. Как прозаик, он пишет повести «Человек ли он?» (1863), «Отарова вдова» (1887), представляющие собой правдивые притчи, которые разоблачают социальное зло и утверждают евангельские идеалы. Как сын церкви, он требует в своей политической программе восстановления автокефалии Грузинской церкви. Как истинный христианин, Илья, выступая в Петербурге на сессии Государственного Совета, членом которого он являлся, произносит речь с требованием отмены смертной казни..

² Махарадзе Ф. Собрание сочинений. Т. 6. Тбилиси, 1929. С. 222 (на груз. языке).

Но можно не менее высоко оценить его жизнь и с точки зрения сугубо светской — «по результатам».

Как посредник между культурами, Илья перевел на грузинский произведения Пушкина, Лермонтова, Добролюбова, Шекспира, Байрона, Гюго, Шиллера, Гёте...

Как подвижник грузинской культуры, он вместе с А. Церетели основывает национальный театр и Грузинское драматическое общество. Как «апостол знаний», Илья организует Общество по распространению грамотности среди грузин.

На поприще мирового посредничества и судейства в районе Душети вершит суд — справедливо, неподкупно и находчиво. Как благотворитель, отдает значительную часть личных доходов нуждающимся. Как врачеватель, руководит борьбой с эпидемией холеры в Среднем Картли...

Мировоззрение Чавчавадзе сформировалось под влиянием русских социал-демократов Белинского и Добролюбова, западноевропейского просветительства, идей утопического социализма, но политическая программа Ильи отражает самостоятельность его позиции, разработанной применительно к условиям Грузии.

В 1906 году совместно с другими грузинскими «шестидесятниками» Илья предпринимает попытку организации в Грузии национал-демократической партии, основные требования которой состоят в создании грузинской автономии в рамках Российской конституционной монархии. Как видно из художественного и эпистолярного наследия Чавчавадзе, он двойственно относился к русскому протекторату. Россия была для него «сомнительно золотой клеткой», в которой рабство Грузии поддерживалось грузинскими чинушами, продавшими родину. Обращаясь к последним, Илья, много раз побывавший в России, пишет:

**Мы из России
не приносили
ваших ремесел — предательства, лжи.
Родину рады
продать за награды
вы, низкопробные торгаши.**

В письме к епископу Острожскому Серафиму в 1898 году Илья отмечает: «То спокойствие, та возможность мирного совершенствования, которые мы обрели под покровительством России, слишком большое приобретение, чтоб не дорожить им всеми силами нашей души... Но... живительная влага этого родника леденеет под влиянием холодного дыхания неверно понятой идеи обрусения усердствующими не по разуму чиновниками...»

В разработанном Ильей проекте программы конституционно-демократической партии грузинских автономистов, которая так и не успела сложиться, сказано: «Столетний бюрократическо-централистический режим, совершенно чуждый духу и национальному укладу жизни грузин... привел грузинский народ к полному застою...» По мнению советского историка Г. Мамулиа, эта программа является «либеральной, и, следовательно, буржуазно-реформистской... По мысли Ильи... Грузия на пути превращения в суверенное государство должна была пройти сперва через буржуазно-демократическую автономию в рамках Российской конституционной монархии». Придавая огромное значение аграрному вопросу, Чавчавадзе стремился превратить крестьян в землевладельцев. «Однако этот процесс Илья представлял иначе, нежели грузинские социал-демократы, которые добивались удовлетворения требований грузинского крестьянства... путем экспроприации земли у грузинского дворянства, что привело бы к разорению грузинской интеллигенции дворянского происхождения и к уничтожению тех национально-культурных учреждений, которые эта интеллигенция содержала за свой счет». Как считает советский историк А. Бакрадзе, «по мнению Ильи, правильное развитие революции для грузин заключалось в том, чтобы все грузины без различия сословий объединились бы и потребовали автономии».

При всей утопичности взгляды Ильи не могли не иметь под собой некоторой реалистической основы, ибо в Грузии дворянство было в основном малосостоятельным, а капиталистические отношения находились в зачаточном состоянии, и поэтому классовые противоречия были несколько смазаны.

Пункт «Рабочее законодательство» в «Манифесте» Ильи почти полностью заимствован из программы социал-демократов, что говорит об определенной общности их целей. Тем не менее,

учитывая значительные разногласия по другим вопросам и сложившуюся за многие годы популярность Ильи как общественного лидера, социал-демократы видели в нем опасного противника.

— Что вы делаете?! Я ведь Илья!!!

Он не ощущал ни страха, ни инстинктивного желания любой ценой остаться в живых. Он только впервые по-настоящему осознал свою миссию и понял, что не успел довести ее до конца. На фазтон, в котором он ехал с женой, княгиней Ольгой в имение, напали у Цицамури крестьяне. В начавшейся кровавой схватке Илья смутно различал их полужнакомые лица, и они его не интересовали. Острый взгляд сразу выделил одного, молодого, непохожего на крестьянина. Мысль заработала с невероятной скоростью. Этого человека Илья встречал в Тифлисе в частном доме. В целях конспирации незнакомец называл себя просто «Имеретинцем». Илье говорили, что он известен как один из самых метких стрелков. И вдруг Илья почувствовал с необъяснимой уверенностью, что где-то рядом в цицамурском лесу стоит еще один, тот, с которым он был хорошо знаком и часто спорил в печати, кто, как видно, надумал разрешить их спор уже не с помощью слова «Господи,— взмолился Илья,— сделай так, чтобы его жертвой не стала вся Грузия!» Но не свершилось чудо...

Из семи пуль только одна попала в Илью, пуля «Имеретинца»³. Она пронзила грудь его справа и прошла под мышкой левой руки, разорвав сердце и левое легкое...

...Из газеты «Чвени Гза» от 5 сентября 1907 года за подписью Ф. Махарадзе: «Неужели наши «истинные» грузины не поняли, что мы не возложили лаврового венка к надгробью жертвы революционного акта?»

...Из 3-го издания Большой Советской Энциклопедии: «Чавчавадзе убит наемниками царской охранки»...

После гибели Ильи даже та часть грузинского народа и интеллигенции, которая равнодушно или скептически относилась к его подвижнической деятельности, как бы разом прозрела и осознала, кого потеряла Грузия в лице Чавчавадзе. Страна погрузилась в глубокий траур. Гроб с телом поместили в Тифлисе — сначала в Кашветском, а потом в Сионском соборе. Туда стекались десятки тысяч людей. Цицамури провозгласили грузинской голгофой. Епископ Леонид в надгробном слове назвал Илью радием, редким сплавом, самоизлучающим свет. Грузинская церковь призвала народ к осознанию того, что это чудовищное убийство является «следствием существования в народе грязи, пошлости и беспечности».

В двадцатые годы имя Чавчавадзе как проповедника либерально-буржуазных взглядов было предано официально забвению. Это, как и следовало ожидать, несколько не подорвало в народе авторитет Ильи и еще больше укрепило его репутацию мученика. Произведения Чавчавадзе читались в дореволюционных изданиях, о нем вспоминали, тайком посещали дом в Кварели, где он родился. Поэт становился легендой.

Видимо, это упорство и неколебимость народной памяти в конце концов привели к тому, что в 1934 году на I-м Всесоюзном съезде писателей Илья был реабилитирован. Не исключено, впрочем, что тут сыграло свою роль и личное отношение Сталина — ведь Чавчавадзе когда-то похвалил и впервые напечатал стихи Иосифа Джугашвили...

В августе 1907 года полиция задержала крестьян Лабаури, Хизанишвили, Мазманишвили и Инашвили по подозрению в убийстве Чавчавадзе. Крестьянин Апаури был убит при попытке к бегству. Крестьянина Бербичашвили задержать не удалось. На основании расследования и показаний свидетелей, среди которых были взрослые и дети, вина подсудимых была доказана. Суд приговорил их к смертной казни, несмотря на письменное ходатайство княгини Ольги, просившей помиловать виновных и сославшейся на то, что сам Илья непременно бы простил их. Незвестного «Имеретинца» и его «вдохновителя», о которых сообщили свидетели, полиция не разыскала.

Согласно воспоминаниям писателя И. Имедашвили и разысканиям А. Бакрадзе, в 1919 году в Грузии опять объявился крестьянин Гигла Бербичашвили, участвовавший в убийстве. Он

³ По другой версии, Илья скончался от четырех пуль «Имеретинца»

заявил, что в прошедшие годы был в эмиграции в Персии, а потом участвовал в революционно-партизанском движении. В 1922 году каким-то образом ему удалось получить мандат на членство в партии большевиков с 1903 года и право на партийную пенсию, сохранившуюся за ним и после реабилитации Чавчавадзе — вплоть до 1941 года.

«— Имедашвили, дорогой, ты должен помочь мне, мои заслуги ни во что не ставятся, я в обиде, некоторые получают высокие пенсии, а я что?»

— Какие у вас заслуги? — спросил я.

— Что значит какие, разве ты не знаешь, что я убил Илью Чавчавадзе?..»

Хвастовство и настойчивые требования повышения пенсии погубили Бербичашвили. В 1941 году до грузинских властей наконец-то дошло, что его надо судить. На суде выяснилось, что он не знает ни слова по-персидски, а потому скорей всего в Персии не был, а также не имеет ни малейшего представления о революционно-партизанском движении в Грузии в годы гражданской войны. Зато он назвал соучастником в убийстве Чавчавадзе Филиппа Махарадзе — так свидетельствуют архивы.

После получения телеграммы Сталина: «Судить со всей строгостью советского закона, не взирая на лица», Ф. Махарадзе умер от инфаркта (по другим источникам — застрелился).

«В любом культурном обществе существуют две системы взглядов на жизнь, определяющие его развитие... Сторонники первой системы в Европе зовутся консерваторами, второй —

либералами. Ревностные консерваторы и жизни не пожалеют за некоторые новшества, а рьяные либералы ни за что не поступятся тем, что им нравится в старом порядке... В России мы наблюдаем совершенно иное. Тут «отцы» рьяно защищают все старое, не разбирая, что хорошо, а что плохо... Упрямство «отцов» ожесточило «детей»... и довело последних до того, что они стали отрицать не только то, что заслуживало отрицания, но и то, что было дорого любому истинному либералу российскому», — эти слова из статьи Чавчавадзе 1881 года можно, не зная их принадлежности, посчитать отрывком из сегодняшней журнальной статьи.

Он пишет далее, характеризуя одну из черт Российской империи: «...Зачем судить виновных, их надо просто вешать... Ни один европейский консерватор не унился бы до подобного».

Наступивший XX век оказался трагичнее, чем, вероятно, предполагал Илья. Оказалось, что «можно просто вешать» миллионы «виноватых» и ни в чем невиновных, притом в самых разных странах. Можно уничтожать даже соратников, если они чем-то неудобны, а подвижников «просто» пристреливать на глухой дороге, как это было с Ильей Чавчавадзе.

...Историю

движут жертвы,

Когда она есть у наций

И жизнь защищает грудью

От смерти и мертвечины.

Историю

движут люди.

Которым стреляют в спину...

И. ЧАВЧАВАДЗЕ

И. С. АКСАКОВ

Иван Сергеевич Аксаков, чья неожиданная кончина огорчила всю Россию, был представителем так называемого славянофильства и после того, как умерли именитые славянофилы — Киреевский, Хомяков, Сергей и Константин Аксаковы — встал во главе этого учения. Редко представляет история литературы таких чистых, прямых, ревностных деятелей, каким был Иван Аксаков.

То учение, которому столь преданно и неустанно служил всю свою жизнь Аксаков, отрицало подвиг Петра Великого в деле обновления России и утверждало, что он совершенно не был ей нужен. Семя своего преуспеяния, усиления и счастья Россия имела в своем сердце. Петр Великий не обратил на это внимания, не способствовал его росту и развитию, а перенес в Россию чужие настроения, заглушил чисто русское семя, отнял у России собственное лицо и придал ей чуждый облик. Наряду с этим отрицающим направле-

нием у славянофильства был собственный идеал, который оно и старалось воплотить. Этот идеал состоял в том, что преуспеяние русской нации должно было произойти от веками признанных и устоявшихся обычаев и учреждений, то есть от «общины» и «земщины».

Конечно, отрицание заслуг Петра Великого было сильным преувеличением, но во многом другом славянофильство было правое. Начало преуспеяния нации находится в собственном духовном и телесном существе и строе, в собственной жизни и в историческом развитии.

Отрицание заслуг Петра Великого настолько увлекло славянофильство, что для его последователей и этого стало недостаточно. Для того чтобы еще больше унижить преобразования Петра Великого, они стали хулить даже достоинства Европы и дошли до того, что возненавидели любое подобное европейскому явление, оценивая его как злокачественный придаток к славянскому строю «Гнилая

Европа», «растленный Запад», — говорили они убежденно при каждом подходящем случае. Во всеуслышание и неотступно они доказывали, что единственная нация, явленная провидением, чтобы вдохнуть новый дух в бессильную старую Европу, является славянской.

Разумеется, такое крайнее учение вызвало много споров в России. Поле битвы осталось за противниками славянофилов. Последователей славянофильства становилось все меньше, и Аксаков оставался его почти последним защитником. Много неприятностей пришлось пережить этому честному бойцу, много насмешек и грубостей пришлось услышать от противников, но ни разу не изменил он своей сердечной вере, не запятнал свою честь и совесть. Сегодня на могиле Аксакова его противники перед всей страной заявили свою любовь, свое почтение к этому бескорыстному, бесстрашному, честному деятелю. Все петербургские писатели, бо- ровшиеся с Аксаковым при

его жизни, уронили слезу на его могилу и признали, что Россия потеряла одного из великих сынов.

Известно, что благородные и великодушные противники испытывают друг к другу не страх, а уважение. Отношение петербургских писателей возвышает не только Аксакова, но и их самих. Аксаков безоглядно служил правде, ибо правда не в том, чтобы высказывать истину, а в том, чтобы выразить собственную веру. Слово Аксакова было пылким и горьким, идущим от избытка веры и добра. Он был тверд в вере, добр и человеколюбив. Будто про него сказал Руставели:

Он был мягким, как ткань,
И твердым, как кованое
железо.
1886 г.

Перевел с грузинского
Георгий МАРДЖАНИШВИЛИ

Иверия. 1886. № 25 31 янв.
На русск. яз. публикуется впервые.

ЖИЗНЬ МУХАММЕДА

Вера ПАНОВА,
Юрий ВАХТИН

Общий вид Мекки.
В центре — Кааба.
Со старинной гравюры.

Племя за племенем принимали ислам, вместе с женщинами и детьми, шейхами и рабами. Немногие предпочли остаться в язычестве и платить дань, вечно дрожать за свою судьбу — все ли условия договора с Мухаммедом выполняются они точно и неукоснительно, не обидели ли ненароком соседей-мусульман? До берегов Индийского океана и Красного моря, до пустынь Центральной Аравии разлился по полуострову ислам. Всюду уничтожались языческие капища, беспощадно вырубали священные деревья, в щебень обращали бетины — вертикально торчащие из земли камни, идолы кочевников.

— Семя веры проросло! — радовался Мухаммед. — Из крошечного семени быстро растет могучее дерево! Пришла помощь бога и победа, и люди толпами устремляются к вере!

Даже разбойные шайки, укрепившиеся в горах Хиджаза и грабившие всех и без разбора, смирил Мухаммед строгостью и милосердием. Всю кровь и преступления, совершенные в язычестве, предал он забвению, беглым рабам среди них дал свободу, и разбойники приняли ислам и вернулись к мирной жизни.

Люди писания в городах и оазисах давно

Окончание. Начало см. в № 11, 12, 1988; № 1, 2, 5, 1989.

привыкли к государственности и связанным с ней налогам; испокон веков они платили кому-нибудь дань — собственным князьям и царькам, персам и арабам, грекам и эфиопам. Теперь они платили Мухаммеду — примерно столько же, и особой перемены в своей судьбе не ощущали; причин для враждебного отношения к исламу у них не было, на их веру Мухаммед не посягал, на их внутренние дела тоже — как и встарь, должны они были жить и творить суд по предписаниям своих священных книг.

Язычество не могло дать отпора исламу — оно уже умирало в сердцах людей. Священной войны с язычниками не потребовалось — достаточно оказалось угрозы, чтобы язычество пало.

К концу 631 года на покоренных Мухаммедом землях с язычеством было покончено, и умножившая свои силы умма пророка стала готовиться к новому походу на север — выдвинутая пророком программа войны за веру была направлена в первую очередь против Византии и зависимых от нее племен арабов-христиан — пока не покорятся люди писания и не станут платить дань.

Умма — община мусульман — охватывала сотни тысяч людей ислам стал непобедим, начатое пророком дело уже

давно двигалось усилиями тысяч людей, без его, Мухаммеда, усилий.

Покорение Мекки и обращение корейшитов нанесло удар бывшей сплоченности мухаджиров¹. Вера не разделяла больше соплеменников, никогда не угасавшее чувство принадлежности к разным кланам пробудилось в них с новой силой. Они радели теперь о многочисленных родственниках, их волновало, как и встарь, положение хашимитов и омейядов, преуспевание максумитов и науфалитов...

Мухаммеду приходилось примирять соперничавшие группы, внимательно следить, чтобы неосторожным словом или поступком не нарушить сложившееся соотношение сил. Все сподвижники были преданы исламу, они знали наизусть важнейшие откровения Аллаха, они помнили о всех решениях и поступках пророка и посланника божьего, служивших для них образцом удобного Аллаху поведения и справедливости. И все-таки у Абу Бакра было свое представление об исламе, у Омара — свое, у Али, аль-Зубейра, Османа — тоже свое. С этим Мухаммед ничего не мог поделать.

¹ Мухаджир (араб. — переехавший, уехавший) — сподвижник Мухаммеда, вместе с ним переселившийся из Мекки в Медину, совершивший хиджру.

В январе 632 года внезапно заболел Ибрагим. Внезапно — ибо мальчик до этого не отличался хилостью, он рос крепким, он уже начинал ходить и произносить первые слова. Мухаммед любил держать его на коленях, он радовался, с нежностью глядя на сына.

Теперь Ибрагим опасно заболел, и токсильные предчувствия овладели Мухаммедом; он бросился спасать его. Женщины поили метавшегося в жару Ибрагима настойками трав и мазали его целебными мазями, Мухаммед не мешал им. Он сидел у постели своего единственного сына и молился — власть над жизнью и смертью в руках бога, к нему он обращал свои молитвы, не молитвы — мольбы, просьбы о пощаде, милости и милосердии.

— Аллах — свет земли и небес, — шептал Мухаммед. — Свет его подобен светильнику в нише, светильнику в стеклянном сосуде, сияющем как жемчужная звезда. Зажигается от дерева благовонного, неземного; масло в нем вспыхивает без прикосновения огня. Свет к свету! Бог ведет к своему свету кого захочет, бог всемогущ. Спаси же, господи, сына моего единственного!

Ты всемогущ! Людям, которых ни продажа, ни купля не отвлекают от призывания имени твоего, от молитв и очистительной милостыни, которые боятся дня суда твоего, ты посылаешь награды. Ты посылаешь свои дары кому пожелаешь, без счета — спаси сына моего.

Молитвы не помогали, и лекарства не помогали. На третий день стало очевидно, что жизнь покидает Ибрагима.

— Сын мой! — рыдал Мухаммед. — Все мы от бога — и к нему возвращение! Скоро я последую за тобой, сын мой! Скоро я последую за тобой...

Многие порицали Мухаммеда за неумеренную скорбь по умершем сыне, им чудилась в ней непокорность воле Аллаха, в руках которого — жизнь и смерть, и судьба каждого. Но Мухаммед был покорен, к горю его не примешивался грех послушания.

— Бог не запрещает нам оплакивать близких и изливать скорбь слезами, — отвечал он тем, кто его попрекал.

Говорят, что Ибрагим умер 27 января 632 года, в день, когда солнце померкло и мрак на несколько минут опустился на Аравию.

— Небеса скорбят о смерти твоего сына, пророк! — говорили Мухаммеду верующие.

— Солнце, луна и звезды во власти бога, — отвечал им Мухаммед. — Им дела нет до людских судеб.

Сколько он ни внушал верующим чистое однобожие, языческие предрассудки крепко сидели в них...

После похорон Ибрагима спокойствие вернулось к Мухаммеду, но он понял, что означала эта смерть — дело его жизни завершилось, и бог собирался призвать его к себе. Скоро он последует за Ибрагимом и встретится с ним в раю. И с Хадиджей. И с Зейдом. Со всеми, кого он любил и потерял.

На земле же у него оставались только

Фатима и Айша; и, конечно, Али, отец его внуков Хасана и Хусейна.

— Я скоро умру, — сказал он как-то Фатиме, и она заплакала. — Не плачь! — улыбнулся Мухаммед. — У меня был выбор, и я выбрал смерть.

Фатима часто болела, Мухаммед вполне мог пережить и ее, последнюю оставшуюся у него дочь.

— Хотела бы ты умереть раньше меня? — спросил он Айшу.

— Нет! — не задумываясь, ответила Айша, и заметив, что пророк огорчен, добавила: — Ты похоронишь меня и будешь плакать на моей могиле и молиться обо мне, а потом вернешься к женам.

Мухаммед, по словам Айши, улыбнулся и больше к разговорам о смерти не возвращался. Он любил Айшу и был сердечно привязан к ней; но Хадиджа бы ему так не ответила.

Смерть Ибрагима подорвала в Мухаммеде волю к жизни, болезнь его усилилась, «яд Хайбара» сжигал его изнутри.

Аллах выбрал его, Мухаммеда, своим пророком и посланником. Выполнил ли он волю Аллаха? Все ли сделал для распространения истинной веры? Пожалуй, все. Через него поведал Аллах обо всем, что необходимо людям, чтобы жить на земле справедливо и заслужить счастливое бессмертие в раю. Греховное отделено от добродетельного, чистое от нечистого, запретное от дозволенного. Известно теперь, как молиться и как соблюдать пост, как судить и как наследовать имущество, как торговать и вступать в брак, как относиться к женам и рабам, что есть и что пить, как одеваться. Даже о том, сколько времени кормить грудью младенцев, не забыл поведать людям Аллах. О каждой опасности, подстерегающей человека в жизни, поведано людям через Мухаммеда. Никто в день Страшного суда не сможет сказать, что грешил он по неведению — все грехи перечислены, все известно.

Осталось теперь лишь нести веру по земле — и об этом поведано верующим, еще год назад, они это знают. Не все понимают мудрость Аллаха, предписавшего войну для распространения власти ислама, мир кажется им лучше войны...

Все существенное поведал Аллах через Мухаммеда, посланничество его завершается, пора Мухаммеду возвращаться к богу. Не ждут уже верующие с нетерпением новых откровений, пожалуй, даже страшатся их. Мухаммед знал об этом.

Один его долг оставался не исполненным — хаджж. Лишь недавно осознал он, что почитание не только Каабы, но и древних святынь в окрестностях Мекки угодно Аллаху и является обязанностью каждого верующего. Это новшество, радостно принятое язычниками, смущало многих первых мусульман. В прошлом году хаджж возглавил Абу Бакр, и за ним последовало менее четырехсот паломников. Подробного описания обрядов Мухаммед в откровениях не получил, пример Абу Бакра для верующих значил немного. Нужно было самому пророку возглавить

хаджж и подтвердить угодное Аллаху, да заодно разобраться окончательно, какие же из древних обрядов «чистые». Сердцем и разумом Мухаммеда руководил бог, и Мухаммед не сомневался, что, очутившись на месте, он выполнит все угодные богу обряды и воздержится от неугодных.

В марте наступило время паломничества, и Мухаммед отправился в Мекку. Весть о том, что сам пророк возглавит хаджж, разнеслась повсюду. Толпы мусульман последовали за ним — из одной Медины, уверяют благочестивые историки, поклониться святыням вышло шестьдесят тысяч верующих. Может быть, их было не шестьдесят тысяч, а всего лишь тысячи три — историки ревниво относились к славе пророка. Паломников было множество, а каким числом выразить этот взрыв энтузиазма и доверия к пророку, — не существовало.

Все сподвижники пророка сопровождали его, все девять жен следовали за ним — в носилках, укрепленных на спинах верблюдов.

После первой же ночной стоянки Мухаммед снял обычную одежду и облачился в ихрам — с этой минуты он предстал перед богом, и все мирское и нечистое стало для него запретным. Все хотели последовать его примеру, но Мухаммед потребовал, чтобы ихрам надевали лишь те, кто ведет с собой предназначенных для жертвоприношения животных. Жены его подчинились этому требованию, как вели себя остальные — неизвестно; в дальнейшем верующие отвергли эту рекомендацию пророка.

— Здесь я служу тебе, боже! — воскликнул Мухаммед, надев ихрам. — Здесь я служу тебе! Нет тебе равного! Одному тебе — поклонение, от тебя — все благое! Нет царства, кроме твоего царства, нет власти, кроме твоей власти!

Слова этой древней молитвы были хорошо известны; но во времена джахилии язычники исказили их, а теперь Мухаммед очистил ее, вернул ей святость — так молился праотец Ибрагим, представая перед господом.

Очистить угодный Аллаху хаджж от искажений, подсканных многобожникам сатаной, и было его долгом перед людьми.

В Мекке пророк совершил умру — поклонение Каабе. Болезнь измучила его, совершать обхождение вокруг храма и бегать между Сафой и Марвой ему было уже не по силам. На верблюдице Аль-Касве объехал он семь раз вокруг Каабы, тростью прикасаясь к черному камню, на ней же совершил «бег» между священными холмами. Исполняя эти древние обряды, он молился, и молитвы были обращены к единому богу; тем самым умра очистилась от языческой скверны.

Завершив умру, Мухаммед снял ихрам и переоделся в обычную одежду, чтобы немного передохнуть. Вместе с ихрамом он снял с себя все обязанности паломника — все мирское стало для него дозволенным, он мог видаться с женами, заниматься делами. Омар открыто осудил его за это; что бы Мухаммед ни делал, всегда находились недовольные, всегда кто-то его осуждал.

Отдохнув, он вновь надел ихрам и отпустил исполнить самое трудное — очистить от скверны долину Мина, горы Мудзалифу и Араф. Здесь были главные святыни кочевников, многобожники чтили их больше, чем Каабу.

Через долину Мина, мимо горы Мудзалифа проследовал Мухаммед, во главе многотысячной толпы паломников, к горе Араф, древнему месту «предстояния», где всегда люди лицом к лицу встречались с богом или богами. Идолы были уничтожены, но места их недавнего пребывания помнились и почитались мусульманами особенно священными. В этом гнездились язычество.

— Вся гора Араф — место предстояния! — громко возвестил Мухаммед, — Вся, целиком!

— Здесь служу я тебе, господи! Здесь я служу тебе! — стали кричать мусульмане знакомые слова молитвы, выкрикивая их как можно громче и повторяя многократно.

С вершины Араф обратился Мухаммед с проповедью к паломникам. Он говорил, а Рабия ибн Убайя, наделенный могучим голосом и четким произношением, был его глашатаям.

— О люди! — кричал Рабия многотысячной толпе. — Посланник бога говорит: Знаете ли вы, какой сейчас месяц?

— Священный месяц! — кричали в ответ.

— Посланник бога говорит, — кричал Рабия. — Бог освятит вашу кровь и ваше достояние до дня встречи с ним, как он освятил этот месяц!

Фразу за фразой повторял Рабия слова Мухаммеда, голос которого не мог долететь до толпы.

— О люди! Не знаю, встретимся ли мы через год, — внемлите же словам моим! — говорил Мухаммед. — Ваша кровь и ваше достояние — священные до встречи с господом вашим, и этот день, и этот месяц, и этот хадж — священные!

— Верните клятвы тому, кто вам доверился, — клятвы запретил господь! Ростовщичество запретил господь — проценты уничтожаются.

— ... За кровь, пролитую во времена неведения, бог запретил мстить!

И я не буду судить ее!

О люди! Сатана теряет власть над всяким, молящимся на вашей земле. Но если вы станете поклоняться ему, он будет расставлять вам сети и сделает ничтожными в глазах бога все ваши деяния — бегите же сатаны!

Ваше право — на женах ваших, и право ваших жен — на вас! Вы вправе требовать, чтобы они не оскверняли ложе ваше и избегали непристойного. Если они не воздержатся — бог разрешает запереть их и наказывать ударами, но без жестокости! Если они воздержатся — их право требовать, чтобы вы питали их и одевали их — с добротой! Будьте снисходительны к поступкам жен ваших — ведь они пленницы ваши, не умеющие обуздывать себя; вы взяли их по закону господа, вы обладаете ими по слову господа — слушайте же мои слова, о люди!

О люди! Верующий — брат верующего, и все верующие — братья! Берите же от брата своего только то, что он дает вам, дает по доброй воле — и не ошибетесь вы! Поняли ли вы слова мои?

— Поняли! — кричали верующие.

— Посланник бога сказал, — кричал глашатай Мухаммеда, — бог — свидетель того, что вы поняли!

— О люди! Придерживайтесь того, что я оставляю вам, и вы не ошибетесь! Ясное знамение, книгу бога, оставляю я вам — внимайте же тому, что я говорю вам! Веруйте: бог — един, смерть и воскресе-ние — несомненны, и предопределено время, когда восставшие из гробов будут призваны на суд! Веруете ли вы?

— Веруем! — кричали в ответ...

Так или примерно так проповедовал Мухаммед во время хаджа.

Когда солнце опустилось к самому горизонту, паломники заволновались — они хотели, как и встарь, с воплями кинуться к горе Мудзалифе, чтобы скорее зажечь костры у ее подножия... Но Мухаммед оставался неподвижным — ему не надо было откровений Аллаха, чтобы видеть в этих воплях по умирающему солнцу языческую мерзость, несомнимую с верой. Он заставил их подождать, пока солнце полностью скрылось за горизонтом, а затем нарочито медленно — никаких оснований спешить не было! — повел их к Мудзалифе. То, что паломники начали кричать и хлопать в ладоши, и свистеть, его не смущало — пусть теперь кричат сколь душе угодно, солнце-то ведь село...

Хадж, который возглавил Мухаммед, происходил в марте, и чистое поклонение Аллаху невольно связывалось в сознании паломников, лишь недавно принявших ислам, с привычным поклонением солнцу, весне и Кузаху-громовержцу, повелителю гроз и дождей, оплодотворяющих поля и пастбища. Но скоро этой мерзости должен был наступить конец — бог не случайно запретил исправлять лунный календарь, время хаджа будет отныне приходится на разные времена года, хадж навсегда потеряет связь с язычеством — почитанием солнца и планет. Многие жаловались Мухаммеду, что в летний зной мучительно трудно будет совершать паломничество. «Хадж — это жертва богу», — отвечал Мухаммед, — а жертва и не должна быть легкой».

В долине Мина были оставлены только три идола — отныне они стали символами сатаны, которого Исмаил некогда отгонял камнями. И древний обряд бросания камней наполнился новым содержанием — мусульмане отрекались от всякой связи с сатаной, бросая в каждого идола по семи камней, подобранных на склонах Мудзалифы. Бросание камней они сопровождали молитвой «Здесь служу тебе, господи! Здесь я служу тебе!», ибо Мина тоже была местом предстояния. Жертвоприношения в долине Мина верующие совершали теперь в память об Ибрагиме, который собирался здесь принести в жертву богу своего сына.

— Вся долина Мина — место жертво-

приношения! — объявил Мухаммед, ему важно было отучить мусульман от заклания животных на тех местах, где недавно стояли идолы, ибо жертвы их принадлежали Аллаху.

После жертвоприношения большинство паломников заканчивали хадж — они брили головы, снимали ихрам и возвращались к обычной жизни.

— Пейте и ешьте и наслаждайтесь — так повелел Аллах! — возвестил им Мухаммед; любимый язычниками праздник не таил в себе угрозы чистоте ислама.

Кругом уже были расставлены бесчисленные палатки и шатры, торговцы разложили свои товары, фокусники, поэты и певцы собрались сюда со всей Аравии — знаменитая ярмарка в долине Мина началась. Третью часть жертвенных животных предназначалась беднякам, все могли есть досыта и веселиться.

Мухаммед принес в жертву шестьдесят три верблюда — по одному верблюду за каждый год своей жизни. В честь своих жен он принес в жертву коров. Сюда, в долину Мина, прибыл к нему из Йемена встревоженный Али — Мухаммед совершал хадж без него, и это могло серьезно отразиться на его репутации в глазах верующих. Мухаммед купил верблюдов и для Али — тридцать семь верблюдов принес Али в жертву, если верить преданиям, — тоже по числу лет своей жизни. Неслыханно щедрое угощение устроили Мухаммед и Али для паломников.

Судьба Али тревожила Мухаммеда: многие влиятельные мусульмане относились к двоюродному брату, воспитаннику и зятю пророка враждебно. Кочевникам же Али нравился — бесстрашный воин, щедрый и прямодушный, он был им ближе и понятнее, чем такие сподвижники, как Абу Бакр, Омар. Мухаммед часто поручал Али улаживать дела кочевников и наводить порядок среди них, зная, что это умножает число его друзей. Мухаммед хотел прославить Али еще больше — он совершил вместе с ним жертвоприношение, он всячески выказывал свою привязанность к нему, и, говорят, даже призывал верующих любить Али — отца его единственных внуков Хасана и Хусейна.

Из долины Мина пророк вновь вернулся в Мекку: здесь он поклонился Каабе, выпил воды из священного источника Замзам, а затем уже обрил голову и снял ихрам — на этом его паломничество было закончено, и он возвратился в Медину.

Пророческая миссия его подходила к концу.

— Сегодня я завершил вероустав ваш, — услышал слова Аллаха Мухаммед в конце хаджа, — полностью проявил мою милость вам. Ислам — предание себя богу — сделал я верой вашей.

Хадж не принес Мухаммеду облегчения — болезнь его усиливалась. Все-таки он продолжал заниматься делами каждый день и являлся в мечеть руководить молитвами верующих. И он готовил мусульман к новому походу — опять на север, к берегам Иордана, в пределы Византии. Возглавить этот поход он поручил Осаме — сыну любимого Зейда ибн

Хариса, павшего смертью мученика в долине Мута. Мухаммед поклялся тогда, что Осама, а не кто-нибудь другой, отомстит за смерть Зейда. Осама было всего двадцать лет, и верующие негодовали, что Мухаммед поручает ему руководить походом — по их мнению, достаточно было людей более опытных, чем Осама, а главное — более заслуженных. Но Мухаммед не отменил своего назначения — войска на север поведет Осама, и в конце мая проводил его в поход.

Чуть ли не на следующий день после проводов Осама состояние Мухаммеда резко ухудшилось. Ночью его мучили кошмары, а затем он явственно услышал голоса, которые звали его, — умершие требовали, чтобы он помолился за них. Сейчас же, немедленно.

Он очнулся в ужасе от того, что не выполнен важный долг. С тех пор как Аллах призвал его, он ни разу не ослушался его воли, не исказил ни одного слова, не утаил ничего. Он всегда провожал верующих и молился на их могилах. Но кто-нибудь мог умереть в его отсутствие, ему могли не сказать об этом, или сказали, а он забыл. За десять лет умерли сотни людей — женщины, дети, рабы, он даже не знал их имен. Нет, не обо всех он молился. Нужно было спешить.

Поддерживаемый рабом, он отправился по улицам спящей Медины на окраину, к общественному кладбищу. Была середина ночи, молодой месяц корабликом висел над далекими горами, ярко пылали звезды на черном небе, белели камни на могилах. По словам раба, окончив молиться, Мухаммед воскликнул:

— Мир вам, люди могил! Счастье для вас, что вы умерли! Волнами мрака надвигаются беды, и каждая последующая будет ужаснее предыдущей!

Тревожное время близилось для уммы Мухаммеда. Язычество было сломлено, но в разностях частях полуострова стали появляться люди, объявляющие себя пророками Аллаха, лжепророки и колдуны которых следовало уничтожать без пощады.

На юге, в Йемене, власть захватил лжепророк аль-Асвад. На востоке, в Яммене, утвердился лжепророк Мусейлима — он получил откровения и творил свой Коран. «От пророка Мусейлима пророку Мухаммеду — мир тебе» — так якобы начинал свои послания этот лжепророк, предлагая Мухаммеду сотрудничать и поделить власть в Аравии. К северу от Яманы сеяла смуту лжепророчица Саджах, племена Центральной Аравии подбивал на восстание лжепророк Тулайка.

А кочевники не хотели платить закят...

С той ночи состояние Мухаммеда стало стремительно ухудшаться. Он едва добирался до мечети, чтобы руководить молитвой, с трудом пересекал двор, чтобы отдать себя работам очередной жены. Наконец болезнь одолела его — в домике Майнуны он впервые потерял сознание, а очнувшись, не мог подняться. Он попросил, чтобы его освободили от этих ежедневных переходов из дома в дом и отдали на попечение Айши.

До мечети ему было не дойти, руководить молитвой попытался вместо него Омар, но верующие не приняли Омара. Тогда Мухаммед поручил эту обязанность Абу Бакру.

От него всех удалили, даже жен. Теперь только Айша видела его и ухаживала за ним. Абу Бакр, Омар, Али и другие сподвижники заглядывали на минуту и сейчас же исчезали. Они спешно совещались со своими сторонниками, слали гонцов к дружественным кочевникам, настороженно следили друг за другом. Их заботила судьба уммы и судьба ислама. Вопрос о том, кто станет преемником Мухаммеда, был для них вопросом жизни и смерти.

Кого хотел видеть Мухаммед главой мусульман после себя? Никто не спрашивал его об этом, а он молчал.

Мухаммед молчал, но его боялись. Боялись его последней воли, необдуманного слова, ненужного откровения.

Слухи о смертельной болезни пророка вызвали среди мусульман опасное волнение. Некоторые настойчиво утверждали, что Мухаммед умер, другие были убеждены, что пророк не может умереть, что пророк бессмертен. Абу Бакр и Омар, по видимому, всячески успокаивали мусульман — болезнь пророка не опасна, утверждали они, он уже поправляется, скоро будет здоров. Утром восьмого июня, когда верующие собрались в мечети, двери хижины Айши распахнулись, занавес отдернулся, и на пороге показался Мухаммед. Его поддерживали, но все-таки он стоял — живой и невредимый. От дверей Айши до мечети было всего метров сорок, верующие хорошо видели пророка, некоторые утверждали, что он улыбался. Поставив минуту, Мухаммед слегка помахал им рукой, дверь захлопнулась. Все успокоились — и разошлись по своим домам.

Через несколько часов Мухаммед умер. В этот миг с ним была Айша. На ее крик сбегались остальные жены пророка, они огласили дом плачем, они раздирали свои одежды и царапали себе щеки.

Вопль их возвестил Медине о смерти Мухаммеда, все бросились к мечети.

Омар кричал, что Мухаммед не умер — он просто ушел на время к Аллаху, как уходил пророк Моисей; он скоро вернется! Омар грозил мечом всякому, кто распускает ложь о смерти пророка.

Абу Бакр, заглянув в дом Айши и удивившись, что Мухаммед мертв, поспешил обуздать Омара.

— О люди! — кричал он. — Если кто-нибудь поклоняется Мухаммеду, пусть знает: Мухаммед умер. Но бог, которому мы поклоняемся, бессмертен! О люди! Помните слова Аллаха: «Мухаммед — только посланник. Нет уже посланников, которые были прежде него; ужели вы обратитесь вспять, если он умрет или будет убит?»

Никто из собравшихся не помнил такого откровения... Но волнение понемногу улеглось, опасные мечтания о вознесении на небо и скором воскресении Мухаммеда были пресечены.

К ночи выяснились главные претенденты на власть. Али, которого поддерживали аз-Зубейр и Тальха, собирал сторонников в доме Фатимы. Ансары² сплотились вокруг Саада ибн Убада и с оружием в руках засели в квартале Бану Сайда. Остальные мухаджирь раскололись на сторонников Абу Бакра и сторонников Омара. По словам Омара, раскол среди мухаджиров привел его в ужас; но Али был для него совершенно неприемлем. Омар немедленно отправился к Абу Бакру, и они объединились. Той же ночью Абу Бакр, Омар и их сторонники пришли в дом Бану Сайда, где собрались предводители ансаров.

— Мы — помощники бога! — сказали ансары. — Вы, о мухаджирь, часть нас и нашего народа, среди которого вы поселились. Главой верующих должен быть ансар.

— Все, что вы сказали, — правильно, — ответил им Абу Бакр. — Но арабы признают власть только корейшита. Я предлагаю вам на выбор — Омара или Абу Убайду.

— Пусть у нас будет свой глава, а у вас — свой, корейшиты! — сказал один из ансаров.

— Протяни руку, Абу Бакр! — закричал Омар. — Я присягаю тебе!

За ним тут же принесли присягу Абу Бакру и остальные мухаджирь, а потом и ансары. «Мы готовы были тут же прикончить всякого, кто отказался бы присягать Абу Бакру», — говорил потом Омар.

Среди ансаров, как всегда, не было единодушия, их вождь — «лицемер» Абдаллах ибн Убайя, умер. За спиной мухаджиров стояла Мекка, слова «арабы признают власть только корейшита» не были выдумкой — лишь опираясь на мощь корейшитов, можно было сохранить завоевания ислама. В создавшихся условиях осторожный и благочестивый Абу Бакр устраивал их больше, чем Омар или Али. Присягу, данную Абу Бакру чуть ли не под угрозой смерти, ансары не собирались нарушать.

Али и его сторонники поняли, что они не могут противостоять объединенным силам Абу Бакра, Омара и ансаров.

Утром в мечети все верующие Медины присягнули Абу Бакру — он стал «заместителем посланника бога» — первым халифом, главой мусульманской уммы.

— Повинуйтесь мне, пока я повинуюсь богу и его посланнику! — сказал он мусульманам.

Халиф был избран, пора было позаботиться и о теле пророка.

Как нужно хоронить пророка, никто не знал — в Коране об этом не сказано. Жен пророка не допустили обрывать его тело, его тело омыли Аббас, Али и другие родственники — мужчины. Потом его завернули в три плаща — верхний был из полосатой йеменской ткани, и уложили на

² Ансар (араб. — помощник) — жители Медины, поддержавшие Мухаммеда после переселения мусульман из Мекки в Медину и ставшие его сподвижниками.

ту кровать, на которой застигла его смерть.

Во вторник после полудня началось прощание мусульман с пророком — сперва мужчин, потом женщин, детей и рабов. Они переступали порог хижины Айши, произносили слова молитвы и быстро уходили — нужно было успеть дать попрощаться всем. К вечеру несколько тысяч мусульман простились со своим пророком и заодно убедились, что он действительно мертв.

Спорили, где хоронить Мухаммеда, пока не вмешался Абу Бакр.

— Я точно помню, как пророк бога сказал: «Не было ни одного пророка, которого бы не похоронили на том месте, где он скончался». И еще пророк сказал: «Проклят народ, который поклоняется могилам пророков».

Некому было ни подтвердить, ни опровергнуть слова Абу Бакра. Но Мухаммед вполне мог высказать подобную мысль — всякие проявления идолопоклонства были ему ненавистны.

«Пророк сказал...» — отныне это стало звучать как закон.

Итак, пророк сказал, что хоронить его нужно на том месте, на котором его застигнет смерть. Поэтому кровать, на которой он скончался, отодвинули, и на ее месте выкопали могилу с нишей. В среду ночью тело Мухаммеда поместили в нишу, могилу засыпали и пол в комнате выровняли.

Мухаммед умер, оставив тысячи ревностных последователей, которые продолжали его дело.

Абу Бакр возглавлял умму, созданную Мухаммедом, чуть больше двух лет. При нем были подавлены восстания кочевников, не желавших смириться с налогами, уничтожены все пророки и пророчицы, сеявшие смуту.

Весь полуостров от устья Евфрата до берегов Мертвого моря покорился исламу.

Наиболее знаменитого «лжепророка» — Мусейлиму сразил во время решающей битвы Вахши — тот самый, который победил Хамзу в битве при Оходе. «Я убил самого лучшего и самого худшего из людей», — говорил Вахши. До конца своей долгой жизни Вахши сражался на пути Аллаха и не раз бывал наказан плетями за пьянство, что ничуть не умаляет его славы великого воина.

По смерти Абу Бакра халифом был выбран Омар. Он поклялся, что из уст самого Мухаммеда слышал откровение Аллаха, повелевающее побивать прелюбодеев и прелюбодеек камнями, и помнил это место из Корана наизусть.

В списках Корана такого откровения не нашли — напротив, там говорилось не о смертной казни за подобное преступление, а о ста ударах палками. Один из самых полных списков Корана хранился в сундуке Хафсы, жены пророка и дочери Омара, — в нем тоже не нашли повеления побивать камнями. И все-таки Омар настоял на своем — было решено считать, что коранический текст, о котором он говорил, существовал, но его съели мыши. Характерно, что халифу Омару, который был

грамотен, и в голову не пришло записать короткий аят, который он помнил наизусть, и выдать эту запись за сделанную со слов пророка, и при жизни пророка. Омар по-своему понимал ислам, но он предал себя богу и на подобное святотатство был не способен.

Омар прославился простотой, суровостью и справедливостью. Говорят, что он выслушивал советы даже от женщин настолько он смирял свою гордыню, став заместителем посланника бога на земле. И доподлинно известно, что он не обогатился за счет уммы, хотя через его руки проходили колоссальные средства. Сам не обогатился и родственникам не дал — случай очень редкий в истории халифов.

Омар руководил верующими двенадцать лет, и при нем исламу покорились Палестина и Сирия, Египет и Ливия, большая часть Персии.

При Османе ибн Аффане, племяннике Хадиджи и зятя Мухаммеда, который был избран халифом по смерти Омара, продолжалось наступление ислама на Византию, полностью была покорена Персия, отряды мусульман захватили Дербент и весь Дагестан и вышли на берега Амударьи.

Но мусульмане были недовольны правлением Османа — его обвиняли в несправедливом дележе добычи и милостыни и явном пристрастии к близким родственникам, которых он назначал наместниками в важнейшие покоренные города. Посланный Амром ибн Аасом, завоевателем и наместником Египта, ревностные мусульмане явились в Медину, ворвались в дом Османа и убили его. Осман встретил их с Кораном в руках, и кровь его впервые обогрела страницы священной книги.

При Османе завершилось начатое еще Абу Бакром собирание Корана. При жизни Мухаммеда по рукам ходили лишь записи отдельных откровений и некоторых сур, часто отрывочные и неполные. Никто не заботился о том, чтобы собрать и сохранить все откровения, полученные пророком от Аллаха. Но время шло, люди, знавшие наизусть весь Коран или большую его часть, гибли в битвах, угроза забвения божественных строк становилась все более реальной. И угроза кровавой смуты — нельзя было допустить, что существовали разные тексты Корана, разночтения уже начинали приводить к мелким стычкам. Поэтому все записи коранических текстов, сделанные на пергаменте и пальмовых листьях, на глиняных черепках и плоских костях, на камнях и кусках ткани, были собраны и сверены, все знатоки Корана опрошены, и специальная комиссия, куда входили и секретари Мухаммеда, составила окончательный текст божественной книги. Остальные же списки велено было уничтожить.

Тексты, вошедшие в Коран, несомненно, создал Мухаммед, и многие из них еще при его жизни были объединены в специальные главы — суры. Многие, но не все. Остальные откровения составители Корана объединили в суры, руководствуясь памятью знатоков, набожным воодушевлением и здравым смыслом, учитывая содержание откровений, ритм и рифму

отдельных «строф». Не всегда сходились концы с концами, но составители все-таки объединили все сохранившиеся откровения в 114 сур и дали каждой суре название. Определить порядок расположения сур им было нелегко — Мухаммед не создавал книги как таковой, откровения и суры существовали для него совершенно независимо друг от друга, связанные лишь тем, что все они являлись частями небесного Корана, словами Аллаха. Составители не дерзнули навязывать свою волю богу, поместив в начале Корана «Фатиху», давно ставшую любимой молитвой мусульман, расположили остальные суры просто по их длине — длинные впереди, самые короткие позади.

Почти каждая сура оказалась составленной из откровений, полученных в разное время и по разным поводам. В этом виде Коран и дошел до нас. Многие откровения, полученные Мухаммедом, не вошли в Коран — одни были «отменены» еще при его жизни, другие просто забылись.

После Османа, правившего двенадцать лет, Медина провозгласила халифом Али. Фатимы уже давно не было — она всего на два года пережила Мухаммеда и, умирая, просила, чтобы ее похоронили рядом с отцом. Но ее просьбу не уважили — рядом с Мухаммедом похоронены Абу Бакр и Омар.

Али два года провел в непрерывных войнах с соперниками — против него выступили аз-Зубейр и Тальха, которых поддерживала Айша, его власть не признал Муавия — наместник Сирии — сын Абу Суфиана. Али разгромил войска аз-Зубейра и Тальхи, нанес несколько поражений Муавии, но был убит одним из фанатиков, мечтавших возродить первоначальную чистоту ислама.

Пятым халифом стал Муавия, положивший начало династии Омейядов. Он придал власти халифов более светский характер. Он назначал высоко содержание поэтам-язычникам. Его противники утверждали, что, пируя с близкими друзьями, он иногда приказывал принести Коран и с удовольствием плевал на него... Но что бы он ни думал о Мухаммеде и Коране, он вынужден был на людях торжественно клясться, что он верен каждому слову пророка и каждой букве Корана, а каждый поступок пророка — для него образец и закон. И так же клялся любой правитель и деспот после него..

Девять жен было у Мухаммеда в год смерти. Всех он обеспечил еще при жизни богатыми наделами земли в Хайбаре, а халифы выплачивали им щедрые пенсии. Ислам запрещал им вступать в новый брак, зато их почитали верующие, их рассказы о Мухаммеде высоко ценились, с ними советовались судьи и богословы. Они были священные — им не рубили голов, даже если они вмешивались в кровавые политические интриги. Благочестивая Зайнаб на восемь лет пережила Мухаммеда; наследники ее не получили ничего — все средства, в том числе двенадцать тысяч дирхемов, подаренных ей халифом Омаром, она раздала беднякам. Напротив, Софийя, плененная в Хайбаре, прожив

после смерти Мухаммеда почти пятьдесят лет, приумножила свои богатства и оставила наследникам почти сто тысяч дирхемов. Рукописи, хранившиеся в сундуке Хафсы, помогли, как уже говорилось, составить Коран.

Айша, которой в год смерти пророка было всего восемнадцать лет, прожила долгую и бурную жизнь. Она участвовала в заговоре против Османа и воевала на стороне аз-Зубейра против своего давнего врага Али. Говорят, она не простила ему попыток развести ее с пророком. Решающая битва отрядов Али и аз-Зубейра получила в честь Айши название «битвы верблюда» — ее вывезли на верблюде в защищенном броней паланкине, и она, «мать верующих», вдохновляла соратников аз-Зубейра. Вокруг Айши разгорелась одна из самых ожесточенных схваток, семьдесят воинов пали, защищая ее, но сторонники Зубейра потерпели поражение, священный верблюд Айши был убит, и она попала в плен к Али. Зубейр и Тальха пали в этой битве, и Айша предложила Али объединиться вместе против Муавии. Но Али отклонил это предложение и отправил ее обратно в Медину.

Айша прославилась рассказами о пророке. Тысячу двести хадисов — рассказов о том, как поступал пророк в таком-то случае и что он говорил по такому-то поводу запомнили верующие со слов Айши. Из подобных рассказов людей, близких к Мухаммеду, слагалась Сунна пророка — основа поведения и законодательства для верующих наряду с Кораном, ибо в Коране многих важных сведений благочестивые юристы и богословы не находили. Составленные позднее сборники включают до шестидесяти тысяч хадисов, а в народе имели хождение сотни тысяч рассказов о Мухаммеде — самых фантастических и друг другу противоречащих. Специалисты хадисной науки и по сей день особенно ценят рассказы, которые восходят к Айше.

Что сказать о других современниках пророка? Тысячи верующих, видевших и слышавших Мухаммеда, сражались на пути Аллаха. Они были среди тех, кто победоносно прошел через всю Северную Африку до берегов Атлантического океана, Испания приветствовала их как освободителей от ига готов. Сыновья и внуки современников Мухаммеда, перевалив Пи-

ренеи, тревожили набегами окрестности Бордо. Большинство их не знало ни строки Корана, но они верили, что бог един, Мухаммед — пророк и посланник бога, законы бога — единственно справедливые, а смерть в бою за веру — венец благочестивой жизни и прямая дорога в рай.

Десятки раз в истории человечества кочевники покоряли обширные области с высокой цивилизацией, и военные успехи арабов не кажутся чем-то поразительным. Поразительны лишь их последствия — ни до, ни после завоевательные походы кочевников не создавали новой цивилизации. На покоренных же арабами землях возникла новая цивилизация, которая по праву называется арабской. Пятая цивилизация земли, существующая и поныне. В рождении ее участвовал Мухаммед — сын Абдаллаха, корейшит из крошечного города Мекки, на сороковом году жизни объявивший людям, что он пророк и посланник бога.

ХАДЖЖ (арабск. «идти вперед») — паломничество в святой город ислама Мекку (Саудовская Аравия) — религиозная обязанность и заветная мечта всякого правоверного. Каждый мусульманин должен хотя бы раз в жизни совершить его, но далеко не каждому удается это сделать. Кто-то немощен, кто-то не может надолго оставить семью, дом, дела — тогда разрешается послать в хаджж своего «заместителя» — вакиль аль-хаджж, были бы деньги на финансирование этого предприятия — несколько тысяч долларов. Кстати, с каждым годом посещение Мекки обходится все дороже. Те, у кого денег нет, но есть горячее желание и время, пускаются в путешествие, уповая на милость Аллаха, который поможет им заработать на проезд и пищу. Правда, дорога может длиться несколько лет, но цель все оправдывает. И хотя достигают ее не все, кто отправился в путь, уже само намерение ценится в исламе высоко. «Приходите ко мне не с делами своими, но с намерениями» — эти слова пророка Мухаммеда засвидетельствованы в одном из хадисов.

Хаджж совершается в 12-м месяце мусульманского календаря — зуль-хиджжа, и ввиду особенностей мусульманского лунного календаря, отстоящего каждый год на 11 дней, может приходиться на разное время года.

Паломничество — это целый комплекс обрядов, которые, как отмечают исследователи, восходят к древнеарабскому язычеству. Относительно обрядов хаджжа пророк Мухаммед не получил откровений, о них не говорится в Коране, но историки ислама сообщают, что весь ритуал был определен самим Мухаммедом во время «прощального» паломничества в родной город Мекку, которое он совершил за три месяца до своей кончины (в 632 г.).

В Мекке паломники должны быть на 7-й день зуль-хиджжа. Здесь они после омовения, бритья головы и бороды, умащивания себя благовониями облачаются в священную одежду — ихрам, которая не имеет ни единого шва, а состоит из двух кусков белой ткани — один оборачивается вокруг бедер, другой набрасывается на плечи. Женщины обязательно покрывают голову большим платком. После этого мусульманин не может заниматься никакими делами, ему нельзя пролить кровь живого существа, срывать плоды с деревьев и вообще даже думать о земном. Начинается так называемое «малое паломничество»: семикратный обход Каабы; целование черного камня; молитва; быстрая ходьба между холмами Сафа и Марва; питье воды из священного колодца Замзам (Земзем). По преданию, этот

источник чудесно возник в пустыне перед Хаджрар (библейская Агарь), которая мегалась между упомянутыми холмами с младенцем Исааком (библейский Исаак) на руках, погибая от жажды. Через много веков после этого Замзам снова был обнаружен дедом Мухаммеда Абд-аль Мутталибом, сторожившим идолов доисламской Каабы. Современные паломники запасаются священной водой, везут ее на родину в специальных сосудах — замзамиях, которые продают им мекканцы.

На второй день паломники отправляются в долину Арафат и после ночевки под открытым небом, 9-го зуль-хиджжа, совершается главный обряд хаджжа — стояние у горы Араф (подобно стоянию иудеев у горы Синай). Продолжается оно от полудня до захода солнца. Паломники молятся и слушают хутбу — проповедь. Как только солнце зайдет, все бегут в долину Музалифа, где молятся, молятся всю ночь. 10-го зуль-хиджжа совершается обряд бросания камней в долине Мина. Здесь стоят столбы, бывшие идолы, которых потом называли силами Иблиса (дьявола), мешавшими Мухаммеду. В них-то и надо бросать камни, тоже семь раз. После этого наступает время жертвоприношения — в жертву Аллаху приносят животных. Их можно купить у местных торговцев или бе-

дуинов, которые специально пригоняют стада в Мекку. В этот день начинается и длится три-четыре дня праздник ид аль-иджа (тюркск. курбан-байрам), один из двух главных в исламе (второй праздник — ид аль-фитр — разговение после месячного поста). Не только паломники в Мекке, но и мусульмане всего мира приносят в этот день в жертву животных в память о чудесном спасении Исаила, которого отец Ибрагим (библейский Авраам) был готов принести в жертву Аллаху, но ему было позволено заменить мальчика агнцем.

Те, кто сподобился совершить хаджж, получают право называться хаджи и носить белую чалму. Эти люди пользуются большим уважением у мусульман, нередко становятся для своих земляков авторитетом в решении жизненных конфликтов, третейскими судьями.

В наши дни все заметнее желание некоторых сил мусульманского мира пропагандировать во время хаджжа свою политику, стремление привлечь на свою сторону как можно больше мусульман. За последние годы в священном городе, где запрещено в дни паломничества какое бы то ни было насилие, произошло немало кровавых столкновений между теми, кто по-разному толкует законы ислама, принося их к своим целям и нуждам.

ОБОРОТЕНЬ?

КЕМ ОБЕРНЕТСЯ

Кадр из американского художественного фильма «Вой».

В. ЗАДОРЖНЫЙ

Невелика загадка, отчего так долговечен — и так «всепланетен» — образ оборотня. Издревле мы боимся друг друга. Кто он на самом деле, наш любезный сосед, случайный дорожный спутник, странник, просящий о ночлеге? А что творится в сердце старинного товарища, супруги, подчиненного?.. Оборотень грубо материализует метафору «человек человеку волк», и жизнь людей на протяжении столетий давала основание так считать.

Одновременно рассказы об оборотнях даруют (навязывают) человеку заманчиво-страшную возможность ощутить самого себя в облике фантастического животного. С незапамятных времен слушатель или читатель ведал, что в один ужасный день случай или колдовство могут низринуть его в тварный мир бестиария. Кентавры, морские девицы — полулюди-полузвери, которым можно было вчуже дивиться, которых можно или нужно было бояться, принадлежали все-таки к опасностям внешнего мира. Жуткое отличие оборотня в том, что он способен прийти и как бы «изнутри». Это та алчно вертящаяся воронка, через которую фантастический мир втягивает в себя фантазера.

На разных континентах воображение облакало человека в шкуры различных зверей: леопарда, ягуара, лисы... Но самое распространенное представление об оборотне связано с волком. С человеком,

превратившимся в волка или в существо с явными «волчьими» признаками. Иногда становятся хищником по своей воле, но чаще в волка превращают злые посторонние силы. Превращение происходит с помощью подсобных средств: притираний, мазей, пояса или одеяния из волчьей шкуры. Оборотень крупнее и сильнее обыкновенного волка, а главное — преступно любит человечину.

Почему в волк? На протяжении многих столетий он оставался существом вполне фантастическим — даром что охотники и крестьяне немало знали о его повадках (еще в XX веке волки изредка забегали на улицы, скажем, Парижа). Своеобразие средневековой психологии в том и состояло, что будничные наблюдения нисколько не подрубали крылья фантазии. Бестиарии верно подмечали прожорливость и силу волка, умение бесшумно подкрасться к овчарне — и тут же добавляли: от голода волк жрет землю, шея у него «иегучая» — поворачивается он только всем телом; ежели человек завидит волка в лесу первым, тот его не тронет, потеряв всю свирепость от человеческого взгляда; но уж если первым заметит путника волк — пиши пропало, человек теряет дар речи. От древних римлян пришла поговорка о молчуне: «Ты что, волка увидел?»

Поверье сохранилось, но христианский бестиарий посоветовал: человек,

оцепеневший от страха при виде волка, должен сбросить с себя одежду, найти два камня, стать на сброшенную одежду и колотить камень о камень, пока хищник не уйдет восвояси. Одежду, которую сбрасывает с себя человек, бестиарий уподоблял грехам, два камня обозначали когда апостолов, когда пророков, а порой — и самого Христа. Горе простаку, который воспринял бы эту аллегорическую руководящую к действию и вздумал бы пугать настоящего волка своим голым телом.

Безоглядно ненавидеть волка человек тем не менее не осмеливался никогда. Что-то, пугая, притягивало.

Коварный хищник искои был естественным символом ночи и зимы, даже самой смерти (египетский бог с головой волка провожал умерших в царство мертвых). Но наши далекие предки замечали в волке и какое-то загадоч-

КРАСНАЯ КНИГА

ФАНТАЗИИ

шись (принятие наркотика было частью ритуала). Во время сражения такие воины в своей галлюцинации считали себя волками. Кое-кто из них безвозвратно застрел в образе волка — и тогда человека-волка убивали, чтобы он не нанес ущерба стадам...

Средневековая гравюра.

ное свойство, роднившее его с солнцем. Проворство? Неутомимость? То, как он «катится» вслед за добычей? Мощь и свирепость — и этого достаточно было, чтобы стать символом солнца?

В незапамятные времена многие животные перебивали тотемами. Ни в какого хищника охотники и воины не перевоплощались столь самозабвенно и истово, как в волка: свирепость, выносливость, удачливость зверя восхищали первобытное сознание. Не могло это кончиться добром.

Геродот передавал рассказ о некоем североевропейском племени, члены которого ежегодно на несколько дней превращались в волков. Такой «манной величия» страдали многие племена в разных концах Европы. Например, у балтов были воины — слуги бога-волка, которые шли в бой буквально белены объев-

Германские воины-волки, по преданию, так свирепы, что не нуждались в оружии и убивали врагов своими щитами. Но саги повествуют и о кровавых разбойниках, тоже мнивших себя волками. Это не мешало верить, что героические предки со смертью превращаются в волков, и боги скандинавов и германцев — Один, Водан — сами были подобны воинам-оборотням. А конец мира представлялся как пришествие Фенрира — вселенского Волка, который откроет пасть от земли до неба и пожрет все и всех (даже Одина).

Древние греки начинали с поклонения Зевсу Ликейскому («ликос» — значит волк). Когда-то этот волкоподобный бог «требовал» человеческих жертв, и лишь позже, во времена олимпийской религии, возник миф о царе Ликаоне, которого Зевс превратил в

волка, ибо тот дерзнул угостить верховного бога человеческим мясом. Аполлон также был богом-оборотнем, одно из его имен — Ликейос. (В «Илиаде» Гомер называет Аполлона рожденным от волчицы; там же, кстати, следует рассказ о человеке-оборотне).

В Аркадии, где Ликаон считался основателем государства и первым царем, проходили пышные празднества — Ликаии, во время которых посвящаемые становились волками на девять лет — после того, как они собственноручно принесли человеческую жертву. Торжественно проходили в Древнем Риме и волчьи празднества — луперсалии: ведь легендарные основатели «Вечного города» были вскормлены волчицей...

Здесь какая-то философская бездна: отчего зверь, ничем не угодивший человеку, вновь и вновь оказывается мил человеческому сердцу? Неужели это всего-навсего, как писал Юнг, общность вины за давнее каннибальство? Но какая у нас общность вины с сереньким волчком из колыбельной, с Серым волком, помогавшим Ивану-царевичу, с волками, воспитавшими Маугли?..

Другое очевидно. Человек слишком часто прикрывался серой шкурой в поисках силы, ловкости, и самое главное, безнравственности. Нельзя так долго играть с огнем. И искра привела к пожару. В дальнем углу сознания тлеет и временами — то в одном, то в другом человеке разных эпох — вспыхивало особое рода безумие — ликантропия. Состояние, в котором человек воображает себя волком и становится социальным опасным, способным на любое насилие и на убийство.

Христианство яростно искореняло все волчьи культы как языческие, и в конце концов «положительный образ» волка остался только в фольклоре. Первые отцы церкви решительно отрицали и само верование превращения человека в животное, но вот в раннем средневековье теологи заколебались. Святой Бонифаций из Майнца еще не верил, что дьявол способен превратить человека в волка, но уже не сомневался, что человек своей злой волей может стать зверем. Самого сатану все чаще рисовали в облике волка. Люди — божьи овцы, их поглотитель — волк, враг божий... Папские буллы XV века против колдовства и ересей подогревали страсти вокруг перевоплощений дьявола в человека, а человека — в волка.

Первая массовая истерия — выявление и преследование оборотней (в том числе оборотней собак и кошек!) — прокатилась по Европе в XIV веке. Два столетия спустя оборотомания достигла нового пика. Следующая (последняя) массовая вспышка длилась во Франции с 1570 до 1610 года и сопровождалась небывалой «теоретической дискуссией». Покуда крестьяне забивали колымаги всех подозрительных прохожих, а суды приговаривали к сожжению одержимых ликантропией (а вкупе и невинно обогнанных), ученые мужи писали трактаты, магистерские диссертации и памфлеты на тему оборотничества.

Ликантропия оказалась важным оселком для проверки соотношения сил бога и дьявола, а потому и предметом яростных теологических битв. Если бог всемогущ, то как он допускает бесчинство дьявола — превращение им человека в волка? Один ученый воскликнул: «Тот, кто смеет утверждать, что дьявол в силах изменить облик творения божьего, тот утратил разум, тот не ведает основ истинной философии». Другой возражал: если алхимик может превратить розу в вишню, яблоко — в кабачок, тогда и сатана способен менять облик человека... силой, данной богом!

Самым нашумевшим случаем был процесс в XVI веке над неким Жилем Гарнье, наводившем ужас на жителей северных французских деревушек. По мнению современ-

прашивали и пытали в Доле в 1574 году. Протоколы допросов и сейчас читаются как детективный роман.

Подобных протоколов сохранилось немного, документированы единичные случаи ликантропии из тысяч и тысяч. Психоз «помогал» во времена дичайшего голода: позволял людям или списывать на оборотней людоедство, или же безумием «заслониться» от бога, когда отчаяние приводило к людоедству.

Теологические споры завершились выводом, что дьявол не превращает человека в волка, а только одевает его облаком и заставляет других видеть в нем зверя. Рождается оборотень от нормальной женщины, грешившей с бесом. Или с оборотнем. Едва она забеременела — возврата уже нет, дитя обречено темными силами. Более обычный случай появления оборотня: вселение в человека дьявола или колдовство. В обоих случаях жертва никакой силой воли не может справиться с роковой метаморфозой. Можно также заразиться ликантропией при контакте с оборотнем — через порез на коже, если туда попадет слюна человекозверя, или от укуса. (Впрочем, варварский аппетит чудовища редко ограничивается укусом...) В некоторых восточноевропейских преданиях на оборотня нет никакой упрямой — даже крестом нельзя отвести! По сербским поверьям, можно обезопасить дом от оборотней, натерев его по щелям чесноком. Убить оборотня можно лишь сереб-

ром собирает это приношение и одаряет негодевав особым втиранием, составленным из частей жабы, змеи, ежа, лисицы и, разумеется, волка. В полнолуние мерзавец обратится в оборотня. В быту оборотня можно опознать по запавшим глазам, которые светятся в темноте, по шелудивым ногам, по шерсти на ладони, по тому, что указательные пальцы у них длиннее средних, а при нарождающемся месяце на бедре выступает тайный знак...

Оборотню в «большой литературе» не повезло. Сюжет использован доброй сотней писателей — начиная с эпохи романтизма в моду вошло демоническое и иррациональное, и оборотень стал перебежать из романа в роман. Но настоящих удач не было. Даже с конвейера Дюма-отца оборотень вышел какой-то анемичный и совершенно нестрашный...

Но зато отыгралось на оборотнях кино! Со своего первого экранного появления в 1913 году человекозверь прочно утвердился в массовом кинематографе. В 1981 году приза «Оскар» удостоился герой фильма «Американский оборотень в Лондоне» — «за лучший грим»! Сюжет картины немудрящий, но техническое совершенство съемок сразило даже привычных ко всему зрителей: волчьи клыки, шерсть, морда выглядели прямо на глазах — крупным планом, так сказать, без подделки.

Находку поспешили тиражировать в новых фильмах об оборотнях. Как и в других случаях, коммерческий успех в массовом кинематографе одновременно свидетельствует о закате доброго старого мифа...

Превращения в волка современный человек боится в последнюю очередь. В круговороте городских буден не превратиться бы в автомат! Или, как подсказывают те же фантастические кинозрелища, в инопланетянина. Те тоже «произрастают изнутри» человека, узурпируют и тело его и сознание. Хоть волком вой от подобных фантазий!

Оборотень как фантастическое существо просуществовал еще долго. Наверно, пока жив его основной компонент — человек, существо совершенно фантастическое и непредсказуемое. И только когда ненависть человека к человеку наконец окажется выдумкой, которую мы долгое время — веков сорок — принимали за правду, а недоверие превратится в смешной пережиток, вздорная фантазия о человеко-нечеловеке останется не востребова-

ников, нищий бродяга Гарнье встретил в лесу дьявола, продал ему душу, а взамен получил снадобье, благодаря которому мог превращаться в волка. Так или иначе Гарнье действительно загубил множество душ: насиловал женщин, занимался убийством детей, людоедством, отгрызал у трупов убитых им мужчин гениталии... Его поймали, до-

ряной пулей или жезлом, благословенным в той или иной церкви...

Особые случаи оборотничества — когда зло само ищет выход из человека, и он сам норовит стать монстром. Во время ведьминых шабашей такие люди на перекрестках дорог или опушках леса оставляют клочки своих волос, кожи, капельки крови. Дья-

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ БЕСТИАРИЙ

Старуха и ее курятник

Судьба старушки уместится в нескольких словах. Однажды в девичестве ее так удивил лес, что она раз и навсегда ему предалась. Он был таким многокрасочным, и одновременно выдержан-

В. АХРАМОВИЧ

ным. В одних тонах Всегда зеленый, но столько оттенков зеленого. На это может уйти жизнь. Вся жизнь у старушки и ушла на это. Лес стал ее мужем. Она ушла к нему, отдавшись не телом, но духом.

Она сажала капусту и редьку. Остальное давал лес. И был у нее маленький курятник. В курятнике жили петух и курица. Старуха любила гостевать у них, сесть на «бревнушко» и ласкать взглядом то одного, то другую, а то и поговорить.

— Ну пошто? — вдруг спрашивала она.

Ни яиц, ни курятины она с них не имела.

— А ничего, — как правило, бодро отвечал петух.

Старуха слушала это «а ничего» и на душе у нее рассветало. Лицо ее

Рисунки И. Смирновой.

становилось мягким и лучистым.

— Я вот к вам за яйчком пришла, — подначивала она.

— Ха! — отвечал петух. — Не будет яйца.

— Пошто? — широко улыбалась гостя.

— Только золотое! — вспыхивала курочка.

Я рождена для золотого, а не простого яйца!

— Вишь, мания, — смиренно комментировал петух. — Она гайно замужем, ее муж — Золотое Яйцо. Ни о чем больше думать не хочет. И не может. Мания

— Ха-ха-ха... — переливалась звонким смехом старуха.

— А сам он, — жаловалась курочка, — он женат на обособленности. Слышал бы кто, как он тут распространяется о своей приверженности к независимости. У меня

хоть мечта, я хочу снести золотое яйцо, а он просто изувер.

Я хочу быть сильным, бодрым, бессмертным! И никакого тут изуверства, — возмущался петух.

— Тебе бы курятничек побойчее, — поддразнивала старуха.

— Мне никто не нужен! — вопил возмущенный петух. Я хочу бессмертия!

Ну-ну, примиряюще сказала старуха и пошла из курятника. Она пошла к лесу.

ДАР

Переступаю порог просторной, плохо освещенной комнаты и оказываюсь по меньшей мере в девятнадцатом веке. Инкрустированный перламутром столик, кресла времен Александра II, комод, аналог которого хранится в Лондоне, в коллекции Уоллеса. Вижу себя, промелькнувшей в зеркале, обрамленном прекрасным литьем работы ювелира Хлебникова, современника Фаберже. Работал он, как правило, по заказам двора. Слышен мелодичный звон настольных часов, так не похожий на назойливый писк моего электронного будильника. И только стул

московского мебельного комбината, словно золушка в обществе изысканных дам, возвращает меня в век двадцатый...

Так состоялось мое знакомство с коллекцией, переданной в дар Государственному музею искусств народов Востока по завещанию супругов Л. А. Турубинер и М. А. Барона.

Член-корреспондент АМН СССР, видный нейрохирург М. А. Барон на протяжении многих лет руководил отделом морфологии в научно-исследовательской лаборатории при Мавзолее В. И. Ленина. Его жена, Л. А. Турубинер, кандидат медицинских наук, работала врачом-

гигиенистом. В коллекции, которую супруги собирали с довоенных времен, более 400 произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства. Туда входят работы итальянского скульптора и дизайнера конца XIX — начала XX века Виланиса, распятие немецких мастеров XVIII в., европейская и русская мебель XVIII — начала XX века, керамические изделия с клеймом ВХУТЕМАСа. Все они представлены в советских государственных собраниях единичными экземплярами, и после оценки коллекции специалистами-искусствоведами многие из них были направлены в Музей изобразительных искусств им. Пушкина, в Государственную Третьяков-

CONTENTS

Perestroika in Action: ● An interview with Academician E. Tsislavsky focuses upon ethnic minorities in this country (p.2) ● "The Law and Convictions" — Cyril Archbishop of Smolensk and Vyazma and G. Lyalina, Ph.D. give their opinions of the Religious Cults Draft Legislation (p.6).

Science and Theology: ● "The Truth Cloaked in the Shroud" — Academician V. Goldansky, L. Regelson and L. Verkhovskiy discuss the results of the recent research into the mystery of the Turin Shroud (p.10).

Past Experience ● "The Dawn of the Live Sun", by K. Frolovsky — a biographic sketch of the late Emperor of Japan Hirohito (p.13) ● "The Pastor's Lot", by M. Odintsov (p.34) ● "The Truth Is Preached by the Righteous" — theologian V. Nikitin, poet and translator L. Fomenko and Georgian poet M. Khetaguri appraise the cultural heritage of Ilya Chavchavadze, Georgian poet, prose writer and public figure (p.51)

Our Interviews: ● Our correspondent L. Nemira meets N. Kuchin, West German journalist (p.20)

Our Dialogues: ● "Mathematics, a Magic Mirror of Learning" — philosopher P. Gure-

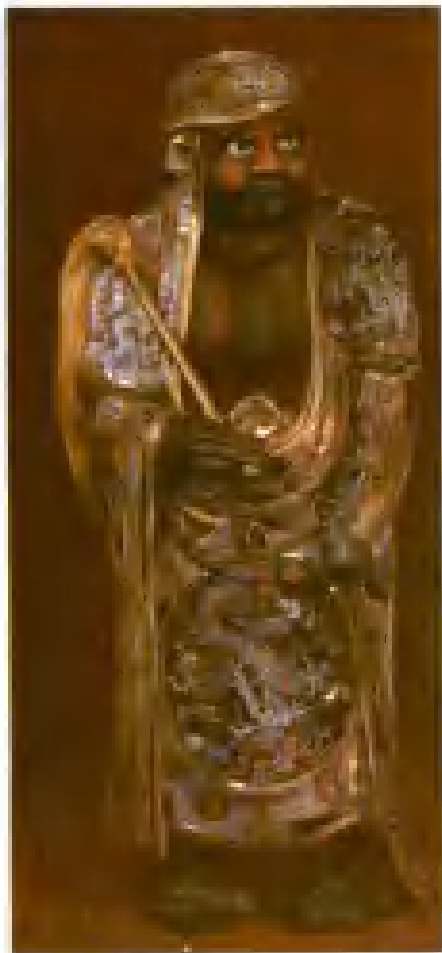
vich, Ph.D., treads the obscure area between physics and mysticism (p.23).

Religion Nowadays ● "The Way to a Nunnery", by Yu. Kuzmina — the story of a religious-minded woman's failed attempt to take the vows (p.31).

Arts and Literature: ● "Psychologic Bestiary", by V. Akhramovich (p.43) ● "The Cult", by M. Ehrlich (p.14).

Our Publications: ● "The Life of Muhammad", by V. Panov and Yu. Vakhtin (p.56).

The Red Book of Fantasy: ● "The Shapes That Werewolves Assume", by V. Zadorozhny — an essay on lycanthropy (p.62).

Дарума. Япония XIX в. Фарфор

Отшельник с тыквой. Китай XIX в.
Фарфор, эмаль, роспись

Еще одна фарфоровая фигура — отшельник с тыквой. Почему с тыквой? Обычно у народов Востока тыквочка-горлянка — символ бrenного мира и бесконечности познания. А эта скульптура изображает божество богатства. По представлениям японцев, богатство и благополучие олицетворял пожилой человек с пухлым животом в распахнутой рубашке, словно мешок, наполненный рисом.

Фарфоровая скульптура расписана цветными эмалями, а «отшельник» декорирован в технике редко встречающегося «черного семейства» (название идет от преобладающего цвета эмали).

Выставка этих произведений в Музее искусств народов Востока пользовалась большим успехом.

скую галерею. Музей-усадьбу Кусково.

Особое место в коллекции заняло искусство Востока, изделия мастеров Ирана, Индии, Индонезии, Вьетнама. Скульптуры XVII—XVIII веков, сделанные в Тибете и Монголии в технике литья из бронзы по исчезающей восковой модели, — редкость в собраниях СССР.

Среди уникальных произведений и фарфоровая скульптура. Дарума — первый проповедник буддизма в Японии и Китае. Эта скульптура выполнена в мастерских Сацума в XIX веке. Согласно существующим легендам, с именем Дарумы связано появление чайной церемонии. Для японцев Дарума — символ стойкости, упорства. И сейчас в Японии можно купить игрушку, изображающую Даруму. Как наш ванька-встанька, он падает и поднимается. Японцы считают, что их игрушка семь раз падает, но поднимается восемь раз.

Божество богатства. Китай XIX.
Фарфор, роспись.

Фото А. Корсунского.

«ВСЕ ВЕЛИКОЕ И МАЛОЕ ЗДЕСЬ...»

В VII веке на востоке Махараштры (ныне один из штатов Индии) побывал китайский ученый монах-буддист Сюань Цзан. Он сообщает, что в этой стране был горный монастырь, «нижние помещения которого находились в темном ущелье. Его величественные залы и глубокие пещеры высечены в отвесе скалы». Среди построек монастыря, основанного мудрецом Ачалом, «имелся большой храм, свыше 30 м высоты, в котором находилось каменное изображение Будды более 21 м в высоту». «На стенах этого храма изображены события из жизни Будды», «все великое и малое здесь было начертано». По сторонам монастырских ворот стояли каменные слоны...

...Однажды во время охоты на берегах Вагхоры («Тигровая река»), в местах, описанных китайским паломником, английские солдаты наткнулись на полузаваленный вход в пещеру. Так в 1819 году были обнаружены пещерные храмы, увековечившие название близлежащей деревушки Аджанты. Буддийские монахи облюбовали это отдаленное живописное ущелье во II веке до нашей эры. Работы по преобразению природных гротов и пещер вдоль скалистой излучины

щер Аджанты и есть те «нижние помещения» в «темном ущелье», о которых писал Сюань Цзан, — все, что осталось от монастыря мудрого монаха Ачалы.

Все пещерные входы соединяет дорога, проходящая по середине 75-метрового горного отрога, спускающегося к левому берегу Вагхоры. Великолепная каменная резьба покрывает потолки, стены, колонны; превосходные скульптуры. Но главная достопримечательность Аджанты — настенные росписи, многие из которых до сегодняшнего дня отличаются глубиной и яркостью красок. Их создатели, в основном буддийские монахи, руководствовались высоким принципом творчества: путь добродетели — путь красоты.

Живопись Аджанты — реалистична. Естественность и конкретность придают не только изображениям повседневной жизни индийцев — их играм, праздникам, быту, но и сценам, иллюстрирующим сюжеты из «джатак» — рассказов о прежних воплощениях будущего Будды. Фольклорным и мифологическим героям аджантской стенописи свойственны правдивость и человечность, красота и изящество, отсутствие грубой чувственности, тонкий психологизм. Вглядитесь в портрет бодхи-

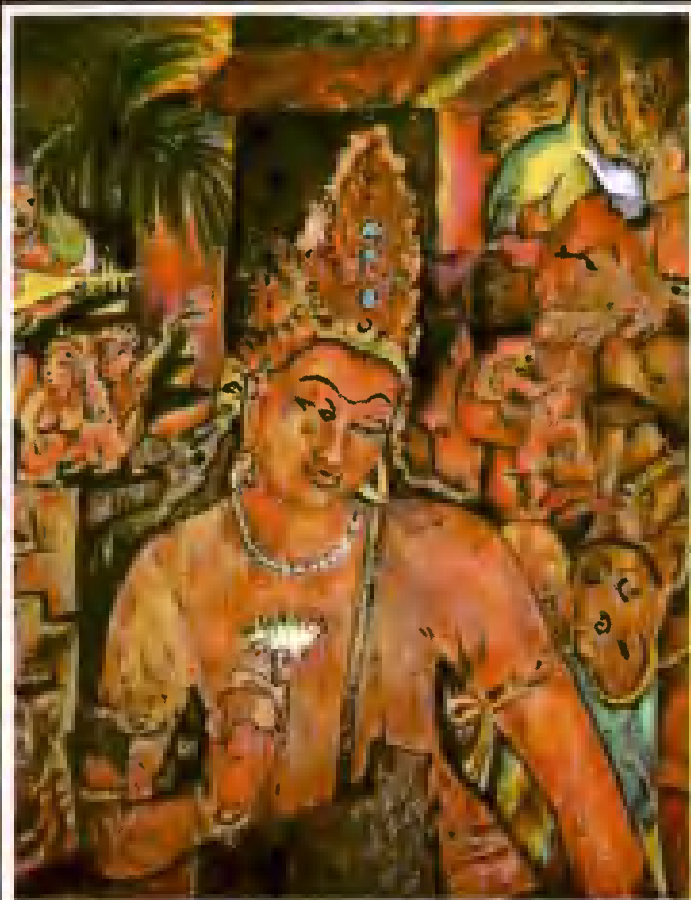
творенном лице, как бы размышляющем о бесконечной цепи смерти и рождении!

Другой замечательный образ — умирающая Сундари, молодая супруга раджи Нанды, ставшего последователем Будды. Как знак своего отречения от высокого сана и мирской жизни Нанда посылает жене свою корону.

Адрес
подписчика

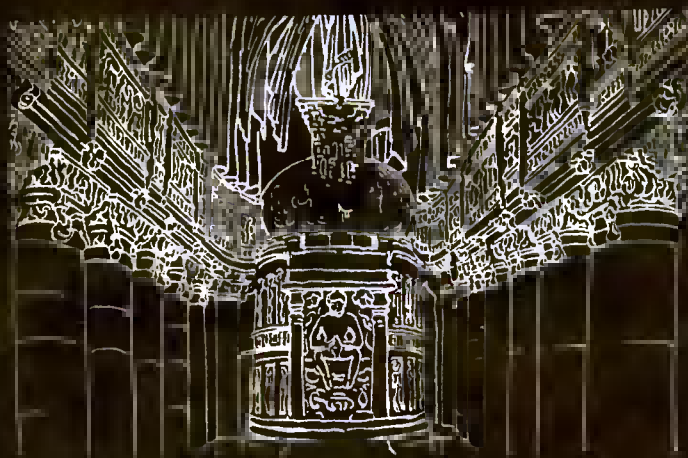
33-13

40 к. Индекс 70602

Аджанта. 26-я пещера-чапеля VI век.

«Бодхисаттва с лотосом»
Роспись из пещеры-вишны
№ 1. Конец V века.

реки продолжались вплоть до VII века новой эры и были прекращены с начавшимся упадком индийского буддизма. 29 пе-

саттвы с голубым лотосом. Разве «все великое и малое», из чего состоит жизнь человеческая, не отразилось в этом одухо-

Сундари увидела корону мужа в руках слуги и все поняла. Не в силах преодолеть свои земные привязанности, она умирает... Вообще женские образы в росписях Аджанты особенно поэтичны, они привлекают зрителя неповторимой пластикой и обаянием. Монахи-живописцы были большими знатоками не только женской психологии, но... и дамского туалета: до 240 видов причесок можно различить на женских головках, изображенных в пещерах Аджанты.

Росписи Аджанты стоят в ряду лучших памятников мирового искусства. Ученые считают, что для культуры Азии эта стенопись имела такое же значение, как итальянские фрески для Европы. По образному выражению индийского писателя Ходжи Ахмда Аббаса, «Аджанта — это пещеры, где и сейчас в глубоком мраке ночи пылают факелы жизни».

Вадим РОЗОВ